И. С. Проданъ.

„НОВАЯ ЛОГИКА".

Критическое изслѣдованіе и разъясненіе новыхъ и старыхъ заблужденій и ошибокъ.

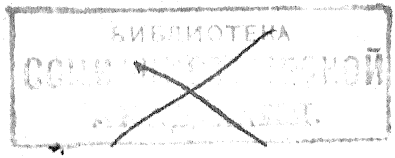
Цѣна 1 рубль.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ," Дѣвичья ул., № 14
1911.

И. С. Проданъ.

„НОВАЯ ЛОГИКА“.

Критическое изслѣдованіе и разъясненіе новыхъ и старыхъ заблужденій и ошибокъ.



Цѣна 1 рубль.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ,“ Дѣвичья ул., № 14.
1911.

„Прос...
...ова
ВС
117
ВС
60
...ТЕКА
...ЕМИИ.
50
34

Предисловіе.

Преподавая логику въ гимназіи и на высшихъ женскихъ курсахъ, я уже давно замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, которыя изъ года въ годъ передаются учебниками и даже пространными курсами логики. Эти ошибки, не замѣченныя авторами, конечно, принимаются за истины и заучиваются усердными учениками. Впослѣдствіи же многіе убѣждаются, что заученная школьная логика иногда сбиваетъ ихъ съ толку; изъ этого дѣлается обобщеніе, что безъ нея можно обходиться на практикѣ и притомъ правильно разсуждать. Такимъ образомъ нерѣдко закрадывается въ пытливые умы скептицизмъ относительно самой логики, какъ науки: думаютъ, что это—или сомнительная наука или же, по меньшей мѣрѣ, безполезная. Подобныя сомнѣнія относительно точности этой науки должны были возникать у многихъ, между прочимъ и у слушателей проф. С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго; а этотъ почтенный профессоръ извѣстенъ своей популярностью среди столичной молодежи, которой онъ преподаетъ логику больше четверти вѣка. Однако и онъ отмѣчаетъ отсутствіе интереса къ логикѣ у своихъ слушателей. Въ предисловіи къ своему университетскому курсу логики (напечатанному въ 1909 году) проф. Введенскій говоритъ слѣдующее: „Прежде я излагалъ логику по одному изъ распространенныхъ плановъ; и меня постоянно удивляло, что не смотря на мою любовь къ этой дисциплинѣ, ея лекціи, какъ ни старался я надъ ними, всегда привлекали къ себѣ значительно меньше слушателей, чѣмъ какіе бы то ни

было другіе курсы, читаемые мной“ [1]). То же заявленіе проф. Введенскій повторяетъ дословно и въ предисловіи къ своей „Логикѣ для гимназій“, изданной годомъ позже, т. е. въ 1910 году. Причину этого явленія проф. Введенскій видитъ въ „одномъ изъ распространенныхъ плановъ“, по которому онъ читалъ раньше [2]); но читатели настоящаго ислѣдованія убѣдятся, что она кроется въ чемъ-то иномъ, а не въ планѣ. Что недостаточный интересъ къ лекціямъ по логикѣ, читаннымъ проф. Введенскимъ, зависитъ отъ другой причины, видно между прочимъ и изъ предисловія къ его университетскому курсу, которое носитъ совсѣмъ оригинальный заголовокъ— „*Усерднѣйшая просьба ко всѣмъ читателямъ*“. Эту просьбу проф. Введенскій начинаетъ слѣдующими словами: „Усердно прошу всѣхъ, кто будетъ читать или просматривать эту книгу, указать мнѣ, въ печати или частнымъ путемъ—какъ угодно, все, что покажется ошибочнымъ, какъ въ научномъ, такъ и въ дидактическомъ отношеніи. Это еще не окончательное изданіе книги, которую я уже давно подготовляю... Только въ будущемъ (1909—1910) учебномъ году я расчитываю уже самъ выпустить окончательно обработанное изданіе... Если же я теперь согласился на торопливо отпечатанное изданіе, то къ этому меня принудила потребность среди учащихся въ различныхъ здѣшнихъ высшихъ школахъ, въ которыхъ постоянно широко пользуются изданіями моихъ лекцій по логикѣ (иногда записей) отлитографированными съ давно устарѣвшихъ даже и тамъ, гдѣ я вовсе не преподаю“ [3]).

---

[1]) Проф. А. И. Введенскій, Логика какъ часть теоріи познанія, С.-П.Б. 1909, стран. III. Въ цитатахъ я удерживаю правописаніе и знаки препинанія подлинника. Маркировки, не отмѣченныя особо, во всемъ ислѣдованіи принадлежатъ мнѣ. Въ длинныхъ цитатахъ попадаются скобки двухъ видовъ. Въ угольныхъ скобкахъ содержатся мои собственныя замѣчанія; а круглыя скобки и заключенное въ нихъ принадлежатъ самому цитируемому автору. То же будетъ соблюдено во всемъ настоящемъ ислѣдованіи.

[2]) Проф. А. И. Введенскій, Логика для гимн. С.-П.Б. 1910, Предисл. стран. V-I.

[3]) Проф. А. И. Введенскій, Логика, какъ часть теоріи познанія, стран. III. Итакъ слушателей лекцій Логики было мало у проф. Введенскаго; зато его отлитографированными лекціями „широко пользуются даже и тамъ, гдѣ онъ вовсе не преподаетъ“!

Популярность проф. Введенскаго распространилась и за круги учащейся молодежи, а именно—на приватъ-доцента Имп. С.-Петербургскаго университета—доктора философіи И. Лапшина. Послѣдній по порученію Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. въ офиціальномъ журналѣ названнаго министерства напечаталъ рецензію на 2-ое изданіе моего учебника логики [1]). Въ этой рецензіи г. И. Лапшинъ выставляетъ мнѣ проф. Введенскаго въ качествѣ авторитета по логикѣ, указывая на нѣкоторыя мои „ошибки", которыхъ, какъ онъ ошибочно полагаетъ, не имѣется въ логикѣ проф. Введенскаго [2]). Г-ну И. Лапшину я отвѣтилъ въ томъ же журналѣ въ январьской книгѣ с. 1911 года; отвѣтилъ я коротко, такъ какъ не могъ выйти за предѣлъ, установленный 139-ой статьей Цензурнаго устава и предоставленный мнѣ редакторомъ журнала [3]). Поэтому я не имѣлъ возможности входить въ подробныя объясненія заблужденій и самаго рецензента, и въ особенности его „авторитета по логикѣ"—проф. Введенскаго. Зато я былъ побужденъ внимательнѣе разсмотрѣть обѣ логики этого „авторитета". Къ тому же меня побуждала отчасти и его „усерднѣйшая просьба"; а еще болѣе—его сенсаціонное заявленіе въ той же „просьбѣ", будто „въ каждой главѣ [его университетскаго курса, а таковыхъ имѣется XVIII] найдется что-нибудь новое, по крайней мѣрѣ невстрѣчающееся ни въ одномъ [sic!] изъ учебниковъ логики" [4]). И я ознакомился вполнѣ достаточно не только съ этимъ произведеніемъ, „торопливо отпечатаннымъ", но и съ „окончательно обработаннымъ", т. е. съ „Логикой для гимназій..." проф. Введенскаго. Изъ этого знакомства я убѣдился, что проф. Введенскій сказалъ правду относительно его новшествъ,—если подъ словомъ „но-

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1910, сентябрьская кн., отдѣлъ „Народное образованіе" стран. 92—96.

[2]) Тамъ же, стран. 93.

[3]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1911, янв. кн. отд. критики.

[4]) Проф. А. И. Введенскій, Логика, какъ часть теоріи познанія, С.-П.-Б. 1909, III стран. Въ дальнѣйшемъ я для краткости эту логику буду называть университетскимъ курсомъ; а „Логику для гимназій"—„новой логикой".

вое" понимать то, чего еще никто не говорилъ его же словами. Однако это „новое", какъ въ томъ убѣдятся читатели, за весьма немногими исключеніями, противорѣчитъ всѣмъ логикамъ, въ томъ числѣ и моему учебнику. Послѣдній, какъ оказалось, использованъ проф. Введенскимъ въ значительной степени— обѣ его логики вышли послѣ моего учебника; однако самыхъ главныхъ моихъ поправокъ традиціонныхъ ошибокъ, а равно и усовершенствованій по дидактическимъ пріемамъ проф. Введенскій не принялъ изъ моего учебника. Мало того, противъ нѣкоторыхъ изъ моихъ поправокъ онъ возстаетъ, считая ихъ „ошибочными"[1]).

Я предполагалъ отвѣтить проф. Введенскому въ особой статьѣ. Однако мое намѣреніе оказалось неосуществимымъ: мои возраженія и опроверженія разрослись въ цѣлую книгу, которая и предлагается вниманію читателей въ видѣ настоящаго критическаго изслѣдованія. Въ немъ я не ограничился тѣми случаями, въ которыхъ проф. Введенскій полемизируетъ со мною; я излагаю по группамъ и важнѣйшіе спорные вопросы и традиціонныя ошибки, вошедшія въ учебники логики (таковыя имѣются и въ обѣихъ логикахъ проф. Введенскаго). При этомъ я старался выяснить суть заблужденій и ошибокъ, передаваемыхъ по традиціи, а равно и новыхъ оригинальныхъ ошибокъ, имѣющихся только въ обѣихъ логикахъ проф. Введенскаго. Равнымъ образомъ я старался доказать правоту и основательность моихъ поправокъ, впервые мною введенныхъ въ логику[2]).

Настоящее критическое изслѣдованіе, я думаю,

---

[1]) См: *Проф. А. И. Введенскій*, Логика для гимназій, §§ 91, 129, 150 и друг. Сравнить: X гл. настоящаго изслѣдованія §§ 6 по 14-й. Проф. Вв. не называетъ ни моего имени, ни моего учебника—онъ даже не цитируетъ моихъ подлинныхъ словъ; но его полемика можетъ относиться только ко мнѣ, такъ какъ моихъ поправокъ, до появленія обѣихъ логикъ проф. Вв-го, не было ни въ одной логикѣ, насколько мнѣ извѣстно изъ всей ученой литературы, съ которой я познакомлю и читателей.

[2]) Объ этихъ моихъ поправкахъ я не упоминалъ до сихъ поръ, полагая, что ихъ замѣтятъ сами преподаватели и спеціалисты. Но въ виду притязаній проф. Вв-го на „новое" въ вопросахъ логики, я по необходимости долженъ раскрыть источникъ того „новаго", о которомъ проф. Вв. заявляетъ въ предисловіи къ своему университетскому курсу.

окажется полезнымъ не одному проф. Введенскому и его слушателямъ, у которыхъ, по его же заявленію, съ перемѣной плана „началъ быстро расти интересъ къ лекціямъ логики“ [1]). Такъ какъ „новая логика“ извѣстнаго въ Россіи профессора философіи обращена къ умамъ и сердцамъ нашей молодежи; то я думаю, она должна заинтересовать и спеціалистовъ вообще и въ особенности преподавателей логики. Слѣдовательно и настоящій ея критическій разборъ не лишенъ для нихъ интереса. Для полноты освѣщенія важнѣйшихъ спорныхъ вопросовъ, я предпосылаю имъ краткіе историческіе очерки. Вопросъ о гипотетическихъ силлогизмахъ изложенъ мною съ исчерпывающей полнотою.

Впередъ прошу извиненія у читателей за нѣкоторые недостатки формы изложенія, которые тѣсно связаны съ характеромъ настоящаго изслѣдованія. А именно: мною почти вездѣ, гдѣ я критикую автора, приводятся дословно его слова, даже съ соблюденіемъ его орѳографіи. Вслѣдствіе этого не рѣдки повторенія—не только тѣхъ же мыслей, но и тѣхъ же выраженій, въ особенности, когда они разсматриваются съ нѣсколькихъ сторонъ. Чтобы этого избѣгнуть, пришлось бы пожертвовать точностью цитатъ, а равно полнотой и убѣдительностью моихъ возраженій. Но такъ какъ послѣднія качества работы я считаю гораздо важнѣе, то я пожертвовалъ изяществомъ формы. Это тѣмъ болѣе простительно, что настоящее изслѣдованіе—не учебникъ для гимназій и не руководство для изученія. Кромѣ того, есть и опечатки, (см. 228 стр.), которыя прошу исправить до чтенія книги.

Харьковъ, 7-го декабря 1910 года.

Исидоръ Проданъ.

---

[1]) Проф. А. И. Введенскій, а) универ. курсъ, стран. IV; б) Логика для гимн. Предисл. стран. VI. Такъ какъ объ логики проф. Вв-го воспроизводятъ и традиціонныя ошибки, то и таковыя я буду цитировать по его логикамъ: этимъ я избавлюсь отъ полемики со многими авторами логикъ.

I. Опредѣленіе и задача логики.

§ 1. Логика, какъ наука, существуетъ въ Европѣ уже 22½ вѣка, хотя настоящее ея названіе возникло нѣсколько позже, а именно въ стоической школѣ. За это время неоднократно мѣнялся предметъ и направленіе логическихъ изслѣдованій, а въ зависимости отъ этого нерѣдко измѣнялось и опредѣленіе логики. Начиная съ Аристотеля и до эпохи возрожденія занимались главнымъ образомъ формальной логикой, т. е. изслѣдованіемъ „формъ“ мышленія, преимущественно же—силлогистикой и дедукціей [1]). Направленіе формальной логики, на ряду съ другими, удержалось и въ новое время вплоть до нашихъ дней. Кантъ свою формальную логику опредѣляетъ, какъ „науку о необходимыхъ законахъ разсудка и разума вообще или—что то же—объ одной только формѣ мышленія вообще“ [2]).

[1]) Логическія сочиненія Аристотеля (объ Аналитики, Топика и Софистич. доказательства) только со средины 12-го вѣка вводятся въ школы и находятъ распространеніе подъ названіемъ Logica antiqua благодаря переводу и стараніямъ *Тьери изъ Шартръ*. (См. Fr. Ueberwegs Grundr. d. Gesch. d. Philos. bearb. v. Dr. M. Heinze, II. Th. 9. Aufl. Seite 202). Знаменитый *Абеляръ* опредѣляетъ предметъ логики, какъ „veritatis seu falsitatis discretio“ или со ссылкой на Цицерона, какъ „diligens ratio disserendi, i. e. descriptio argumentorum, per quae disseritur i. e. disputatur“. (Тамъ же стран. 203). *Альбертъ Великій* различалъ въ логикѣ двѣ науки: „scientiam inveniendi“ и „scientiam judicandi“ (Albertus Magnus, opera I. 5). *Ѳома Аквинатъ* считаетъ логику искусствомъ „ars quaedam necessaria... quae sit directiva ipsius actus rationis, per quam scilicet homo in ipso actu rationis ordinate, faciliter et sine errore procedat“. Thomas Aquinas, Prima Anal. I. a).

[2]) *I. Kant*, Logik 1800, S. II. Такъ же понимали логику и современники Канта: Г. Э. Шульце, И. П. Рейнгольдъ, и затѣмъ послѣ Канта: Фризъ, Кругъ, Гербартъ, Дробишъ, Вайтцъ, Штрюмпель, Р. Циммерманъ, Драблъ, Фолкманъ, Сэръ Гамильтонъ и другіе. См. Dr. R. *Eisler*, Wörterb. d. philos. Begr. Berl. 1910, II. Bd. S. 720—724.

§ 2. Начиная съ Бэкона, Лорда Веруламскаго въ логикѣ выдвигается на первый планъ „матеріальная“ индукція и методологія [1]).

Матеріальную индукцію еще до Бэкона разрабатывали древніе Эпикурейцы; а послѣ Бэкона—Ньютонъ, Гершель, Вюэль, Джонъ Ст. Милль [2]).

Методологіей послѣ Бэкона занимались въ 17 вѣкѣ: Декартъ, Локкъ, Лейбницъ; въ 18 вѣкѣ: Кондильякъ, Даламберъ, Кантъ; а въ 19 вѣкѣ: Гершель, Вюэль (Whewell), Джонъ Ст. Милль, Джевонсъ, Дюгамель, Махъ и другіе. Въ новѣйшей логикѣ методологія играетъ важную роль [3]).

§ 3. Въ связи съ вопросами логики еще въ древности разсматривались вопросы о возникновеніи знанія, о его цѣнности и о критеріяхъ истины, а именно: Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ. Въ новое время гносеологія разрабатывалась въ связи или съ метафизикой или съ психологіей. Но Кантъ большую часть своихъ изслѣдованій по гносеологіи назвалъ „Трансцендентальной логикой“ [4]). Съ тѣхъ поръ гносеологическая логика нашла себѣ множество представителей. Однако и въ ней есть два направленія: психологическое и антипсихологическое.

Кантъ въ своей „трансцендентальной логикѣ“ высказывается п р о т и в ъ объясненія и обоснованія ея психилогіей, хотя самъ довольно часто къ нимъ прибѣгаетъ. Къ гносеологическому, но антипсихологическому направленію

---

[1]) См. *Fr. Bacon*, N o v u m O r g a n u m. Lugd. Batav. 1650 Distributio operis. pag. 4 et 5: „In Logica enim vulgari opera fere universa circa Syllogismum consumitur. De Inductione vero Dialectici vix serio cogitasse videntur... At nos demonstrationem per Syllogismum rejicimus... Tamen ad Naturam Rerum Inductione per omnia, et tam ad minores propositiones, quam ad majores utimur. I n d u c t i o n e m enim censemus eam esse demonstrandi formam, quae Sensum tuetur, et Naturam premit, et Operibus imminet, ac fere immiscetur“. На слѣдующей страницѣ Бэконъ говоритъ: „Atqui opus est ad Scientias Inductionis forma tali, quae experientiam solvat et separet, et per exclusiones ac rejectiones debitas necessario concludat. (Ib 6).

[2]) См. П. Э. *Лейкфельдъ*, Логическое ученіе объ индукціи СПБ. 1890.

[3]) Ср. *B. Eisler* (цитир. соч.) стран. 796.

[4]) *I. Kant*, Kritik der reinen Vernunft. herausgegeben v. Dr. K. Kehrbach, 2 Aufl. S. 76—545.

логики въ наше время принадлежатъ: Шуппе, Шубертъ-Солдернъ и Гуссерль [1]).

Къ психологическому направленію логики принадлежатъ англійскіе философы, приверженцы ассоціаціонной психологіи, въ особенности Джонъ Ст. Милль, который логику считаетъ частью психологіи; затѣмъ: А. Бэнъ, Джевонсъ, Болдвинъ, Шиллеръ, Ридъ (C. Read); между нѣмцами—послѣдователи Ф. Брентано, затѣмъ—Т. Липпсъ, Авенаріусъ, Махъ; между французами—Рибо, Бинэ, Бутру, Бергсонъ [2]). Болѣе умѣренные психологисты признаютъ логику за самостоятельную науку, со своими особыми задачами, но нуждающуюся въ психологіи для обоснованія и объясненія логическихъ изслѣдованій и самихъ законовъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ нѣмецкіе философы: Ибервегъ, Зигвартъ, Вундтъ, Мейнонгъ, Гёфлеръ и датчанинъ Гефдингъ [3]).

§ 4. Но не только вопросы гносеологическіе притягиваются къ логикѣ, но и вопросы чисто метафизическіе, а именно онтологическіе. Такъ напр., еще въ средніе вѣка, начиная съ Порфирія, логиковъ занималъ спорный вопросъ объ универсаліяхъ, т. е. общихъ понятіяхъ. Одни изъ философовъ, утверждали, что они—лишь субъективные акты мышленія—conceptus, nomina (концентуалисты и номиналисты).

Другіе же считали общія понятія обозначеніями реальныхъ сущностей (реалисты). Эти сущности, по ихъ мнѣнію, существуютъ независимо отъ человѣческаго мышленія,—или въ вещахъ („in re“ подобно Аристотелю), или же еще раньше существованія вещей (ante res, подобно Платону [4]).

[1]) *Eisler* въ цитир. соч. т. II, стран. 725.

[2]) Тамъ же стран. 726—729.

[3]) Тамъ же стран. 724—729. Болѣе точное опредѣленіе логики и разграниченіе ея отъ психологіи даетъ *Вундтъ*: Логика, какъ нормативная наука „должна дать отчетъ въ тѣхъ законахъ мышленія, которые дѣйствуютъ при изслѣдованіи истины... Между тѣмъ какъ психологія учитъ насъ, какъ въ дѣйствительности происходитъ потокъ мыслей, логика имѣетъ въ виду установить, какъ долженъ онъ происходить, чтобы онъ привелъ къ дѣйствительному познанію... Логика старается установить методы мышленія, которые примѣняются при научныхъ изслѣдованіяхъ, и общія правила“... См., *Wundt*, Logik 2, Aufl. I. Bd. 1.

[4]) См.: *Fr. Ueberwegs* Grundr. d. Gesch. d. Philos. bearb. v. M. Heinze II. Th. 9. Aufl. Berlin 1905. S. 170—186.

Въ новѣйшее время внесли въ логику онтологическія воззрѣнія нѣмецкіе идеалисты, отожествляющіе мышленіе съ бытіемъ. Таковы И. Г. Фихте, Шеллингъ, Краузе, Гегель и другіе [1]).

Наконецъ, кромѣ указанныхъ направленій, есть еще и посредствующія, представляющія переходъ отъ одного направленія къ другому.

Въ виду такого разнообразія различныхъ, и отчасти противорѣчивыхъ, взглядовъ на предметъ и задачи логики, разумѣется, и опредѣленіе ея должно быть различное. Послѣднее различіе бываетъ иногда даже при томъ же предметѣ и томъ же направленіи,—вслѣдствіе неточной или ошибочной формулировки.

§ 5. Мое настоящее изслѣдованіе имѣетъ въ виду обнаружить и разъяснить только тѣ заблужденія и ошибки, которыя вошли въ наши учебники и напечатанные курсы логики, предназначеные для учащейся молодежи; съ предметомъ таковыхъ должно согласоваться и опредѣленіе, даваемое авторомъ учебника или курса. Какъ мы увидимъ, эти опредѣленія или вообще невѣрны или не соотвѣтствуютъ излагаемому матеріалу.

Предметъ логики, преподаваемой въ университетахъ, зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія преподавателей: слѣдовательно опредѣленіе логики должно соотвѣтствовать тому направленію, котораго придерживается преподаватель. Однако и тутъ не замѣчается такого соотвѣтствія. Такъ напр., проф. А-ръ И. Введенскій въ напечатанномъ имъ въ университетскомъ курсѣ подъ заглавіемъ „Логика, какъ часть теоріи познанія“ даетъ слѣдующее опредѣленіе: „Логика есть наука, изучающая роль, которую играетъ мышленіе при развитіи знанія, имѣющаго научный характеръ“ [2]).

---

[1]) См.: *Eisler* въ цитир. соч. стран. 722 и 723. Подобныя воззрѣнія лучше всѣхъ развилъ *Гегель*, который логику считаетъ основной наукой, системой чистаго мышленія и истины самой по себѣ,—единствомъ мышленія и бытія „die Wissenschaft der reinen Idee, das ist die Idee im abstracten Elemente des Denkens“ (Encyklop. § 9). Логика тожественна съ метафизикой, т. е. „съ наукой о вещахъ, постигнутыхъ мышленіемъ, которое должно выражать с у щности вещей“.

[2]) *А. И. Введенскій*, Логика какъ часть теоріи познанія. СПБ. 1909. Гл. I. 1, стран. 1.

Это опредѣленіе не совпадаетъ ни съ однимъ изъ существующихъ направленій и опредѣленій, данныхъ другими философами. Оно нѣсколько подходитъ подъ опредѣленія Дэстю дэ Траси и Джона Ст. Милля. Первый считаетъ предметомъ логики „изученіе мыслительныхъ процессовъ и ихъ результатовъ“ [1]), т. е. „изученіе орудій познанія“ [2]).

Милль предлагаетъ опредѣленіе логики, „какъ науки объ операціяхъ человѣческаго разума при отысканіи истины“ [3]), однако онъ его считаетъ слишкомъ узкимъ, такъ какъ подъ него не подходятъ практическія правила методологіи [4]).

§ 9. Проф. Введенскій въ своемъ опредѣленіи, вмѣсто истины, взялъ выраженіе: „знанія, имѣющаго научный характеръ“. Это выраженіе, во-первыхъ, предполагаетъ уже извѣстнымъ понятіе о „научномъ“ характерѣ, чего не можетъ быть у начинающихъ изучать логику. Затѣмъ, оно слишкомъ широко, такъ какъ включаетъ въ себя и нѣкоторые отдѣлы другихъ наукъ, въ которыхъ тоже „изучается роль мышленія при развитіи знанія“, а именно: гносеологію и нѣкоторыя части психологіи и метафизики. Сверхъ того, оно не соотвѣтствуетъ содержанію излагаемаго курса логики; въ немъ большая часть занята методологіей, а не теоріей познанія; таковы главы: VIII, IX, X, XIII, XIV, XV, XVII. Другія же главы относятся къ формальной логикѣ, а именно, главы: IV, VI, VII, XI, XII, XVIII. Такимъ образомъ подъ опредѣленіе, данное проф. Введенскимъ, подойдутъ только весьма немногія главы его курса: I, II, III, V и отчасти XVI.

§ 6. Въ своемъ учебникѣ логики, предназначенномъ для гимназій, проф. Введенскій излагаетъ, за пропускомъ нѣкоторыхъ излишнихъ экскурсовъ въ гносеологію и методологію, то же, что и въ своемъ университетскомъ курсѣ логики; однако въ этомъ учебникѣ многія опредѣленія и

---

[1]) *Destutt* Comte de *Tracy*, Elemens d'ideologie, III. partie, Logique second edition, Paris 1818, pag. 124. „La science logique ne consiste que dans l'etude de nos operations intellectuelles et de leurs effets“.

[2]) Ibid, pag, 12 „la théorie de la logique n'est donc autre chose que la science de la formation de nos idées, de leur expression, de leur combinaison et de leur deduction; en un mot, ne consiste que dans l'etude de nos moyens de connaitre“.

[3]) *Джонъ Ст. Милль*, Система логики перев. подъ ред. Ивановскаго, М. 1899, стр. 3.

[4]) Тамъ же, стран. 4.

объясненія совершенно измѣнены, хотя его учебникъ вышелъ, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его университетскаго курса. Такъ въ своемъ учебникѣ логики проф. Введенскій даетъ такое опредѣленіе логики: „§ 1. Логика есть наука о правильномъ мышленіи. Правильнымъ называется мышленіе, пригодное для расширенія знанія“ [1]). Это опредѣленіе логики, какъ „науки о правильномъ мышленіи“ не ново: оно встрѣчается въ нѣсколькихъ русскихъ учебникахъ. Тѣмъ не менѣе оно не вѣрно: подъ него могутъ быть подведены и нѣкоторыя части психологіи, напр., истинныя сужденія, которыми сопровождаются восприятія, въ отличіе отъ ошибочныхъ, которыми сопровождаются иллюзіи и галлюцинаціи. Такова и вся психологія истинаго познанія [2]). Слѣдовательно и это опредѣленіе проф. Введенскаго, данное въ его „Логикѣ для гимназій“, не вѣрно: съ одной стороны, оно слишкомъ широко, такъ какъ заключаетъ въ себѣ и посторонніе логикѣ отдѣлы знаній. Съ другой стороны, это опредѣленіе исключаетъ множество вопросовъ и отдѣловъ, которые излагаются всѣми логиками, въ томъ числѣ и учебникомъ проф. Введенскаго. Въ университескомъ курсѣ, какъ мы увидимъ, самъ проф. Введенскій признаетъ это.

§ 7. Еще менѣе вѣрно самое опредѣленіе „правильнаго мышленія“ его „пригодностью для расширенія знанія“. Въ этомъ опредѣленіи многое неясно, многое очевидно невѣрно: возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній и про-

[1]) *А. И. Введенскій*, Логика для гимназій, СПБ. 1910, гл. I, § 1. стран. 1. (Въ дальнѣйшемъ мы ее будемъ коротко обозначать „новой логикой“ проф. Введенскаго.

[2]) Изъ этихъ примѣровъ между прочимъ видна и ошибочность утвержденія проф. Введенскаго, будто психологія изучаетъ явленія мышленія безоцѣночнымъ образомъ, (Лог. для гимн. стран. 3, 17 строка св.). И въ психологіи бываетъ оцѣнка переживаній, но она не составляетъ ея прямой задачи. По приведенному опредѣленію можно всю логику излагать какъ часть психологіи. Ниже мы увидимъ, что проф. Введенскій излагаетъ свою логику не какъ науку нормативную, а какъ науку о дѣйствительномъ мышленіи, т. е. съ точки зрѣнія психологической. Таково, напр., его изложеніе основныхъ законовъ мышленія (IX гл.) Психологическое направленіе существуетъ у многихъ, напр., у Милля; но проф. Введенскій антипсихологистъ, оспаривающій, согласно съ кантіанцами, психологическую точку зрѣнія даже въ своемъ учебникѣ для гимназій (§ 6, стран. 7).

тиворѣчій съ другими положеніями и отдѣлами логики, излагаемой проф. Введенскимъ.

а) Проф. Введенскій не говоритъ, *какое* знаніе расширяется правильнымъ мышленіемъ,—всякое ли знаніе или только истинное? [1]).

б) Неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ авторъ новой логики понимаетъ „*пригодность*“ правильнаго мышленія для расширенія знанія. Предположимъ, что онъ ее понимаетъ въ смыслѣ проблематическаго сужденія, т. е., что правильное мышленіе *можетъ*, но не должно, расширять знаніе. Въ такомъ случаѣ нужно считать „пригоднымъ для расширенія знанія“ *всякое* мышленіе, даже мышленіе сумасшедшаго: вѣдь, и таковое бываетъ поучительно, и оно *можетъ* расширить и часто расширяетъ знаніе опытнаго наблюдателя-психолога или психіатра. Слѣдовательно, и тако-

[1]) Понятія „знаніе“ онъ не опредѣляетъ въ своей новой логикѣ. Я только *догадываюсь*, что онъ въ понятіи „знаніе“ подразумѣваетъ и признакъ „истинности“; однако „истину“ онъ тоже нигдѣ не опредѣляетъ, хотя въ логикѣ и въ наукахъ существуютъ различные критеріи истины. Изъ логики же проф. Введенскаго вытекаетъ очень своеобразное пониманіе истины (это будетъ подробно разсмотрѣно въ послѣдующихъ главахъ). Моя догадка относительно включенія проф. Введенскимъ признака „истинности“ въ понятіе „знанія“ основана на его словахъ, сказанныхъ имъ въ его рецензіи „Учебника логики“ проф. Челпанова. Въ этой рецензіи проф. Введенскій между прочимъ замѣчаетъ автору даже относительно „познанія“ слѣдующее: „Врядъ ли можно говорить о ложномъ познаніи“. (См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1908 г.* за іюнь, отд. нар. обр., стр. 234). Это его замѣчаніе совершенно неосновательно, какъ и многія другія. Ложное познаніе *всегда* существовало и *будетъ* существовать у существъ ограниченныхъ, каковы люди. Знаніе выше стоитъ по своей цѣнности, чѣмъ познаніе, которымъ только подготовляются знанія. И все же существуютъ даже ложныя *знанія*, и то—не только у обыкновенныхъ смертныхъ, но даже у представителей науки. Въ этомъ мы убѣдимся и на обѣихъ логикахъ проф. Введенскаго: онѣ, вѣдь, должны представлять знанія научныя; однако мы увидимъ, что многія изъ нихъ, хотя они проф. Введенскимъ подносятся его ученикамъ какъ истинныя, на самомъ дѣлѣ, несомнѣнно,—ложныя. Впрочемъ, самъ авторъ новой логики говоритъ въ § 3: „*При расширеніи знанія мы всегда имѣемъ дѣло, съ одной стороны, съ открытіемъ новой истины, а съ другой—съ ея провѣркой*“. „Провѣрка истины“ предполагаетъ существованіе и не провѣренныхъ „истинъ“, которыя могутъ оказаться *ложными знаніями*.

вое въ данномъ случаѣ должно считаться „правильнымъ мышленіемъ“.

Если же слово „пригодное“ употреблено проф. Введенскимъ въ смыслѣ необходимой связи, т. е., что „правильное мышленіе, по необходимости, увеличиваетъ познаніе: то тогда всякое мышленіе, которое не ведетъ къ расширенію знанія, т. е. къ научнымъ открытіямъ, должно считать неправильнымъ, слѣдовательно и то мышленіе, которое только воспроизводитъ старое знаніе. Врядъ ли и съ такимъ положеніемъ кто-нибудь согласится. Если же проф. Введенскій будетъ настаивать на этомъ, то тогда три четверти его логики, въ которыхъ воспроизводятся старыя истины, должно признать плодомъ „неправильнаго мышленія“. Врядъ ли и этотъ выводъ понравится проф. Введенскому.

в) Въ приведенномъ опредѣленіи авторъ новой логики не говоритъ, чье знаніе расширяется правильнымъ мышленіемъ. Но въ § 3-мъ онъ говоритъ, что провѣренная догадка, т. е. знаніе „становится прочнымъ достояніемъ науки, когда мы удостовѣряемся въ истинности провѣряемой догадки“. Изъ этого я могу построить свою „догадку“, что по мнѣнію проф. Введенскаго, правильнымъ мышленіемъ расширяется знаніе человѣчества, каковое мы имѣемъ въ наукахъ. Въ такомъ случаѣ, по опредѣленію проф. Введенскаго, окажется правильное мышленіе только у тѣхъ немногихъ избранниковъ человѣчества, которые обогатили науку новыми истинными открытіями; да и у этихъ избранниковъ только то мышленіе было бы „правильнымъ“, которое повело къ ихъ открытіямъ; остальное же мышленіе и у нихъ не было „правильнымъ“.

Равнымъ образомъ и всѣ остальные ученые, профессора и обыкновенные смертные, никогда не обладаютъ правильнымъ мышленіемъ! Съ этимъ выводомъ врядъ ли согласится и самъ авторъ новой логики. Слѣдовательно онъ долженъ отвергнуть мою догадку. Если же онъ сдѣлаетъ это, то онъ долженъ признать, что правильнымъ мышленіемъ должно увеличиваться знаніе только одного мыслящаго субъекта, которому принадлежитъ данное мышленіе, а не—знаніе всего человѣчества, т. е. общее знаніе, составляющее объективную науку. На этой альтернативѣ мы и остановимся.

§ 8. На основаніи всего изложеннаго опредѣленіе проф. Введенскаго, по всему вѣроятію, нужно понимать такъ: правильнымъ называется то мышленіе, которымъ можетъ расшириться истинное знаніе по крайней мѣрѣ того одного мыслящаго человѣка, которому принадлежитъ данное мышленіе. Если же оно не пригодно для этого, то оно неправильно.

Однако не трудно убѣдиться, что и данная, исправленная нами, формулировка не избавляетъ проф. Введенскаго отъ неразрѣшимыхъ затрудненій и противорѣчій. Такъ напр., бредъ больного горячкой или бредъ помѣшаннаго по выздоровленіи больного можетъ быть имъ использованъ для расширенія знанія, и не только его собственнаго, но и—науки. Такіе примѣры уже хорошо извѣстны въ исторіи философіи и психіатріи. Такъ напр., извѣстный французскій врачъ и философъ-матеріалистъ Де-ля-Метри, воспользовался своими бредовыми идеями для установленія тѣсной связи между физіологическими и психическими процессами, которые онъ ошибочно отожествилъ [1]). Такъ-же и проф. психіатріи Кандинскій пользовался бредомъ и своей психической болѣзни, и описаніями многихъ другихъ выздоровѣвшихъ психопатовъ для установленія различія между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями [2]). Слѣдовательно, по опредѣленію проф. Введенскаго, подобный бредъ больного, который послужилъ для расширенія знанія, нужно считать „правильнымъ“ мышленіемъ. Однако съ точки зрѣнія логики подобное мышленіе въ бреду и самъ проф. Введенскій не сочтетъ правильнымъ.

Но и въ мышленіи здоровыхъ и нормальныхъ людей можно найти случаи, которые опровергаютъ опредѣленіе проф. Введенскаго, данное относительно „правильнаго“ мышленія. Такъ напр., извѣстно, что изъ ложныхъ посылокъ можно получить истинное заключеніе, которое раньше могло быть неизвѣстнымъ мыслящему; слѣдовательно оно расширило его знаніе. Вотъ примѣръ подобнаго силлогизма по I фигурѣ.

---

[1]) *De-la-Mettrie*, L'homme machine, Leyden 1748, въ нѣмецкомъ переводѣ—Leipzig 1875.

[2]) *Кандинскій*, О псевдогаллюцинаціяхъ, С.-Петербургъ. 1890.

1. Всѣ птицы летаютъ.	Ложно.
2. Нетопырь—птица .	Ложно.
Закл. Нетопырь летаетъ.	Истинно.

Подобный силлогизмъ обычной формальной логикой считается (формально) правильнымъ, такъ какъ формальная логика не беретъ на себя задачу провѣрять истинность посылокъ. Не то—въ „Логикѣ провѣрки“, которую проф. Введенскій представляетъ гимназистамъ для изученія. Ни она, ни обычный здравый смыслъ не могутъ признать подобное мышленіе правильнымъ. Однако оно расширило знаніе мыслящаго.

§ 9. Съ другой стороны и въ новой логикѣ проф. Введенскаго приведены умозаключенія, которыя по его же заявленію „отнюдь не расширяютъ знанія“ [1]) и „не даютъ намъ ровно ничего новаго сравнительно съ посылками“ [2]). Таковыя удостоились имъ даже особаго названія „кажущихся“ умозаключеній [3]). Къ нимъ причислены: 1) „частичныя“, т. е. умозаключенія отъ общаго сужденія къ частному, 2) inductio completa, или, какъ ее называетъ проф. Введенскій,—„скрытое простое суммированіе сужденій“ [4]). Всѣ эти „кажущіяся умозаключенія“ авторомъ новой логики не причислены къ неправильному мышленію, или къ ошибкамъ. Слѣдовательно онъ самъ излагаетъ въ своей новой логикѣ „кажущіяся доказательства“, какъ акты правильнаго мышленія, хотя они „отнюдь не расширяютъ знанія“,—ни науки, ни отдѣльнаго мыслящаго человѣка.

Кромѣ этого, проф. Введенскій помѣстилъ въ своей новой логикѣ и отдѣлы изъ методологіи; таковы: ученіе о дѣленіи понятій, о классификаціи, номенклатурѣ, системѣ въ наукахъ, а также ученіе о формальной индукціи [5]). И эти логическія операціи, какъ извѣстно, сами по себѣ не расширяютъ знанія, а только содѣйствуютъ приведенію ихъ въ порядокъ. Слѣдовательно и эти отдѣлы, по опредѣленію проф. Введенскаго, не относятся къ „правильному“ мышленію, и должны быть исключены изъ его логики.

---

[1]) *А. И. Введенскій*, Логика для гимн. § 80.
[2]) Тамъ же § 78.
[3]) Тамъ же § 77.
[4]) Тамъ же § 79.
[5]) Тамъ же главы: X, XI, XVI, VII.

Далѣе, авторъ новой логики излагаетъ въ ней на ряду съ „правильнымъ“ мышленіемъ и „ошибки въ доказательствахъ“, неправильныя умозаключенія, неправильныя опредѣленія [1]). Эти отдѣлы не только не укладываются въ данное проф. Введенскимъ опредѣленіе логики, но прямо ему противорѣчатъ.

§ 10. Наконецъ, авторъ новой логики въ той же 1-ой главѣ (§ 6) вводитъ и другое толкованіе „правильнаго мышленія“, правда, не совсѣмъ ясно формулированное, а именно, —психилогическое. Въ § 6 проф. Введенскій говоритъ: „Въ нѣкоторыхъ умозаключеніяхъ намъ только кажется съ перваго взгляда, что ихъ посылки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, а при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что въ дѣйствительности нѣтъ такого принужденія. Всѣ подобныя умозаключенія логика [sic!] называетъ неправильными или ошибочными. Тѣ же умозаключенія, въ которыхъ посылки дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, логика называетъ правильными“ По этому толкованію проф. Вв—го (а не логики) будутъ правильны и такіе выводы, которые добыты изъ ложныхъ посылокъ, если мы ихъ ложности не сознавали. Таковымъ напр., будетъ и вышеприведенный выводъ „нетопырь летаетъ“. Правильными будутъ и тѣ умозаключенія, которыя не расширяютъ знанія; правильными будутъ и ложныя знанія, которыя отличаются только субъективной убѣдительностію, которыя „дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ выводомъ“. Самой большой „принудительностью“ отличаются наши чувственныя воспріятія, въ которыхъ, какъ извѣстно, тоже содержатся сужденія и заключенія; однако и они бываютъ ошибочными, т. е. и матеріально и формально неправильными. Таково напр., воспріятіе горизонта, какъ плоскости, убѣжденіе простолюдиновъ (да и астрономовъ до Коперника) о неподвижности земли и о суточномъ движеніи небеснаго свода со всѣми свѣтилами; таково и мнѣніе объ отсутствіи тяжести у воздуха, о плотности небеснаго свода и другія, въ которыя твердо вѣрятъ милліоны людей. Въ концѣ IX главы, въ которой излагаются основные законы мышленія, а именно въ § 139, авторъ, не забывъ своего опредѣленія I главы,

[1]) Тамъ же §§ 74, 75, 154 и другіе.

все же даетъ и другое, обычное опредѣленіе „правильнаго мышленія“, различая „формальную и матеріальную“ правильность мыслей: первая будто обусловливается одними логическими законами (подразумѣвается—основными), а послѣдняя, сверхъ соблюденія этихъ законовъ,—„еще и тѣмъ, чтобы при расширеніи знанія мы отправлялись отъ такихъ мыслей, въ истинности которыхъ уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній“. (Но что такое „истина“, и здѣсь не говорится). Въ приведенномъ опредѣленіи неправильно только то, будто формальная правильность обусловлена только четырьмя основными законами мышленія: на самомъ дѣлѣ, она обусловлена соблюденіемъ всѣхъ законовъ и правилъ формальной логики, въ томъ числѣ и такихъ, которые не объяснимы основными законами, (о чемъ еще будетъ рѣчь впереди). Съ указаннымъ исправленіемъ это опредѣленіе вѣрно; но оно не вяжется съ даннымъ въ § 1 и въ § 6 новой логики проф. Введенскаго.

§ 11. Сознавая всѣ недостатки, затрудненія и противорѣчія, къ которымъ ведетъ старое опредѣленіе логики, какъ „науки о правильномъ мышленіи“, я въ своемъ учебникѣ логики старался дать такое опредѣленіе, которое съ одной стороны избѣгло бы перечисленныхъ недостатковъ, а съ другой, обнимало бы всѣ отдѣлы элементарной логики, указанные офиціальной программой: и формальную логику, и методологію, и матеріальную индукцію [1]). Въ § 1 своего учебника (въ обоихъ изданіяхъ) я даю такое опредѣленіе: „Логика есть наука, излагающая правила мышленія, соблюденіе которыхъ необходимо для достиженія истины и для созиданія науки“. Этому опредѣленію не противорѣчитъ и

[1]) Мой учебникъ вышелъ въ первомъ изданіи годомъ раньше, чѣмъ универс. курсъ логики проф. Введенскаго и его новая „логика для гимназій“. И 2-ое изданіе моего учебника напечатано нѣсколькими мѣсяцами раньше новой логики. Проф. Введенскій въ значительной мѣрѣ воспользовался моимъ учебникомъ, однако почему-то не принялъ моего опредѣленія элементарной логики, которое свободно отъ изложенныхъ выше недостатковъ. Въ своемъ универс. курсѣ логики проф. Введенскій сознаетъ, что опредѣленіе логики, какъ „науки о законахъ правильнаго мышленія“ „не охватываетъ всѣхъ частей логики“ (гл. VI § 1); однако черезъ нѣсколько мѣсяцевъ принялъ его въ свою новую „логику для гимназій“, и притомъ,—безъ всякихъ оговорокъ.

включеніе въ логику ложныхъ умозаключеній и ошибокъ въ логическихъ процессахъ: на нихъ показывается, что несоблюденіе установленнаго правила или правилъ ведетъ къ ошибкѣ, ко лжи или къ очевидной нелѣпости.

Дальше, въ томъ же § 1 моего учебника дается опредѣленіе „истины", какъ ее понимаютъ ученые и здравый смыслъ; наконецъ, дается и опредѣленіе „дѣйствительности". Эти два опредѣленія совершенно отсутствуютъ въ нашихъ учебникахъ, а также и въ обѣихъ логикахъ проф. Введенскаго. Послѣдній весьма рѣдко, и какъ бы вынужденно, употребляетъ слово „истинный". Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, онъ не признаетъ безусловной и несомнѣнной истины даже за самыми несомнѣнными положеніями геометріи, т. е. за аксіомами.

§ 12. Теперь посмотримъ, какъ проф, Введенскій формулируетъ *задачи логики*. Въ своемъ универс. курсѣ онъ въ данномъ имъ опредѣленіи видитъ цѣль или основную задачу логики, которая, [по его словамъ] „конечно, подразумѣваетъ въ себѣ нѣсколько другихъ задачъ. Напримѣръ: уже заранѣе видно [поясняетъ профессоръ Введенскій], что для выясненія роли мышленія въ развитіи знанія прежде всего надо выяснить, при какихъ условіяхъ мышленіе бываетъ правильнымъ (т. е. пригоднымъ для знанія), а при какихъ—неправильнымъ, т. е. ошибочнымъ; а поэтому прежде всего надо установить, какимъ правиламъ должно подчиняться мышленіе, чтобы быть годнымъ для знанія, въ чемъ могутъ состоять нарушенія этихъ правилъ, т. е. ошибки мышленія и т. п." [1]). Больше не говорится въ этомъ курсѣ о задачахъ логики, а только о ея „значеніи—утилитарномъ, воспитательномъ и философскомъ" [2]). Въ этомъ пунктѣ не точно формулирована первая задача, т. е. „выясненіе, при какихъ условіяхъ мышленіе бываетъ правильнымъ, т. е. пригоднымъ для знанія": эта задача съ одной стороны, включаетъ въ себя и психологическіе анализы, а съ другой стороны—всякое знаніе: и

[1]) Универс. курсъ Логики I, 1 стран. 1.

[2]) Тамъ-же § 3 (стран. 4—10) § 4 (стран. 13 и 14), § 5 (стран. 16).

сомнительное, и ложное, и мало вѣроятное. А это не вяжется съ „научнымъ характеромъ знанія“, которое по опредѣленію университетскаго курса составляетъ предметъ логики.

§ 13. Гораздо подробнѣе проф. Введенскій развиваетъ задачи логики въ своей „Логикѣ для гимназій“. Я ихъ выписываю полностью, чтобы меня не заподозрили въ тенденціозныхъ урѣзкахъ и искаженіяхъ мыслей. Въ § 1 послѣ выше приведеннаго опредѣленія проф.. Введенскаго сейчасъ же напечатано имъ слѣдующее: „Задача логики отыскать тѣ правила при соблюденіи которыхъ (будетъ ли оно предпамѣреннымъ или не намѣреннымъ, это все равно) мышленіе становится годнымъ для расширенія знанія и объяснить ихъ законами мышленія. [Это уже другая задача] [1]). Такъ какъ правила мышленія, обусловливающія пригодность мышленія для расширенія знанія изучаются логикой [новая задача логики!], то ихъ стали называть логическими правилами,“... [Дальше идетъ объясненіе словъ „логичный“, „логическій“, „логика“ и сообщеніе, что логика основана Аристотелемъ]. Послѣ этого слѣдуетъ: „§ 2. Очевидно, что не можетъ быть рѣчи о присоединеніи новой мысли къ составу знанія, пока она нами не провѣрена. Поэтому логика, стремясь установить правила [вѣроятно то же, что и отыскать правила], при соблюденіи которыхъ мышленіе становится годнымъ для расширенія знанія, должна больше всего обратить вниманіе на то, какъ слѣдуетъ провѣрять мысли [четвертая, но главная задача!] и указать правила, при исполненіи которыхъ въ провѣряемой мысли обнаружилась бы или ея истинность, или ея ложность“ [Конецъ § 2]. Это „указаніе правилъ...“, по всему вѣроятію, обозначаетъ методологическіе пріемы провѣрки и составляетъ ту же четвертую задачу. Дальше продолжаетъ авторъ новой логики „§ 3. Но прежде чѣмъ провѣрить данную мысль, надо, чтобы она уже возникла у насъ и внушала намъ, хоть какую-нибудь, надежду, что она окажется истинной: иначе не будетъ никакихъ причинъ, побуждающихъ насъ къ провѣркѣ этой мысли“. [Это—не психологическія разсужденія?] Въ

[1]) Въ настоящей цитатѣ и въ другихъ, болѣе пространныхъ, заключенное въ круглыхъ скобкахъ принадлежитъ цитируемому автору, а заключенное въ угольныхъ скобкахъ принадлежитъ мнѣ.

дальнѣйшемъ авторъ слишкомъ растянуто предлагаетъ называть подобную мысль „догадкой“, послѣ чего сейчасъ же говоритъ слѣдующее: „Такимъ образомъ [sic!] знаніе расширяется тѣмъ путемъ, что у насъ сперва возникаетъ догадка, которая подвергается провѣркѣ и въ концѣ концовъ или отбрасывается и замѣняется новой догадкой (которая можетъ быть, между прочимъ, простой поправкой прежней), когда мы удостовѣримся въ ошибочности провѣряемой догадки, или же становится прочнымъ достояніемъ науки, когда мы удостовѣримся въ истинности провѣряемой догадки. Возникновеніе догадки часто называютъ открытіемъ новой истины“ [sic!]. Тутъ же продолжаетъ авторъ новой логики: „Поэтому все сейчасъ сказанное можно еще и такъ редактировать: при расширеніи знанія мы всегда [sic!] имѣемъ дѣло съ одной стороны, съ открытіемъ новой истины, а съ другой—съ ея провѣркой. [Конецъ абзаца. Послѣдняя маркировка—проф. Введенскаго]. Признаться, столь высокихъ задачъ я еще не встрѣчалъ ни въ одномъ учебникѣ логики! Осуществимы ли онѣ?

§ 14. Приведенныя задачи въ ихъ совокупности никоимъ образомъ не могутъ быть осуществлены, такъ какъ представляютъ собою непримиримыя противорѣчія. 1) Логика должна „отыскать“ свои правила, между тѣмъ какъ они существуютъ уже больше 22 вѣковъ. 2) Она должна ихъ „изучать“. Спрашивается: когда и какъ? До или послѣ ихъ отысканія? Въ какомъ отношеніи изучать? До сихъ поръ эти правила изучались учениками и молодыми учеными, а не логикой. 3) Логика „стремится установить“ эти правила. Если она только „стремится“ къ этому, то что же предлагаетъ своимъ ученикамъ проф. Введенскій? 4) Логика должна провѣрять мысли. Какъ же это возможно, если правила логики еще не установлены и не отысканы? А кто мнѣ поручится, что предыдущая задача, обусловливающая послѣдующую, уже дѣйствительно исполнена и исчерпана? 5) Логика должна указать правила обнаруженія истинности или ложности данной догадки. Однако не только этихъ правилъ, но даже опредѣленія, что такое истина, не имѣется ни въ одной изъ обѣихъ логикъ проф. Введенскаго. Впрочемъ, провѣрка истинности всякой „догадки“ возможна только тому, кто основательно знакомъ со всѣми науками. А кто же

въ настоящее время знаетъ въ полномъ объемѣ даже одну отрасль наукъ? 6) Что касается самихъ „догадокъ“, то ихъ никто не сообщаетъ міру, если онѣ недостаточно провѣрены. Слѣдовательно матеріалъ „провѣрки“ не откуда будетъ добыть, если авторъ новой логики не подѣлится своими „догадками“, которыя онъ считаетъ „открытіями новой истины“. 7) Самъ авторъ, какъ мы увидимъ, не разбираетъ ни одной „догадки“: его примѣры заимствованы—или изъ моего, или изъ другихъ учебниковъ. Почти всѣ они представляютъ собою истины, не только доказанныя и несомнѣнныя, но большей частью даже избитыя. „Догадки“ самого автора новой логики содержатся довольно часто въ его „правилахъ“, „доказательствахъ“ и въ его полемикѣ, а не въ разбираемыхъ имъ примѣрахъ. Это будетъ доказано всѣмъ моимъ изслѣдованіемъ.

§ 15. Но остановимся на главной задачѣ новой логики, на „логикѣ провѣрки“, которая „всегда предполагаетъ, что догадка уже возникла и ведетъ рѣчь только о томъ, какъ ее провѣрить“. Разсмотримъ ее отдѣльно, отбросивъ всѣ второстепенныя задачи логики, которыя оказались противорѣчивыми между собою. Допустимъ, что эта задача была бы подъ силу какому-нибудь новому Аристотелю. Тогда изъ такой провѣрки „догадокъ“, входящихъ во всѣ науки, получился бы не учебникъ логики, а множество томовъ научныхъ изслѣдованій. Ог. Контъ въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“ разсматривалъ только шесть наукъ, и притомъ не отдѣльныя ихъ положенія, и то у него получилось шесть томовъ [1]). Спрашивается, какъ можетъ элементарный учебникъ логики съ самаго начала взяться за подобную задачу „провѣрки“ даже нѣсколькихъ догадокъ, если ученики еще незнакомы ни съ законами мышленія ни съ сотней правилъ логики, которыя должны еще „добываться“ и „изучаться“? Вѣдь, даже при каждой единичной „провѣркѣ“ можетъ понадобиться десятокъ, другой правилъ. Наконецъ, какъ можетъ подобная „логика провѣрки“ увеличить интересъ къ себѣ, что имѣлъ въ виду ея авторъ [2]), если она представляетъ собою цѣлый хаосъ противорѣчій и от-

[1]) *Auguste Comte*, Cours de philosophie positive, 2 edition, Paris 1864, pag. 7 „tableau synoptique“.

[2]) См. Предисловіе, стр. VI.

сутствіе всякаго плана? Эта задача неосуществима, и разумѣется, проф. Введенскій не даетъ подобной „логики провѣрки“, хотя и обѣщаетъ ее дать.

Итакъ уже первыя страницы первой главы новой логики вызываютъ цѣлый рядъ непримиримыхъ противорѣчій и недоумѣній. Слѣдовательно, или данныя проф. Введенскимъ опредѣленія невѣрны, или же вся его логика нелогична, или же то и другое имѣется въ его новой логикѣ.

§ 16. Однако проф. Введенскій не ограничился приведенными выше четырьмя задачами логики; къ нимъ онъ присоединяетъ еще двѣ, которыя тоже противорѣчатъ данному имъ опредѣленію логики, а именно: въ § 4 (4 стран., 7 строка св.) онъ говоритъ слѣдующее: „логика описываетъ отличія правильнаго мышленія отъ неправильнаго“; а въ § 6 (8 стран. 8 св.) онъ эту задачу формулируетъ еще опредѣленнѣе: „логика можетъ и должна указать, въ чемъ состоятъ ошибочныя умозаключенія, чѣмъ именно они отличаются отъ правильныхъ, прибавивъ сюда, какія неправильности или ошибки въ умозаключеніяхъ встрѣчаются и на дѣлѣ“...

Итакъ уже черезъ нѣсколько страницъ въ той же I главѣ было забыто проф. Введенскимъ его опредѣленіе логики, какъ науки о „правильномъ“ мышленіи.

Кромѣ этого, въ томъ же § 6 (7 стран., 4 св.) проф. Введенскій присоединяетъ шестую задачу логики, говоря: „логика должна выяснить тѣ условія (или правила), при соблюденіи которыхъ выводъ дѣйствительно находится въ логической связи съ посылками“. Такъ какъ эта логическая связь, по мнѣнію проф. Введенскаго, не составляетъ „правильности мышленія“, то „выясненіе правилъ“ у него составляетъ особую задачу логики, которая не заключается въ данномъ имъ опредѣленіи логики, какъ „науки о правильномъ мышленіи“. До появленія новой логики проф. Введенскаго, правильное мышленіе въ логикѣ отожествлялось или съ истиннымъ мышленіемъ—въ смыслѣ соотвѣтствія дѣйствительности, или же съ такимъ, въ которомъ соблюдены правила логики (въ смыслѣ формальной истинности). Проф. Введенскій въ своей новой логикѣ различіе между „матеріальной и формальной правильностью мыслей“ устанавливаетъ только въ § 139, какъ было показано выше [§ 10].

§ 17. Наконецъ, нуждается въ поправкѣ его вторая задача логики, а именно „объяснить правила логики законами мышленія“ (§ 1). Авторъ не говоритъ, какое различіе между „правилами“ логики и „законами мышленія“. Поэтому я опять принужденъ прибѣгнуть къ „догадкѣ“. Подъ „законами мышленія“ проф. Введенскій и въ § 1, по всему вѣроятію, разумѣетъ „основные логическіе законы мышленія“, изложенные имъ въ IX главѣ, подъ заглавіемъ „логическіе законы мышленія“, въ томъ числѣ и “законъ достаточнаго основанія“. Если это такъ, то задача объясненія правилъ логики одними „законами мышленія“ въ рѣдкихъ случаяхъ исполнима. Такъ напр., матеріальная (или научная) индукція нуждается въ постулатѣ единообразія или причинности: безъ этого она не мыслима. И самъ авторъ новой логики безъ этого не обошелся. Правила дѣленія и классификаціи тоже не могутъ быть сведены къ „законамъ мышленія“. Даже объясненіе правилъ силлогизма не исчерпывается этими законами. Самъ авторъ очень часто прибѣгаетъ и къ психологическимъ объясненіямъ, хотя это не соотвѣтствуетъ его неокантіанскимъ взглядамъ на логику, которые онъ такъ рѣшительно высказываетъ и въ своемъ учебникѣ логики [1]). Между тѣмъ психологическое объясненіе мы уже встрѣтили у него въ самомъ началѣ, въ § 3. Они встрѣчаются у него довольно часто [2]). Таковы противорѣчія относительно задачъ и предмета логики у проф. Введенскаго. Изъ нихъ, какъ мы увидимъ, вытекаетъ множество другихъ заблужденій, къ которымъ присоединяются и новыя, самостоятельныя.

---

[1]) §§ 4, 5, 195 и другіе.

[2]) Логика для гимн. §§: 16, 21, 84, 85, 86, 96, 105, 131, 137, 167 и другіе.

II. Логическіе законы мышленія.

(Ихъ значеніе и число. Законъ достаточнаго основанія).

§ 1. Подъ этимъ нѣсколько неопредѣленнымъ названіемъ „логическихъ законовъ" обыкновенно подразумѣваются тѣ основные законы, или аксіомы мышленія, которые составляютъ необходимыя и самыя общія условія спекулятивнаго (декуктивнаго), изслѣдованія истины. Но впослѣдствіи мы убѣдимся, что они такъ же обязательны и для индуктивнаго (эмпирическаго) и вообще для всякаго изслѣдованія истины, для всякаго познанія. Правда, ими обыкновенно руководятся безсознательно; но они обязательны для каждаго логическаго мышленія—всѣхъ людей и всѣхъ временъ—если имѣется въ виду достиженіе истины.

Доказательствомъ тому, что эти законы мышленія примѣняются мыслящими и безсознательно, служатъ тѣ несомнѣнные факты, что и до Аристотеля, впервые ихъ формулировавшаго, существовали уже многія науки и искусства, существовали уже тысячелѣтіями государства и организованныя человѣческія сообщества: все это было бы невозможно безъ существованія логическаго и истиннаго мышленія и безъ примѣненія его на практикѣ. Такъ же точно и до составленія первой грамматики какого-нибудь языка люди даннаго племени или народа въ продолженіе вѣковъ говорили, т. е. употребляли опредѣленный живой языкъ, подчиняющійся опредѣленнымъ грамматическимъ правиламъ или законамъ; эти правила соблюдались говорящими на данномъ языкѣ, хотя и не сознавались ими. Изъ этихъ фактовъ отнюдь не слѣдуетъ, что изученіе этихъ законовъ не имѣетъ и практической пользы, напр., при провѣркѣ знаній, и что ими нельзя пользоваться и сознательно.

§ 2. *Аристотель* устанавливаетъ эти законы въ своей

метафизикѣ [1]), поясняя ихъ также въ сочиненіи „Объ истолкованіи“ [2]); но онъ называетъ ихъ „аксіомами“, терминомъ заимствованнымъ имъ у математиковъ. Подъ таковыми Аристотель разумѣетъ „самыя достовѣрныя начала (ἀρχάς) относительно всего сущаго, „необходимыя и ничѣмъ не обусловливаемыя“ (ἀναπόδεικτον [3]). Самымъ достовѣрнымъ такимъ началомъ Аристотель считаетъ (для всѣхъ наукъ) слѣдующую аксіому: „Невозможно, чтобы одно и тоже, одновременно и было и не было въ одномъ и томъ же (предметѣ) и въ одномъ и томъ же отношеніи“ [4]). Эта аксіома Аристотеля теперь извѣстна подъ названіемъ „закона противорѣчія“. Другая аксіома Аристотеля это—законъ исключеннаго третьяго [5]). *„Законъ тожества“* Аристотелемъ не формулируется особо въ его метафизикѣ: онъ у него вытекаетъ для мышленія изъ закона противорѣчія: утвержденіе, что сущее не существуетъ а несуществующее существуетъ, ложно“ [6]). Однако въ его первой Аналитикѣ встрѣчается положеніе, которое по своей формѣ отличается отъ закона противорѣчія и относится только къ закону тожества, а именно: „все истинное должно согласоваться съ собою во всякомъ отношеніи“ [7]). Правда, имъ Аристотель указываетъ на логическую послѣдовательность въ умозаключеніи; но эта именно зависитъ отъ соблюденія закона тожества. Требованіе закона тожества еще значительно раньше Аристотеля было высказано элейцемъ Парменидомъ, а именно: „Должно говорить и мыслить, что сущее есть“ [8]).

§ 3. До новѣйшаго времени въ этихъ законахъ мышленія видѣли правила, или нормы, соблюденіе которыхъ необходимо для достиженія правильности мышленія, а че-

---

[1]) См. Aristoteles, Metaphysica, rec W. Christ. L. 1895, Г. 3 (pag. 67 и 68).

[2]) Aristoteles Περὶ ἑρμηείας, ed. ster. cap. VII—X.

[3]) Aristoteles, Περὶ ἑρμηνείας, ed. ster. cap. XII—X.

[4]) Aristoteles, op. cit. Г. 3. 1005 b. (рад. 68) Τὸ γὰρ αὐτὸ ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ, καὶ κατὰ τὸ αὐτό.

[5]) Ibid. Г. 4, 1008 (pag. 75 et seq. ad 86). Confer ejusdem: Categ cap VIII—X et Analytica post. cap. X et XI.

[6]) Ibid. Г. 7, 1011 b. 26.

[7]) Arist. Anal. prior I. 32, 47. δεῖ γὰρ πᾶν τὸ ἀληθὲς αὐτὸ ἑαυτῷ ὁμολογούμενον εἶναι πάντῃ.

[8]) Parmenides, Fragmenta ed. Mullach, versus. 43.

резъ него—и истины. Въ новѣйшее время нѣкоторые стали считать эти законы—естественными, которымъ подчинено наше мышленіе, независимо отъ нашей воли. Есть и такіе, которые одни изъ этихъ законовъ считаютъ естественными, а другіе—нормативными. Въ зависимости отъ этихъ взглядовъ должна измѣняться и формулировка этихъ законовъ. Самую формулировку мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ. Пока же ограничимся установкой того факта, что наше мышленіе, хотя оно исходитъ отъ иного начала, чѣмъ явленія физическія, все же находится отъ нихъ въ нѣкоторой зависимости, а именно,—когда оно направлено на познаніе дѣйствительности, то это возможно только при нѣкоторомъ взаимодѣйствіи между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ. При воспріятіяхъ это взаимодѣйствіе непосредственно. Такъ, ударъ языка о край колокола производитъ колебанія частицъ колокола, которыми производятся колебанія воздуха, а эти доходятъ до нашего слуха, вызываютъ физіологическіе процессы въ слуховыхъ нервахъ, затѣмъ—звуковое ощущеніе и наконецъ воспріятіе опредѣленнаго звука. Но уже въ воспріятіи мы имѣемъ процессы сужденія, которые принадлежатъ исключительно познающему субъекту. Такъ напр., если я данное звуковое ощущеніе воспринимаю, какъ звукъ колокола, если я воспринимаю силу, продолжительность и качество звука: то я уже сужу на основаніи сравненій съ подобными моими прежними воспріятіями, т. е. съ данными моего прошлаго опыта. Если же я этотъ звукъ узнаю за знакомый мнѣ звукъ соборнаго колокола, то очевидно, я сравнилъ данное воспріятіе съ тожественнымъ воспоминаемымъ своимъ прежнимъ воспріятіемъ, или вѣрнѣе съ воспроизведеннымъ (хотя и не всегда сознаваемымъ) образомъ того же звука [1]). Если бы этого узнаванія и отожествленія не произошло, то этотъ звукъ показался бы мнѣ неизвѣстнымъ или новымъ. Если бы вообще не было этого отожествленія новаго впечатлѣнія съ соотвѣтственнымъ старымъ (апперцепціи), то ни у кого не возникло бы настоящаго познавательнаго акта: тогда были бы возможны развѣ только ощущенія и рефлексы: но это не—знаніе. Тогда у насъ не было бы даже

[1]) См. мое Практич. руководство по психол., гл. XV, XVIII и XX.

понятій о вещи единичной, а о видовыхъ и родовыхъ понятіяхъ и думать нечего. Слѣдовательно безъ сужденій тожества, ощущенія никогда не дали бы знанія. Въ этомъ-то и состоитъ основное значеніе закона тожества, который требуетъ, чтобы одно и то же мыслить тожественно.

§ 4. Относительно простыхъ и обычныхъ впечатлѣній это отожествленіе чаще всего происходитъ невольно и, пожалуй, даже безсознательно; но относительно рѣдкихъ впечатлѣній и болѣе сложныхъ понятій оно можетъ и отсутствовать. Какъ извѣстно, мы не все можемъ воспоминать въ опредѣленный моментъ, слѣдовательно—и отожествлять. При болѣе сложномъ мышленіи посредствомъ понятій мы пользуемся символами этихъ понятій, обыкновенно—словами, т. е. сочетаніями звуковъ или ихъ образами. Слово служитъ намъ показателемъ опредѣленнаго понятія. Однако и наши понятія измѣняются съ усовершенствованіемъ нашихъ познаній; а слово, т. е. символъ, остается тѣмъ же. И вотъ, тутъ-то случается, что подъ тѣмъ же символомъ различные люди мыслятъ различное. Даже тотъ же человѣкъ относительно сложныхъ по содержанію или по объему понятій не всегда мыслитъ то же при тожественномъ символѣ [1]). И тутъ-то происходятъ нарушенія закона тожества: тотъ же символъ употребляется не совсѣмъ тожественно; та же вещь мыслится иногда нѣсколько различно. Тогда-то получаются противорѣчія и ошибки. Очевидно, что для предупрежденія подобныхъ ошибокъ, нужно стараться тожественный символъ или тожественную вещь, понятіе, сужденіе мыслить тожественно. А это до извѣстнаго предѣла находится въ нашей власти, если мы привыкли отдавать себѣ отчетъ въ мыслимыхъ понятіяхъ, т. е. если мы раскрываемъ содержаніе, а иногда и объемъ даннаго понятія—посредствомъ опредѣленія и дѣленія. Поэтому-то *Паскаль* и установилъ свое первое методологическое правило: „не употреблять безъ опредѣленія никакихъ терминовъ, по крайней мѣрѣ, темныхъ и двусмысленныхъ“ [2]).

Въ точныхъ наукахъ, напр., въ геометріи, такъ и поступаютъ; но въ наукахъ отвлеченныхъ и не совсѣмъ точныхъ часто сбиваются въ своихъ терминахъ даже ученые,

[1]) См. мое Руков. псих., гл. XVI и XVII.

[2]) См. мой Учебникъ логики, 2 изд., стран. 100.

напр., въ философіи, въ особенности же въ метафизикѣ и гносеологіи. Самый разительный примѣръ такой непослѣдовательности представляетъ *Кантъ*. Извѣстный изслѣдователь Кантовой „Критики чистаго разума“, проф. Файхингеръ болѣе десяти лѣтъ трудился надъ изданіемъ второго тома своихъ комментаріевъ къ этой критикѣ, распутывая терминологію Канта; одно введеніе къ „Критикѣ чистаго разума“, которое въ изданіи Реклама занимаетъ всего 14 страничекъ въ 16-ю долю листа, породилъ большой первый томъ комментаріевъ Файхингера [1]).

§ 5. Столь частое и обычное нарушеніе закона тожества, и притомъ даже нѣкоторыми философами, несомнѣнно доказываетъ, что этотъ законъ не можетъ считаться естественнымъ закономъ: таковые не допускаютъ исключеній, они дѣйствуютъ ἀνάγκῃ, по необходимости. То обстоятельство, что при элементарныхъ и обычныхъ актахъ познанія этотъ законъ соблюдается невольно и даже безсознательно, не доказываетъ, что онъ не есть нормативный законъ. Всякая привычная дѣятельность (даже писаніе стиховъ) становится со временемъ машинальной или безсознательной; но никто не сочтетъ его дѣйствіемъ „естественныхъ законовъ“, кромѣ грубаго матеріалиста, не понимающаго различія между явленіями физическими и духовными.

Однако фактъ на лицо, что человѣчество, несмотря на ошибки и заблужденія, все же создало множество наукъ, между ними немало и точныхъ. Слѣдовательно познающіе въ общемъ соблюдаютъ это первое и необходимое условіе всякаго истиннаго познанія. Но такъ какъ всякое познаніе до извѣстной степени отражаетъ собою дѣйствительность, то этой устойчивости въ познаніи должна соотвѣтствовать нѣкоторая устойчивость и въ мірѣ физическомъ, познаваемомъ человѣчествомъ. И міръ физическій не представляетъ собою Гераклитовскаго потока, въ которомъ ничто не остается неизмѣннымъ (πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει). Еще Аристотель въ своей метафизикѣ убѣдительно опровергъ Гераклитовцевъ [2]). Дѣло въ томъ, что при тѣхъ же обстоятельствахъ безъ причинъ не измѣняется ни одна вещь; самое измѣненіе пред-

[1]) Vaihinger, Commentar zu Kants Kritik d. rein. Vern. I. Bd. Stuttg 1881; II Bd. 1892.

[2]) Aristoteles, Metaph. Γ. 3—8, 1005 b.—1012 b.

полагаетъ и нѣчто устойчивое, неизмѣнное: иначе, мы не говорили бы о б ъ и з м ѣ н е н і и вещи, а о новой вещи. Все то, что составляетъ ея сущность (οὐσία), остается неизмѣннымъ, а мѣняются только ея акциденціи (τὰ συμβαβηκότα).

§ 6. Такимъ образомъ логическій законъ тожества въ свою очередь имѣетъ свое основаніе въ существованіи *единообразія* въ самой природѣ (физической) и въ существованіи неизмѣнныхъ реальныхъ сущностей: субстанцій, атомовъ, монадъ или тому подобнаго, предполагаемаго физиками и метафизиками. На томъ же естественномъ (онтологическомъ) законѣ бытія основанъ и логическій законъ противорѣчія. Формулировка его у Аристотеля допускаетъ и то и другое толкованіе,—и логическое и онтологическое (метафизическое).

Эти аксіомы познанія (и мышленія, ведущаго къ нему) подъ различными наименованіями разсматривались и послѣ Аристотеля неоднократно; ихъ называли еще и „принципами“ (началами), или первыми основаніями, или „законами мышленія“. Однако до средины 18-го вѣка они не составляли особой главы логики; впервые ихъ соединилъ вмѣстѣ *Кантъ*, а именно—во введеніи къ своей „Логикѣ“. Его примѣру послѣдовало большинство авторовъ логикъ въ Германіи, а затѣмъ и нѣкоторые изъ французовъ и англичанъ. У насъ это вошло въ обыкновеніе съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка [1]).

Относительно этихъ аксіомъ, или основныхъ положеній, и по сей день существуютъ разногласія; они касаются не только ихъ примѣненія—къ одному ли мышленію или ко всей дѣйствительности, но и ихъ взаимной зависимости другъ отъ друга и даже ихъ числа. Нѣкоторые изъ логиковъ середины прошлаго вѣка (напр., Ф. Фишеръ и Новицкій), подобно Аристотелю, сводили ихъ къ двумъ законамъ; то же дѣлаетъ и Н. Ланге. Другіе же—къ тремъ, напр., Дробишъ, П. Жанэ, Ліаръ, С. Джевонсъ, Владиславлевъ [2]). Иные ихъ сводятъ къ четыремъ, напр., Гамильтонъ, Ибервегъ, Вундтъ, Т. Липпсъ и почти всѣ русскіе составители учебниковъ логики послѣ сорокового года истекшаго вѣка,—Па-

[1]) Впервые ввели это въ свои логическія сочиненія Новицкій и Пащенко. См. М. Троицкій, Учебникъ логики, II кн. М. 1886, стран. 85 и 86.

[2]) См. М. Троицкій цитир. соч., стран. 86.

щенко, Райковскій, Карповъ, Свѣтилинъ, Струве [1]), а изъ новѣйшихъ—Челпановъ [2]) и Введенскій [3]).

§ 7. У приведенныхъ авторовъ этими законами мышленія обусловливаются дедуктивныя умозаключенія; но ими не исчерпываются всѣ „аксіомы", или „основныя начала" логики. Такъ *А. Бэнъ* между „основными началами логики" (First Principles of logic) отличаетъ три группы: 1) начало логической послѣдовательности (the Principle of Consistency), которое обнимаетъ законы тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. 2) Начала дедукціи, которыя Бэномъ сводятся къ двумъ положеніямъ: а) къ такъ называемой аксіомѣ силлогизма, или dictum de omni et nullo: „все, что истинно относительно цѣлаго класса, то истинно и относительно того, что можетъ быть подведено подъ этотъ классъ"; б) къ слѣдующему положенію Бэна: „вещи, сосуществующія съ той же самой вещью, сосуществуютъ другъ съ другомъ". 3) Начало индукціи, которое сводится къ вѣрѣ въ единообразіе природы; а послѣднее подраздѣляется; а) на единообразіе сосуществованія и б) на единообразіе послѣдовательности (Succession) [4]). Такимъ образомъ у Бэна имѣется шесть аксіомъ или (если принять во вниманіе послѣднее подраздѣленіе единообразія природы) семь. М. Троицкій по ошибкѣ упоминаетъ лишь пять.

М. Троицкій, покойный проф. Московскаго университета, на мѣсто второго положенія Бэна относительно дедукціи ставитъ „аксіому демонстраціи", которая до него не приводилась въ числѣ основныхъ законовъ мышленія. Эту аксіому онъ формулируетъ такъ: „Изъ истинныхъ посылокъ,

---

[1]) Тамъ же. Впрочемъ, Ибервегъ предлагаетъ соединить законы противорѣчія и исключеннаго третьяго въ одинъ—principium disunctionis contradictoriae. См. Ueberweg, Logik, 5 Aufl. § 79, s. 266.

[2]) Проф. Г. Челпановъ, Учебникъ Логики, К. 1906, гл. XII, стр. 61—66.

[3]) а) Проф. А. И. Введенскій, Логика для гимн., С.-Петербургъ, 1910, гл. IX, стр. 92—99.

б) Его же, Логика, какъ часть теоріи познанія, С.-Петербургъ, 1909, гл. XVIII, стр. 371—388. Въ ней разсматривается и „пятый законъ мышленія", о распредѣленности терминовъ сужденія, который оказывается излишнимъ, такъ какъ онъ объяснимъ закономъ достаточнаго основанія.

[4]) A. Bain, Logic, London 1870, I. 20—28, pag. 14—21.

при правильномъ выводѣ, нельзя получить ложнаго слѣдствія“ [1]).

Аксіомы логики Троицкій дѣлитъ „на два порядка,— аксіомы предложеній и аксіомы умозаключеній. Всѣ аксіомы предложеній сведены къ тремъ основнымъ началамъ: началу тожества, началу противорѣчія и началу исключеннаго средняго. Аксіомы умозаключеній сводятся также къ слѣдующимъ тремъ: къ „аксіомѣ силлогизма, аксіомѣ демонстраціи и аксіомѣ наведенія“.

§ 8. Такимъ образомъ Троицкій II и III Бэновскій классы соединилъ въ одинъ, исключивъ изъ второго класса второе положеніе Бэна; но онъ не говоритъ, почему онъ это сдѣлалъ. Мало того, онъ объ этомъ второмъ положеніи Бэна относительно дедукціи совсѣмъ умалчиваетъ [2]). Въ оправданіе Троицкаго можно сказать, что это положеніе подразумѣвается въ первомъ, т. е. въ аксіомѣ силлогизма, или dictum de omni et nullo.

Вмѣсто нея *Милль* поставилъ свои двѣ формулы: а) для утвердительныхъ силлогизмовъ, которая тожественна со вторымъ положеніемъ Бэна относительно дедукціи; б)— для отрицательныхъ, не принятая Бэномъ. Послѣдняя Миллемъ формулирована такъ: „если одна вещь сосуществуетъ съ другой, а съ этой другой нѣкоторая третья не сосуществуетъ, то и первая не сосуществуетъ съ этой третьей“ [3]).

Эти двѣ новыя формулы Милля во всѣхъ отношеніяхъ менѣе удовлетворительны одной, и притомъ краткой, старой формулы—dictum de omni, приведенной и Бэномъ: всѣ возраженія Милля, сдѣланныя противъ нея, а равно его полемика съ Бэномъ для меня нисколько не убѣдительны. Они не имѣютъ достаточнаго основанія въ формулировкѣ Милля даже въ томъ случаѣ, если бы кто-нибудь и въ настоящее время смотрѣлъ на общее понятіе такъ же, какъ

[1]) М. Троицкій, Учебникъ Логики, М. 1886, кн. 2, стран. 107, 2-я строка св.

Эта истина приводилась логиками и раньше, но—попутно, въ отдѣлѣ о силлогизмѣ. По моему, не слѣдуетъ ее причислять къ аксіомамъ: она вытекаетъ изъ закона тожества.

[2]) Тамъ же, стран. 86 (II кн. III гл. § 3).

[3]) Джонъ Ст. Милль, Система Логики, II кн., гл. II § 3 (стр. 141).

средневѣковые „реалисты“, т. е. считалъ ихъ обозначеніями особыхъ реальныхъ сущностей. А по мнѣнію Милля, въ этомъ будто бы состоитъ недостатокъ старой формулы [1]).

§ 9. Какъ мы видѣли, число аксіомъ логики, или „законовъ мышленія“ колеблется между двумя и семью. Объясняется это больше терминологіей авторовъ, чѣмъ самымъ предметомъ. Нѣкоторые разумѣютъ подъ „законами мышленія“ только то, что Бэнъ называетъ „началомъ логической послѣдовательности, или постоянства“ (the Principle of Consistency), а М. Троицкій—„аксіомами предложеній“, т. е. законы—тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго (или средняго). Но и въ этомъ ограниченномъ понятіи „законовъ мышленія“ есть разногласіе: нѣкоторые, согласно съ Аристотелемъ, законъ тожества и противорѣчія сводятъ къ одному, и такимъ образомъ у нихъ получаются только два основныхъ закона. Другіе же къ приведеннымъ тремъ прибавляютъ еще четвертый—„законъ достаточнаго основанія“. Что же касается „аксіомъ умозаключеній“ Троицкаго (или „началъ индукціи и дедукціи Бэна), то большинство нѣмецкихъ и почти всѣ русскіе логики не называютъ ихъ „законами мышленія“. Относительно дедукціи нѣкоторые употребляютъ терминъ „аксіома“, а относительно индукціи русскими авторами употребляются термины „постулатъ индукціи“ или же „принципъ единообразія природы“ или „законъ причинности“. Проф. Введенскій, сверхъ всего, согласно съ Кантомъ, признаетъ еще „апріорныя общія синтетическія сужденія“ [2]). Существенное разногласіе существуетъ только относительно *„закона достаточнаго основанія“*, который не признается за основной законъ, или за „аксіому“ англичанами и М. Троицкимъ, а также и мною. Спрашивается, кто правъ: слѣдуетъ ли его признать основнымъ закономъ мышленія или производной нормой методологіи?

§ 10. На этомъ вопросѣ мы остановимся нѣсколько дольше и прослѣдимъ въ общихъ чертахъ исторію его воз-

[1]) Тамъ же, стран. 137—143.

[2]) (Универс. курс., стр. 296 и слѣд. 301—305, 379 и друг.).

никновенія и развитія у болѣе видныхъ философовъ, разсматривавшихъ законъ *достаточнаго основанія*.

Впервые его установилъ Лейбницъ, но требованіе обосновывать каждую мысль и „избѣгать поспѣшныхъ заключеній и предразсудковъ“ и „ничего не считать истинымъ, пока его истина не будетъ доказана“ выставлено еще *Декартомъ* [1]). *Лейбницъ* это требованіе возводитъ въ аксіому, которая не нуждается въ доказательствѣ [2]). Въ силу этой аксіомы, по словамъ Лейбница, мы понимаемъ, что ни одинъ фактъ не окажется истиннымъ или существующимъ, ни одно сужденіе—справедливымъ (veritable) безъ наличности достаточнаго основанія (raison suffisante), почему оно вышло такимъ, а не другимъ“ [3]). И Кантъ подъ достаточнымъ основаніемъ разумѣетъ и основаніе и причину: „Положеніе о достаточномъ основаніи есть основаніе всякаго возможнаго опыта, т. е. объективнаго познанія явленій“ [4]). Подробнѣе всѣхъ разсмотрѣлъ это положеніе *Шопенгауэръ*, считающій его основнымъ закономъ обработки мышленіемъ данныхъ опыта. „Всѣ наши представленія, говоритъ Шопенгауэръ, находятся между собою въ законосообразной связи, которая по формѣ можетъ быть опредѣляема apriori; б) въ силу этой связи не можетъ быть для насъ объектомъ ничто, существующее для себя и независимое, а равно—и ничто единичное и оторванное. Эта связь именно и выражается положеніемъ достаточнаго основанія въ его всеобщности“ [5]). По роду объектовъ это положеніе, какъ учитъ Шопенгауэръ, видоизмѣняется четырьмя способами; оно говоритъ или: 1) объ основаніи возникновенія (ratio sufficiens fiendi), или 2)—объ основаніи познанія (r. s. cognoscendi), или 3)—объ основаніи бытія (неизмѣннаго; (r. s. essendi), или 4)—объ основаніи дѣятельности (законъ мотиваціи) r. s. agendi [6]). „Это положеніе о достаточномъ основаніи, по мнѣнію Шопенгауэра, во всѣхъ

[1]) Descartes, Discours sur la méthode.

[2]) Leibnitz, 3-е и 5-е письмо къ Кларку. Изданіе Эрдмана, стран. 751.

[3]) Leibnitz, Monadologie, 32.

[4]) Kant, Kritik d. rein. Vern. herausg. v. Kehrbach, s. 189.

[5]) Schopenhauer, Vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde, hrsg. v. Griesebach, стран. 3, § 16.

[6]) Ibid. § 20, 29, 36, 43.

его видахъ—апріорное, слѣдовательно оно коренится въ нашемъ интеллектѣ; поэтому оно не можетъ быть примѣняемо въ отношеніи совокупности всѣхъ существующихъ вещей, т. е. міра"... [1]). И Шопенгауэръ, какъ и Кантъ, ограничиваетъ причинность нашимъ познаніемъ, не признавая таковой въ вещахъ въ себѣ.

§ 11. Изъ новѣйшихъ философовъ *Вундтъ* приблизительно такъ же смотритъ на законъ достаточнаго основанія; но пытается объяснить его новыми понятіями „зависимости" и „соотносительности". Вундтъ считаетъ этотъ законъ „основнымъ закономъ зависимости другъ отъ друга актовъ нашего мышленія", однако болѣе сложнымъ, чѣмъ законы тожества и различія; „къ нимъ, какъ новый моментъ, присоединяется моментъ соотносительнаго измѣненія; принципъ основанія является закономъ, выражающимъ, что мы полагаемъ объекты мышленія, свойства которыхъ измѣняются соотносительно, зависящими другъ отъ друга; акты сравненія заключаютъ въ себѣ сравненіе двухъ приведенныхъ въ соотношеніе рядовъ понятій; принципъ основанія превращается въ принципъ всеобщей связи актовъ нашего мышленія; онъ становится изъ закона мышленія закономъ познанія; будучи послѣднимъ принципомъ сравнивающаго мышленія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является первымъ принципомъ обосновывающаго мышленія, а именно познаванія" [2]). Такимъ образомъ въ объясненіи Вундта „соотносительное измѣненіе" и „зависимость" являются болѣе первоначальными „моментами" или „принципами", чѣмъ самый „законъ основанія". Отъ этого „объясненія" вопросъ еще больше осложнился и запутался, какъ это часто бываетъ у Вундта. Если этотъ „законъ основанія" зависитъ отъ новаго момента „соотносительнаго измѣненія", а равно и отъ закона тожества и противорѣчія: то очевидно, онъ не „основной законъ", а производный. И это дѣйствительно такъ, въ чемъ мы убѣдимся изъ дальнѣйшаго.

§ 12. Изъ предыдущаго мы могли убѣдиться, что подъ „*основаніемъ*" *въ логикѣ*, а равно и въ мышленіи, имѣющемъ

[1]) Ibid. § 52.

[2]) Вундтъ, Система философіи, перев. Водена, С.-Петербургъ, 1902, I отд. III. § 3, стран. 54 и 55.

своей цѣлью познаніе истины, разумѣютъ тотъ фактъ, то познаніе, тѣ сужденія и понятія, изъ которыхъ по необходимости вытекаетъ новое сужденіе, новое познаніе. Почему вытекаетъ данное новое познаніе изъ прежняго стараго, на это можетъ быть десятокъ, другой отвѣтовъ, которые частью заключаются въ правилахъ логики, частью въ данныхъ опыта и въ знаніяхъ, провѣренныхъ уже наукой, т. е. свѣдущими спеціалистами. У дѣтей и первобытныхъ людей слово „почему“ обыкновенно относится къ фактамъ дѣйствительности —къ явленіямъ природы, качествамъ и свойствамъ вещей, или же къ явленіямъ и качествамъ душевнымъ, обыкновенно—къ чувствамъ и дѣйствіямъ людей. Напр.: почему сегодня холодно въ комнатѣ, почему вода въ кадкѣ замерзла, почему чай не сладокъ, почему ты опечалена, почему отецъ сердитъ, почему ты надѣла новое платье? На болѣе высокой ступени развитія это „почему“ относится не только къ фактическимъ истинамъ, но и къ истинамъ формальнымъ, или выводнымъ. Такъ напр.: Почему всѣ числа, съ нолемъ на мѣстѣ единицъ всегда дѣлятся на 2, 5 и 10? Почему всѣ числа, состоящія изъ трехъ одинаковыхъ цифръ, представляютъ собою кратныя произведенія 3 и 37? Такъ напримѣръ: $(37\times3)\times5=555$; $(37\times3)\times3=333$; $(37\times3)\times4=444$ $(37\times3)\times7=777$ и т. д. Почему съ однимъ слономъ нельзя дать „матъ“? Въ послѣднихъ примѣрахъ не идетъ рѣчь о реальной причинѣ явленія, а о логическомъ основаніи данной истины, которое заключается въ другихъ данныхъ понятіяхъ и знаніяхъ [1]). Это различіе между реальной причиной (αἰτία causa, cause) и логическимъ основаніемъ (λόγος, ratio, raison) впервые точно разграничилъ *Лейбницъ* [2]). Онъ же впервые отмѣтилъ и различіе истинъ фактическихъ отъ истинъ формальныхъ, или выводныхъ [3]). Относительно послѣднихъ мы спрашиваемъ о ихъ логическомъ основаніи, относительно первыхъ и объ ихъ причинѣ.

По примѣру Лейбница, и *Кантъ* различаетъ логическое

---

[1]) См. И. С. Проданъ, Учебникъ логики, § 1.

[2]) Leibnitz, a) Nouveaux essais sur l'intendem ent homain,]iore IV, chap. XVII, § 1.

[3]) b) Kant, Monadologie 32, c) Theodicée II, § 44. Principiorum primorum cogita tionis metaphysicae nova dilacidatio, herausgegeben v. J. H. v. Kirchmann 1882, sect II, propos VIII.

основаніе („logischer Grund“) отъ причины („Ursache, Realgrund“). Уже въ его первой диссертаціи 1755 года онъ говоритъ, что основаніе истинности не есть причина дѣйствительности.

§ 13. Это различіе очень важно, какъ мы это увидимъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи; къ сожалѣнію, его еще не дѣлаютъ нѣкоторые авторы логикъ. Но даже и въ этомъ случаѣ авторамъ учебниковъ логики слѣдуетъ поступать логично. А именно, если они подъ „закономъ достаточнаго основанія“ разумѣютъ разскрытіе не только логическаго основанія, но и реальной причины; то тогда не имѣетъ смысла особо приводимый ими „законъ причинности“: онъ уже подразумѣевается въ законѣ достаточнаго основанія. Между тѣмъ такъ поступаетъ проф. *Введенскій* въ обѣихъ своихъ логикахъ. Съ одной стороны онъ признаетъ „принципъ единообразія природы и его частный случай—принципъ причинности“ [1]); съ другой—онъ считаетъ законъ достаточнаго основанія основнымъ закономъ мышленія, а именно „нормативнымъ“ [2]); въ него можетъ входить и логическое основаніе, и реальная причина, какъ это вытекаетъ изъ приведенной ниже формулировки. Уже эта двойственная роль этого „закона“ доказываетъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло не съ элементарнымъ и основнымъ принципомъ (или закономъ), а съ чѣмъ-то производнымъ и сложнымъ. Посмотримъ теперь, какъ формулируется и доказывается самостоятельность этого закона проф. Введенскимъ. Въ университетскомъ курсѣ формулировка его дана въ слѣдующихъ словахъ: „нашъ умъ [3]) считаетъ истиной только (sic!) такія сужденія, относительно которыхъ онъ усматриваетъ основанія, достаточныя для того, чтобы дѣйствіемъ закона противорѣчія принудить насъ соглашаться съ этими сужденіями“. [Курсивъ проф. Введенскаго]. Въ новой логикѣ для

---

[1]) Проф. Введенскій, Логика какъ часть теоріи познанія (универс. курс, гл. XIV и особ., стр. 270—272.

[2]) Тамъ же, гл. XVIII. „Логическіе законы мышленія“. Подъ таковыми проф. Введенскій разумѣетъ то же, что другіе—подъ терминомъ „аксіома“, или „принципъ“, или „основные законы мышленія“.

[3]) Въ „Логикѣ для гимназій“ поставлено вмѣсто „нашъ умъ“—„мышленіе“ (стран. 96).

гимназій самъ проф. Введенскій сдѣлалъ важную поправку, пропустивъ изъ этой формулы слова „дѣйствіемъ закона противорѣчія [1]). Такимъ образомъ онъ обобщилъ одинъ способъ „принужденія согласиться“ на всѣ возможные: и на законы мышленія, и на „принципъ единообразія природы“, и на законъ причинности, т. е. на всѣ доказательства логическія и нелогическія, въ родѣ argumenta ad hominem. Правда, проф. Введенскій этого прямо не утверждаетъ; но это вытекаетъ изъ его формулировки, какъ мы это увидимъ сейчасъ.

§ 14. Формулировка закона достаточнаго основанія, данная проф. Введенскимъ прежде всего, невѣрна относительно того, что считается истиннымъ: каждый человѣкъ считаетъ истиной безчисленное множество сужденій, съ которыми онъ соглашается, хотя не усматриваетъ никакихъ основаній. Таковы, напр., всѣ сужденія относительно непосредственныхъ воспріятій; таковы и истины самоочевидныя. Пусть мнѣ проф. Введенскій приведетъ хоть какое-нибудь основаніе для слѣдующихъ сужденій, которыя всѣми считаются истинными; пусть онъ скажетъ: почему небо голубое, а уголь черенъ? Далѣе, пусть мнѣ проф. Введенскій отвѣтитъ: почему онъ видимый имъ памятникъ Петра Великаго считаетъ реальной вещью, состоящей изъ гранита и бронзы, а не однимъ явленіемъ своего сознанія, не образомъ воображенія, каковые бываютъ въ сновидѣніяхъ или при галлюцинаціяхъ? Или—почему линія есть кратчайшее разстояніе? [2])

§ 15. Далѣе, та же формулировка проф. Введенскаго

[1]) Тамъ-же, стран. 96.

[2]) Если на подобные вопросы можно придумать какой-нибудь отвѣтъ, то только такой: нашъ умъ такъ устроенъ, и больше ничего; все другое будетъ однимъ пустословіемъ. А если любознательный ребенокъ спроситъ дальше: почему же нашъ умъ такъ устроенъ? И неужели проф. Введенскій сумѣетъ до безконечности отвѣчать на всѣ „почему“? Всѣ „почему“ имѣютъ свой предѣлъ, и всякое знаніе имѣетъ свои начала, или принципы, аксіомы; эти основныя начала недоказуемы; но они и не нуждаются въ доказательствахъ, такъ какъ они всѣми признаются за несомнѣнныя истины. Только нѣкоторые изъ софистовъ новѣйшей формаціи, подобно древнимъ софистамъ, желая показаться оригинальными передъ толпой, высказываютъ свои сомнѣнія относительно этого.

невѣрна и потому, что въ ней не видно требованіе, или „предписаніе“ мыслить, а излагается только фактъ устройства нашего ума, или (по новой логикѣ для гимназій) свойство „мышленія“. Между тѣмъ проф. Введенскій не только считаетъ этотъ законъ „нормативнымъ“, но даже доказываетъ это [1]). А „подъ нормативными законами, или нормами, по словамъ проф. Введенскаго, разумѣются предписанія, назначенныя для руководства какой-либо нашей дѣятельностью“ [2]).

Вмѣсто исправленія этихъ двухъ ошибокъ въ формулировкѣ проф. Введенскаго, мы приведемъ формулу *Декарта*, который ее не считалъ особымъ закономъ, а—требованіемъ методическимъ для избѣжанія ошибокъ. Въ своемъ „Разсужденіи о методѣ“ Декартъ это требованіе на ряду съ другими формулируетъ коротко, ясно и точно, а именно—слѣдующими словами: „Ничего не считать истиннымъ, пока его истина не будетъ доказана“ [3]). Декартъ въ этомъ правилѣ, конечно, не имѣлъ въ виду истинъ очевидныхъ, а—добываемыя на основаніи разсужденій и умозаключеній. Формула Лейбница имѣетъ въ виду то же; но она уступаетъ Декартовой во всѣхъ отношеніяхъ. Допустимъ, что проф. Введенскій приметъ формулу Декарта, какъ болѣе точную: черезъ семь страницъ и въ его университетскомъ курсѣ имѣется предложеніе, очень близкое къ приведенному Декартовому, а именно: „не допускать ничего въ видѣ истины безъ достаточнаго основанія“. Но и въ этомъ есть существенный недостатокъ: его нельзя считать опредѣленіемъ этого закона, такъ какъ въ такомъ случаѣ получилась бы ошибка „idem per idem“.

§ 16. Проф. Введенскій обосновываетъ этотъ законъ и доказываетъ на примѣрахъ, что онъ—самостоятельный и необходимый законъ. Уже эта попытка доказать его необходимость свидѣтельствуетъ, что онъ не представляетъ собою истины очевидной. Сверхъ того, и приведенныя выше несомнѣнныя истины, къ которымъ никто не

[1]) Унив. курсъ, стран. 381.

[2]) Тамъ же, стран. 248.

[3]) Descartes, Discours sur la méthode. Это правило вмѣстѣ съ тремя другими приведено и въ моемъ учебникѣ логики въ самомъ началѣ II-ой части, т. е. методологіи (2 изд. стран. 100).

примѣняетъ этого закона, составляютъ подавляющее большинство всѣхъ истинъ, и доказываютъ, что человѣчество тысячелѣтія обходится при познаніи истинъ, не сознавая подобнаго „закона“. И самъ проф. Введенскій въ той же главѣ о „законахъ мышленія“, даже въ преувеличенной мѣрѣ, подтверждаетъ сказанное, говоря: „Это доказывается [подразумѣвается, что онъ—нормативный законъ] тѣмъ, что мы очень легко допускаемъ разныя мысли безъ всякаго основанія. Даже очень трудно, поясняетъ проф. Введенскій, никогда не допускать ни одного сужденія безъ основанія“ [1]) Слѣдовательно даже и „мы“ въ 20-омъ вѣкѣ „очень легко допускаемъ разныя мысли“ не только безъ основанія, но даже „безъ всякаго основанія“, и притомъ, какъ мы видѣли, не только ложныя, но въ значительномъ большинствѣ случаевъ и истинныя. Выраженіе проф. Введенскаго „безъ всякаго основанія“ я считаю гиперболой; вѣрнѣе будетъ сказать „безъ сознанія основаній“: они несомнѣнно всегда имѣются, но мы ихъ не знаемъ. Очень часто эти основанія коренятся въ устройствѣ, т. е. въ организаціи физической и духовной человѣка, и относятся къ „законамъ естественнымъ“. Напримѣръ: почему новорожденный ребенокъ уже въ первые дни натуральное молоко считаетъ вкуснымъ? Почему уже съ появленіемъ на свѣтъ холодъ онъ считаетъ непріятнымъ и кричитъ? Почему младенецъ иногда радуется? т. е. считаетъ иные факты пріятными для себя? Кто его научилъ этому? Слѣдовательно и причины, а въ послѣдствіи и *основанія* познаній существуютъ; но не только дѣти, но и философы весьма часто ихъ не знаютъ, хотя бы ихъ познанія были истинными.

§ 17. То же еще правдоподобнѣе относительно животныхъ. Почему цыпленокъ уже въ первый день жизни правильно, т. е. истинно, понимаетъ нѣкоторыя свои зрительныя впечатлѣнія и вполнѣ правильно примѣняетъ къ нимъ свои дѣйствія? Человѣкъ этому научается только изъ опыта, и притомъ очень поздно. Такъ напр., извѣстно, что цыпленокъ, вылупившійся изъ яйца, уже въ первый день жизни можетъ не только клевать видимыя имъ крошки, но даже можетъ ловить мухъ [2]). Этотъ фактъ предполагаетъ, если

[1]) Унив. курсъ, стран. 381.

[2]) См.: Морганъ. Инстинктъ.

судить о познаніи животныхъ по аналогіи съ человѣческимъ, и вѣрное зрительное воспріятіе—съ сужденіями о разстояніи и величинѣ видимаго, и вѣрное примѣненіе нервной и мускульной системъ для совершенія опредѣленнаго довольно сложнаго и цѣлесообразнаго дѣйствія, т. е. весьма сложныхъ движеній, которыя человѣку не удаются и въ зрѣломъ возрастѣ. Всему этому, конечно, никто не училъ цыпленка; всего этого, по всему вѣроятію, и не сознаетъ цыпленокъ; но тутъ несомнѣнно есть на лицо и законосообразность, и причины. По терминологіи кантіанцевъ, въ этомъ случаѣ и подобныхъ ему дѣйствуютъ *„апріорныя синтетическія сужденія“*: они не только годны для познанія, но даже—„необходимыя условія всякаго опыта“. Слѣдовательно эти „необходимыя условія“ должны существовать (гдѣ-нибудь, всего вѣроятнѣе—въ душѣ) и у человѣка, и у цыпленка прежде всякаго опыта. Вѣдь, и у послѣдняго они обусловливаютъ его вѣрныя познанія о внѣшнемъ мірѣ, они обусловливаютъ даже всю его жизнь: безъ нихъ цыпленокъ померъ бы отъ голода, и не попалъ бы на сковороду. Тѣмъ не менѣе кантіанцы, въ томъ числѣ и проф. Введенскій, не признаютъ эту „апріорность“ за врожденность. Послѣдній даже предостерегаетъ отъ смѣшиванія этихъ терминовъ потому-де, что въ апріорности заключается условіе всеобщности и истинности, чего не имѣется въ прирожденности [1]). Утвержденіе это совершенно невѣрное. Если-бы люди, въ томъ числѣ и кантіанцы, никогда не ошибались относительно природы, несмотря на наличность въ ихъ познаніяхъ природы „апріорныхъ синтетическихъ сужденій“, то этой гипотезѣ могли бы повѣрить тѣ люди, которые не въ состояніи разобраться въ этомъ вопросѣ. Но на самомъ дѣлѣ этого не имѣется: люди всегда ошибались и будутъ ошибаться; и цыпленку не всегда удается поймать муху. Слѣдовательно возможность ошибокъ не исключается и „апріорностью синтетическихъ сужденій“. И проф. Введенскій, какъ почти всѣ кантіанцы, боится смѣшенія апріорности съ врожденностью потому, что послѣдняя относится къ психологіи, а психологія—эмпирическая наука, которая не можетъ дать истинъ всеобщихъ и необходимыхъ. Между тѣмъ ни самъ Кантъ, ни его адепты, въ томъ числѣ и проф.

[1]) Универ. курсъ, глава XVI, стран. 296. См. также стран. 291 и 292.

Введенскій, не обходятся безъ психологіи въ своихъ гносеологическихъ разсужденіяхъ. (Проф. Введенскій даже свою новую логику построилъ по методу психологическому и даже опредѣленіе ея далъ такое, которое этому отвѣчаетъ). Дѣло въ томъ, что безъ психологіи невозможно обойтись въ разсмотрѣніи вопросовъ гносеологіи; въ этомъ отношеніи гносеологія не составляетъ исключенія отъ другихъ наукъ: принципы многихъ, если не всѣхъ, наукъ коренятся въ положеніяхъ, или психологическихъ или метафизическихъ. Это ясно понималъ еще Аристотель; къ сожалѣнію, его мало знаютъ кантіанцы, которые такъ же не знаютъ и изслѣдованій по гносеологіи англичанъ и шотландцевъ. Впрочемъ, какъ же самъ Кантъ добылъ эти „апріорные“ элементы познанія? Не изъ данныхъ эмпирическихъ?

§ 18. Но даже не принимая во вниманіе упомянутыхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ до Канта, въ самомъ ученіи Канта кроется ясное указаніе, что *апріорность есть одна изъ сторонъ прирожденнаго устройства души* или познавательныхъ способностей. Если „апріорныя синтетическія сужденія“ составляютъ необходимое условіе всякаго опыта: то эти условія должны существовать въ душѣ до этого опыта, т. е. до перваго познавательнаго акта. Самое слово priori значитъ „раньше“: a posteriori—„позже“. Откуда же появляются въ душѣ человѣка и цыпленка эти „апріорныя синтетическія сужденія?“

У кантіанцевъ это познаніе несомнѣнно почерпнуто изъ „Критики чистаго разума“; но цыпленокъ ея навѣрно не читалъ, какъ и милліоны грамотныхъ людей. Откуда же они появились въ душѣ не кантіанцевъ и даже у цыпленка? Ужъ не насѣдка ли сообщаетъ ихъ цыплятамъ? Или же они прилетаютъ съ воздуха? Эти вопросы не занимаютъ кантіанцевъ; но они невольно напрашиваются у каждаго наблюдателя и естествоиспытеля. Сложность многихъ „инстинктовъ“ у животныхъ и человѣка, несомнѣнно, обусловлена организаціей физической и душевной, которая прирождена и человѣку и животнымъ, наравнѣ со всѣми познавательными способностями.

§ 19. Все то, что Кантъ называетъ „апріорнымъ“, это—врожденные „принципы здраваго смысла“ *Рида*, у котораго ихъ Кантъ позаимствовалъ, перекрестивъ ихъ мудре-

ными и „учеными“ именами. Къ этимъ „принципамъ здраваго смысла“ принадлежатъ и „законы мышленія“, а также стремленіе обосновать свое мышленіе; но это стремленіе обнаруживается довольно поздно у человѣка; у животныхъ, по всему вѣроятію, его не имѣется. Если же это стремленіе не у всѣхъ людей обнаруживается и даже у геніальныхъ обнаруживается поздно, хотя они и до этого обнаруженія имѣютъ безчисленное множество истинныхъ знаній: то нельзя это стремленіе считать первоначальнымъ и простымъ „закономъ“ мышленія: это стремленіе уже предполагаетъ не только первоначальные законы тожества и противорѣчія, но сверхъ того,—и множество знаній. Вѣдь „обосновывать“ значитъ не что иное, какъ сопоставлять и согласовать новое знаніе съ имѣющимся уже старымъ. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ правы англичане и проф. М. Троицкій, которые не признаютъ „закона достаточнаго основанія“ за основной законъ мышленія. Приведенныхъ выше разсужденій и соображеній, правда, не имѣется въ ихъ сочиненіяхъ, на сколько мнѣ извѣстно; но можно предполагать, что подобныя соображенія у нихъ были.

§ 20. Теперь разсмотримъ, какъ проф. Введенскій доказываетъ (sic!) необходимость закона достаточнаго основанія. Это свое доказательство онъ даетъ въ слѣдующихъ разсужденіяхъ [1]): „Почему въ правильныхъ силлогизмахъ выводъ всегда состоитъ изъ такихъ понятій, которыя уже были въ посылкахъ?... Если я изъ прежнихъ посылокъ (ртуть—жидкость; и т. д.; подразумѣвается: а всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, и ртуть упруга) сдѣлаю выводъ, состоящій изъ такихъ понятій, какихъ не было въ посылкахъ, скажемъ „капуста кругла“ или „ртуть металлъ“, то у меня не выйдетъ никакого противорѣчія, т. е. законъ противорѣчія не будетъ нарушенъ. Не будетъ также при этомъ нарушенъ и законъ исключеннаго третьяго“. Пріостанавливая пока дальнѣйшее цитированіе, я дамъ отвѣтъ проф. Введенскому, котораго онъ не даетъ. Потому,—что наличность двухъ крайнихъ терминовъ и въ заключеніи и въ посылкахъ составляетъ существенный признакъ силлогизма; безъ этого условія не существуетъ силлогизма, т. е. правильнаго.

[1]) Логика для гимн. § 136, стран. 96.

Но проф. Введенскій или не имѣетъ правильнаго понятія о силлогизмѣ и вообще объ умозаключеніи, или же онъ не сумѣлъ въ своихъ логикахъ раскрыть содержаніе этихъ понятій. Дѣло въ томъ, что проф. Введенскій и объ умозаключеніи вообще, и въ особенности о силлогизмѣ даетъ невѣрныя опредѣленія[1]). По его опредѣленіямъ, дѣйствительно, можно считать умозаключеніемъ и даже силлогизмомъ сочетаніе трехъ сужденій, между которыми не существуетъ логической связи, вродѣ приведеннаго имъ выше: „ртуть жидкость; а жидкости упруги: слѣдовательно капуста кругла“. Подъ его опредѣленіе умозаключенія подойдетъ и извѣстный малороссійскій каламбуръ: „На городі бузина; а въ Киіві дядько: тимъ я тебе полюбила, шо на руці перстень“. (Неправильность его опредѣленій будетъ мною доказана ниже, въ соотвѣтственной главѣ). Проф. Введенскій вѣрно замѣчаетъ, что въ его выводѣ „капуста кругла“ не нарушенъ ни законъ противорѣчія, ни законъ исключеннаго третьяго; но онъ не замѣтилъ, что эти законы въ его „выводѣ“ не могутъ имѣть никакого примѣненія; слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи объ ихъ нарушеніи. Вѣдь, законъ противорѣчія, даже въ неточной формулировкѣ проф. Введенскаго, гласитъ такъ: „мышленіе [sic!] считаетъ невозможнымъ, чтобы какой бы то ни было предметъ имѣлъ и въ то же самое время, разсматриваемый въ томъ же отношеніи, не имѣлъ того же самаго признака“[2]). Слѣдовательно противорѣчіе имѣется тогда, когда относительно того же субъекта S одновременно утверждается и отрицается тотъ же предикатъ P. А такового не можетъ быть въ трехъ сужденіяхъ съ пятью или шестью терминами; оно возможно въ двухъ сужденіяхъ съ двумя одинаковыми терминами. Это есть тоже существенный признакъ понятія „противорѣчіе“. Очевидно, проф. Введенскій и этого понятія не уяснилъ себѣ, какъ слѣдуетъ: въ его логикѣ для гимназій нигдѣ не имѣется точнаго опредѣленія „противорѣчія“.

§ 21. Сейчасъ же послѣ приведенной цитаты проф. Введенскій приводитъ новый примѣръ „умозаключенія“, а именно слѣдующими словами: „Точно такъ же, если я сдѣлаю выводъ изъ посылокъ, въ которыхъ ни разу не распредѣ-

[1]) Логика для гимн. § 6, 77, 86.

[2]) § 132, стр. 94.

ленъ средній терминъ, вродѣ слѣдующаго: собаки животныя; кошки животныя; слѣдовательно, собаки суть кошки", то у меня при этомъ тоже не будетъ никакого [?] нарушенія ни закона противорѣчія [?], ни закона исключеннаго третьяго, а выводъ, все-таки, выходитъ неправильнымъ" [1]).

И относительно даннаго примѣра ошибается почтенный профессоръ философіи: противорѣчіе здѣсь имѣется несомнѣнное. И кошки, и собаки имѣютъ много общихъ признаковъ: потому они принадлежатъ не только къ царству животныхъ, но и къ разряду позвоночныхъ, къ порядку млекопитающихъ и къ семейству хищныхъ, или плотоядныхъ млекопитающихъ. Но они имѣютъ и нѣкоторые о с о б ы е признаки, которые присущи только ихъ виду. Этими-то признаками они несомнѣнно отличаются. Такъ напр., кошка имѣетъ острые подвижные когти, которыхъ собака не имѣетъ. Поэтому собаку по закону тожества нужно всегда мыслить съ ея существенными видовыми признаками, т. е. съ неподвижными когтями. Если же я собаку считаю кошкой, то я мыслю собаку съ особенными признаками кошки, т. е. съ когтями подвижными. Другими словами, я въ такомъ случаѣ собакѣ приписываю и въ то же время отрицаю подвижность когтей. Такимъ образомъ я нарушаю законъ противорѣчія, т. е. мыслю нелогично. Этого проф. Введенскій не замѣтилъ въ своемъ разсужденіи, слѣдовательно разсуждаетъ б е з ъ достаточнаго основанія.

§ 22. Послѣ приведеннаго примѣра проф. Введенскій дѣлаетъ свой выводъ слѣдующими словами: „Слѣд., то, что изучается логикой въ категорическихъ силлогизмахъ, для своего объясненія нуждается еще въ какомъ-то логическомъ законѣ мышленія. Чтобы найти его, спросимъ себя: „почему въ только что указанныхъ примѣрахъ мы считаемъ выводъ неправильнымъ, хотя въ нихъ нисколько [sic!] не нарушаются ни законъ противорѣчія, ни законъ исключеннаго третьяго? Потому [отвѣчаетъ почтенный профессоръ], что для этого вывода нѣтъ никакого о с н о в а н і я [маркир. его] въ посылкахъ, которое п р и н у ж д а л о бы [марк. его же] насъ согласиться съ выводомъ" [2]). Послѣ этого проф. Введенскій приводитъ свою формулировку закона достаточнаго осно-

[1]) Тамъ же стр. 96.
[2]) Тамъ же стр. 96.

ванія. Какъ мы видѣли относительно приведенныхъ трехъ примѣровъ профессора Введенскаго, достаточное основаніе, почему они не представляютъ правильныхъ силлогизмовъ, имѣется и безъ новаго закона мышленія, а именно: въ законѣ тожества и противорѣчія, а равно въ опредѣленіяхъ силлогизма и самаго „противорѣчія“.

Такимъ образомъ „достаточное основаніе“ проф. Введенскаго оказалось и недостаточнымъ, и излишнимъ. Этотъ „законъ“, не есть основной законъ логическаго мышленія, а методологическій пріемъ для провѣрки знаній и умозаключеній.

III. Формулировка основныхъ законовъ мышленія. Критика разныхъ формулъ.

§ 1. Какъ мы видѣли въ первой главѣ, понятіе логики различно опредѣляется различными авторами, обыкновенно—въ зависимости отъ различнаго пониманія ея задачъ и предмета. Поэтому-то и формулировка однихъ и тѣхъ же законовъ мышленія можетъ до нѣкоторой степени видоизмѣняться въ зависимости отъ пониманія предмета логики. Такъ напр., кто считаетъ логику „искусствомъ мышленія и открытій“ или „наукой общеобязательныхъ правилъ мышленія“, тотъ долженъ смотрѣть на основные законы мышленія, а равно и на всѣ правила логики, какъ на нормы, или требованія, обязательныя для достиженія истины. Кто же считаетъ логику обособившейся отраслью психологіи, кто въ логикѣ видитъ изложеніе особаго рода фактовъ психической дѣйствительности, тотъ и основые законы мышленія долженъ формулировать, какъ естественные законы, управляющіе психической жизнію, и въ частности мышленіемъ, которое достигаетъ истины или логической правильности. Такъ же должны смотрѣть на эти основные законы мышленія и тѣ, которые разсматриваютъ логику съ точки зрѣнія теоріи познанія, т. е. приверженцы гносеологическаго направленія. Такъ же смотрятъ на законы мышленія и нѣмецкіе идеалисты, начиная съ И. Г. Фихте (старшаго), Шеллинга, Гегеля, которые отожествляютъ мышленіе съ дѣйствительностью. Но въ новѣйшее время появились и такіе философы, которые считаютъ одни изъ основныхъ законовъ мышленія—естественными, а другіе—нормативными. Къ нимъ принадлежитъ и

проф. Введенскій. Такое мнѣніе уже не можетъ быть оправдано никакой точкой зрѣнія.

§ 2. Проф. Введенскій въ своемъ университетскомъ курсѣ утверждаетъ слѣдующее: „два закона—тожества и исключеннаго третьяго—естественные; одинъ—законъ достаточнаго основанія—нормативный; одинъ же—законъ противорѣчія—составляетъ естественный законъ для представленій и нормативный для мышленія“ [1]). Я оставляю пока въ сторонѣ критику различныхъ точекъ зрѣнія на законы мышленія, а разсмотрю только логическую послѣдовательность и вѣрность формулъ. Проф. Введенскій оба эти вида законовъ въ томъ же университетскомъ курсѣ опредѣляетъ такъ: „Подъ нормативными законами, или нормами разумѣются предписанія, назначенныя для руководства какой-либо нашей дѣятельностью... *Въ нормативныхъ законахъ* мы мыслимъ и то, чему слѣдуетъ быть, но чего можетъ и не быть, и такимъ образомъ не мыслимъ никакой [sic!] необходимости, или неизбѣжности. Поэтому все, что требуется нормативными законами, исполняется или не исполняется въ зависимости отъ нашего желанія; отъ насъ самихъ зависитъ, исполнять это или нѣтъ“. [Объ маркировки принадлежатъ проф. Введенскому. Послѣ этой цитаты приводится примѣръ] [2]). Если это такъ, и только законъ достаточнаго основанія, какъ думаетъ проф. Введенскій, всегда есть нормативный законъ: то во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ проф. Введенскій ошибается, не примѣнивъ достаточное основаніе, онъ „не имѣлъ желанія сдѣлать это примѣненіе“. Довольно странно было бы такое отсутствіе желанія примѣнять этотъ законъ въ лекціяхъ, читанныхъ съ университетской каѳедры, а равно и въ учебникѣ для гимназій! Я думаю, что проф. Введенскій врядъ ли приметъ это слѣдствіе, необходимо вытекающее изъ приведенныхъ выше его опредѣленій въ рѣшительной формѣ утвержденія [т. е. аподиктической: проф. Введенскій не любитъ иностранщины]. Слѣдовательно, его утвержденія невѣрны. „Законъ достаточнаго основанія“, какъ мы доказали? въ предыдущей главѣ, есть сложное

[1]) Универ. курс. стран. 380.

[2]) Тамъ же XIV гл. стран. 248 и 249.

методологическое правило, примѣненіе котораго зависитъ не столько отъ нашей воли, сколько отъ множества другихъ условій. Проф. Введенскій, считая этотъ законъ нормативнымъ и понимая это своеобразно и невѣрно, тѣмъ не менѣе въ обѣихъ своихъ логикахъ формулируетъ и этотъ законъ, какъ естественный законъ. Это было показано въ предыдущей главѣ въ §§ 13 и 15.

То же противорѣчіе мы видимъ и относительно закона противорѣчія: для мышленія онъ его считаетъ нормативнымъ, слѣдовательно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, (а такихъ очень много въ обѣихъ его логикахъ) когда проф. Введенскій въ своихъ разсужденіяхъ себѣ противорѣчитъ, у него „не было желанія“ избѣгнуть противорѣчія. Это тоже должно показаться очень куріознымъ, и врядъ ли проф. Введенскій согласится съ истинностью этого неизбѣжнаго вывода. Слѣдовательно невѣрно или его опредѣленіе нормативныхъ законовъ или же—утвержденіе, будто законъ противорѣчія—нормативный законъ.

§ 3. Теперь посмотримъ, какъ проф. Введенскій опредѣляетъ *естественные законы*, или законы природы. Въ той же главѣ и въ томъ же параграфѣ проф. Введенскій рѣшительно утверждаетъ слѣдующее, имъ же маркированное: „Въ законахъ же природы мыслится: 1) не то, чему слѣдовало бы быть, но то, что необходимо наступаетъ всегда и вездѣ [sic!] при извѣстныхъ условіяхъ; 2) слѣдовательно, все, что требуется закономъ природы, совершается само собой, [sic!] а не вслѣдствіе человѣческаго желанія“. [Маркировка—проф. Введенскаго. Послѣ этого приводится примѣръ][1]). Примѣнимъ теперь это опредѣленіе къ *закону противорѣчія* относительно „представленій“. Проф. Введенскій утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ законъ противорѣчія—естественный: „слѣдовательно все, что имъ требуется, совершается само собою, а не вслѣдствіе человѣческаго желанія“. Еслибъ это было вѣрно, то никто не могъ бы исправить своихъ ложныхъ и противорѣчивыхъ понятій и ложныхъ сужденій, основанныхъ на представленіяхъ. Правда, относительно пред-

[1]) Тамъ же, стран. 249.

ставленій противорѣчія бываютъ сравнительно рѣдко; но они все же бываютъ, напр. когда кто-нибудь умышленно лжетъ относительно своихъ представленій. Слѣдовательно, если у лжеца противорѣчіе „совершается само собою“, то лжецъ не отвѣтственъ за свою ложь. На самомъ дѣлѣ общеизвѣстно, что чаще лгутъ съ умысломъ, и что самъ лжецъ не вѣритъ въ свою ложь. Такъ же бываетъ противорѣчіе относительно представленій, когда мы прошлое вспоминаемъ не вполнѣ отчетливо. Такъ напр., вчера мнѣ представлялось, что моя знакомая въ концертѣ была въ коричневомъ платьѣ, а сегодня я ее отчетливо представляю себѣ въ платьѣ цвѣта „бордо“, провѣривъ свое воспоминаніе.

§ 4. А какъ дѣйствуетъ законъ противорѣчія относительно реальныхъ воспріятій? Проф. Введенскій объ этомъ забылъ сказать, или же онъ таковыя не считаетъ познаніемъ? Между тѣмъ и воспріятія, несомнѣнно, суть познанія, сопровождающіяся сужденіями[1]). Слѣдовательно и тутъ возможны ошибки и противорѣчія. Такъ напр., видѣнную мною въ степи мельницу возлѣ пруда я минуту тому назадъ считалъ реальнымъ предметомъ; а теперь я вспомнилъ, что на видѣнномъ мѣстѣ не имѣется ни пруда, ни мельницы: послѣ нѣкоторыхъ колебаній я соображаю, что мое „воспріятіе“ было миражемъ. Но незнающій существованія миражей не такъ легко распутаетъ данное противорѣчіе: его сомнѣнія, вызванныя противорѣчіемъ, могутъ продолжаться очень долго; но все же онъ постарается устранить противорѣчіе.

Такимъ образомъ оказывается, что отнесеніе проф. Введенскимъ закона противорѣчія на половину къ естественнымъ законамъ не выдерживаетъ критики. Впрочемъ, проф. Введенскій утверждаетъ это на стран. 380 и 381 своего университетскаго курса; а въ той же главѣ нѣсколькими страницами раньше онъ такъ формулируетъ и маркируетъ этотъ законъ: „нашъ умъ подчиняется слѣдующему закону: мы считаемъ невозможнымъ чтобы какой бы то ни былъ предметъ имѣлъ [sic!] и въ то же время, разсматриваемый въ томъ же отношеніи, не имѣлъ того же самаго признака, т. е. проти-

[1]) См. мое Практич. рук. по психол. гл. XVIII и XX.

тиворѣчіе мы считаемъ неосуществимымъ" [sic!] [1]).

§ 5. Изъ приведенной формулы очевидно, 1) что она не подходитъ подъ понятіе „нормативныхъ законовъ", въ которыхъ нѣчто „требуется" для мышленія. 2) Неизвѣстно, что́ проф. Введенскій разумѣетъ подъ „предметомъ"—предметъ мышленія или предметъ дѣйствительности („вещь въ себѣ" Канта?). Если—послѣднее, то его формула относится къ реальному бытію, и выражаетъ законъ метафизическій. 3) Невѣрно выраженіе „противорѣчіе мы считаемъ не осуществимымъ". Къ сожалѣнію, противорѣчіе слишкомъ часто осуществляется, и даже въ обѣихъ логикахъ проф. Введенскаго, какъ это мы уже видѣли много разъ и еще чаще увидимъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. 4) Изъ формулы проф. Введенскаго не видна и двойственная роль закона противорѣчія, эта формула представляетъ законъ противорѣчія т о л ь к о естественнымъ закономъ,—или всей дѣйствительности, или только психической: по двусмысленности слова „предметъ" намъ остается неизвѣстнымъ, что́ имѣетъ въ виду эта формула. 5) Эта формула безусловно примѣнима только къ неизмѣннымъ субстанціямъ и къ логическимъ общимъ понятіямъ; къ предметамъ и з м ѣ н я ю щ и м с я она примѣнима съ ограниченіемъ, а именно, относительно существенныхъ признаковъ. Это замѣчаніе не придумано мною впервые: оно имѣется уже въ учебникѣ логики проф. М. Троицкаго, напечатанномъ 24 года тому назадъ [2]). 6) Относительно измѣняющихся предметовъ слѣдуетъ пояснить понятіе „одного и того же времени": оно слишкомъ неопредѣленно, обозначая и десятки лѣтъ и одну секунду. Въ послѣднее время въ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ, даже по психологіи, отмѣчаютъ и тысячныя доли секунды. Это обстоятельство и я упустилъ изъ виду въ своемъ учебникѣ логики. Итакъ формула проф. Введенскаго противорѣчитъ его же опредѣленіямъ, даннымъ раньше; безъ оговорокъ она невѣрна.

[1]) Универс. курсъ, стран. 337. Въ „логикѣ для гимназій" приводится та же формулировка, только съ замѣной первыхъ словъ „нашъ умъ" словами „мышленіе" и „онъ". (Логика для гимназій § 132, стран. 4). Эта „поправка" гораздо менѣе вѣрна, чѣмъ поправленное, такъ какъ мышленіе есть дѣйствіе мыслящаго, и безъ него не существуетъ въ дѣйствительности.

[2]) М. Троицкій, учебн. лог. II кн. М. 1886 стран. 93, 4 строка снизу.

§ 6. По моему, въ элементарномъ курсѣ логики лучше не поднимать этихъ спорныхъ вопросовъ относительно причисленія логическихъ законовъ къ „естественнымъ законамъ“, а въ университетскомъ, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ выдавать его за безспорный и свои отвѣты представлять истинными, когда они не таковы [1]). Формулы слѣдуетъ давать по возможности краткія, но безъ ущерба ихъ точности. Относительно закона противорѣчія для учебника, я считаю лучшей слѣдующую: „Недопустимо то же самое утверждать и отрицать относительно того же“. Но и она нуждается въ поясненіяхъ относительно измѣняющихся предметовъ природы.

Въ этой формулѣ 1) пропущена прибавка Аристотеля „въ одномъ и томъ же отношеніи“, которую воспроизводитъ и проф. Введенскій. Эта прибавка излишня, такъ какъ выраженіе „утверждать то же самое“ уже включаетъ въ себѣ и понятіе „въ томъ же отношеніи“. 2) Во избѣжаніе двусмыслія Аристотелево выраженіе „невозможно“ замѣнено словомъ „недопустимо“: послѣднее именно относится только къ нормамъ; недопустимое не только возможно, но и бываетъ на дѣлѣ. 3) Двусмысленное слово „быть“ замѣнено словами „утверждать и отрицать“, которыя не оставляютъ сомнѣній, что дѣло идетъ о процессахъ мышленія, а не о фактахъ дѣйствительности, не о законѣ метафизическомъ [2]). 4) Пропущено и опредѣленіе времени „одновременно“. Дѣло въ томъ, что это выраженіе слишкомъ неопредѣленно: оно можетъ обозначать и одну тысячную долю секунды и десятокъ лѣтъ. Сверхъ того, этимъ опредѣленіемъ промежутка времени имѣется въ виду измѣнчивость реальныхъ предметовъ; а если таковой измѣнился, то онъ уже не вполнѣ „тотъ же самый“.

---

[1]) Я въ своемъ учебникѣ не возбуждаю сложнаго метафизическаго вопроса объ источникѣ основныхъ законовъ мышленія: коренятся ли эти законы въ организаціи человѣческаго духа или въ устройствѣ вселенной. Поэтому я передаю рядомъ съ логическимъ закономъ противорѣчія и краткую формулу Джевонса, которая допускаетъ и метафизическое толкованіе (таковая имѣется уже у Аристотеля). Но на приводимыхъ примѣрахъ я поясняю этотъ законъ какъ нормативный законъ мышленія, который можетъ быть и нарушенъ. См. мой учебникъ логики, 2 изд. § 21, (стран. 50 и 51).

[2]) См. выше II гл., § 2 и Aristoteles, Metaphys. III. 1005 b.

§ 7. *Законъ исключеннаго третьяго* проф. Введенскій въ томъ же параграфѣ формулируетъ такъ: „Каждое понятіе нашъ умъ можетъ ставить относительно другого только [sic] или въ утвердительное, или въ отрицательное отношеніе и не въ состояніи мыслить никакое третье отношеніе, которое замѣняло бы и то, и другое“ [1]). И эта формула не точна. 1) Невѣрно поставлено слово „только“: нашъ умъ можетъ между двумя понятіями устанавливать весьма разнообразныя отношенія, кромѣ „качества сужденій“, напр.,—отношенія: сходства, количества, причинной связи и другія. Правда, прибавка „и нельзя мыслить“ поясняетъ предыдущую мысль; но все же по одной этой формулѣ незнакомый съ дѣломъ не можетъ себѣ составить опредѣленнаго понятія объ этомъ законѣ, а именно, чѣмъ онъ отличается отъ закона противорѣчія. Въ послѣднемъ, вѣдь, тоже говорится о несовмѣстимости утвержденія и отрицанія относительно тѣхъ же терминовъ; а разъ эти два сужденія несовмѣстимы, то само собой разумѣется, что ихъ ничто не можетъ „замѣнить“. По моему, точнѣе, проще и яснѣе слѣдующая формула: „Нѣчто среднее между утвержденіемъ и отрицаніемъ предиката *P* по отношенію къ тому же субъекту *S* недопустимо“. Но и къ ней нужно присоединить объясненія относительно кажущихся исключеній изъ этого закона. Таковы, напр., трехчленныя раздѣлительныя сужденія, въ родѣ слѣдующихъ: „уголъ (или сторона) *a* больше, или меньше, или равна *b*“: „Климатъ бываетъ или жаркій, или холодный, или умѣренный“. Таковы, напр., сужденія, кажущіяся противорѣчивыми, вродѣ слѣдующаго: „онъ не пороченъ, но и не безъ пороковъ“ (=не непороченъ): слѣдовательно къ нему примѣнимо нѣчто среднее относительно „порочности“, т. е. иногда и онъ поддается пороку. Наконецъ, нѣкоторыя сужденія, прямо-таки не допускаютъ примѣненія къ нимъ закона исключеннаго третьяго: это—общія сужденія съ субъектомъ обозначающимъ цѣлый классъ, видъ или родъ, которому въ предикатѣ приписывается несущественный признакъ. Напр.: „нѣмецкая на-

[1]) Университетскій курсъ, стран. 374. Въ „Логикѣ для гимн.“ вмѣсто „нашъ умъ“ поставлено „мышленіе“; послѣднее менѣе удачно. (Стран. 94 и 95).

ція исповѣдуетъ лютеранскую религію". Въ этомъ случаѣ оба противорѣчащихъ сужденія будутъ невѣрны; а истиннымъ будетъ нѣчто среднее, а именно: часть нѣмецкой націи, т. е. нѣкоторые изъ нѣмцевъ исповѣдуютъ лютеранскую религію.

§ 8. Такъ же точно не примѣнимъ этотъ законъ къ тѣмъ сужденіямъ, въ которыхъ субъекту можетъ быть приписанъ предикатъ только относительно одной части своего содержанія. Напр.: „врачъ Б. или компетентенъ или некомпетентенъ въ медицинскихъ вопросахъ". Между тѣмъ онъ компетентенъ только въ части медицинскихъ вопросовъ, а именно—относящихся къ его спеціальности, да и въ этой, въ исключительныхъ случаяхъ, все же можетъ ошибиться.

Отъ невѣрнаго примѣненія закона исключеннаго третьяго можно получить и невѣрныя слѣдствія. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ. „Если Б. некомпетентенъ, то не за чѣмъ ему поручать экспертизу. Если же онъ компетентенъ, то онъ долженъ дать вѣрную экспертизу. Если же онъ все-таки не далъ таковой, то онъ поступилъ нечестно и подлежитъ наказанію". Послѣдній выводъ можетъ быть совершенно невѣрнымъ, такъ какъ разсужденіе исходитъ отъ невѣрнаго примѣненія закона исключеннаго третьяго. Наконецъ, не примѣнимъ этотъ законъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда *P* представляетъ собою терминъ, совершенно не сравнимый и не подходящій къ *S*.

Ни объ этихъ дѣйствительныхъ, ни о кажущихся исключеніяхъ проф. Введенскій не говоритъ ничего, хотя въ моемъ учебникѣ, появившемся годомъ раньше обѣихъ его логикъ, такіе примѣры приведены и разобраны. Въ учебникахъ другихъ авторовъ на эти исключенія тоже не обращено вниманія, но они напечатаны раньше моего учебника [1]).

§ 9. Важнѣйшій изъ всѣхъ законовъ мышленія—*законъ*

[1]) Въ университетскомъ курсѣ проф. Введенскаго въ той же XVIII главѣ, излагающей „Логическіе законы мышленія", черезъ нѣсколько страницъ послѣ приведенной формулы закона исключеннаго третьяго (стр. 380) утверждается авторомъ, что законъ противорѣчія иногда бываетъ нормативнымъ, а иногда естественнымъ, т. е. не нормативнымъ. Слѣдовательно и къ данному его утвержденію тоже не примѣнимъ безъ оговорокъ законъ исключеннаго третьяго. Однако проф. Введенскаго и это не побудило задуматься надъ своей формулой. Судя по его опредѣленію естественныхъ законовъ, законъ исключеннаго третьяго, вопреки категорическому утвержденію проф. Введенскаго, не принадлежитъ къ нимъ.

тожества проф. Введенскій излагаетъ послѣднимъ. Какъ мы увидимъ, онъ не понимаетъ важности этого закона. Проф. Введенскій формулируетъ его слѣдующими словами, имъ же маркированными: „мышленіе таково, что отожествляетъ съ самой собой всякую мысль (и понятіе и сужденіе), сколько бы разъ она ни повторялась, и въ связи съ какими бы мыслями ни встрѣчалась она въ нашемъ сознаніи“ [1]). Въ этой слишкомъ растянутой формулировкѣ проф. Введенскій остался вѣрнымъ своему мнѣнію, будто этотъ законъ—естественный; однако по таковому „все... совершается само собой, а не вслѣдствіе человѣческаго желанія“ [2]). Если это такъ, то „преднамѣренное пользованіе этимъ закономъ мышленія невозможно“: это—естественный законъ, въ силу котораго „необходимо наступаетъ всегда и вездѣ“ извѣстное дѣйствіе, какъ „причинное порожденіе одной мысли другою“. „А коль скоро этотъ естественный законъ говоритъ о причинной зависимости одной мысли отъ другой, то ему мѣсто не въ логикѣ, а въ ученіи о причинной зависимости однихъ душевныхъ переживаній отъ другихъ, т. е. въ психологіи“. Эта глава составляетъ „механическое соединеніе мыслей, умѣстныхъ“ у авторовъ различныхъ точекъ зрѣнія на логику. Слова моего возраженія, заключенныя въ ковычкахъ, принадлежатъ самому проф. Введенскому; они сказаны имъ въ его рецензіи Учебника логики проф. Челпанова по поводу закона достаточнаго основанія, подъ которымъ проф. Челпановъ разумѣетъ и причинную зависимость [3]). Проф. Введенскій осудилъ это; но самъ такъ же поступаетъ и относительно закона тожества, и закона исключеннаго третьяго, и на половину относительно закона противорѣчія, считая ихъ естественными законами, не зависящими отъ „человѣческаго желанія“. Какъ мы увидимъ въ слѣдующихъ главахъ, и его „достаточное основаніе“ заключаетъ въ себѣ причинную зависимость, и проф. Введенскій въ этомъ смѣ-

---

[1]) Университетскій курсъ, стран. 376. Въ „Логикѣ для гимн.“ дана та же формула, только съ замѣной слова „таково“ словами „подчинено такому закону“. См. § 137, стран. 97 и 98.

[2]) Ср. выше и его Универс. курсъ, стран. 249.

[3]) См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1908, іюнь, отд. „отзывы о книгахъ“, стран. 225.

шеніи несравненно больше виноватъ, чѣмъ кто-либо изъ составителей учебниковъ логики.

§ 9. Проф. Введенскій ставитъ въ укоръ проф. Челпанову слѣдующее его выраженіе: „законы мышленія не суть законы, которые мы должны примѣнять сознательно, преднамѣренно, а это—законы, которыми мы пользуемся безсознательно“ [1]). Это выраженіе профес. Челпанова нуждается только въ нѣкоторомъ ограниченіи: этими законами мы большей частью пользуемся безсознательно; но мы иногда можемъ ими пользоваться при нашемъ мышленіи и сознательно. При провѣркѣ какого-нибудь умозаключенія мы, несомнѣнно, сознаемъ нарушенія этихъ законовъ. Но въ общемъ проф. Челпановъ выдерживаетъ свою точку зрѣнія на основные законы мышленія, какъ на законы нормативные. Не то у проф. Введенскаго, который не только законы тожества, но и исключеннаго третьяго, а на половину и законъ противорѣчія считаетъ естественными законами. Тѣмъ не менѣе онъ ихъ помѣстилъ въ своей „Логикѣ для гимн.“, которую не считаетъ „частью психологіи, посвященною изученію мышленія“ [2]). Здѣсь имѣется очевидное противорѣчіе въ мышленіи проф. Введенскаго; а такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ, т. е. для мышленія, законъ противорѣчія считаетъ нормативнымъ закономъ, „исполненіе котораго, по его словамъ, зависитъ отъ насъ самихъ“: то выходитъ, что проф. Введенскій хотѣлъ себѣ противорѣчить или по крайней мѣрѣ не желалъ, чтобы у него не было противорѣчій. Къ сожалѣнію, при такомъ нарушеніи этого основного закона не можетъ получиться истина!

И въ самомъ дѣлѣ, невѣрно утвержденіе проф. Введенскаго, будто часть основныхъ законовъ мышленія—естественные законы. Если бы они были таковыми, то они не нарушались бы такъ часто. Ихъ нельзя считать естественными законами даже тогда, когда мышленіе, или же вѣрнѣе, мыслящіе руководятся ими безсознательно и безошибочно. *Различіе сознательной и безсознательной дѣятельности* отнюдь не состоитъ въ томъ, что послѣдняя есть результатъ законовъ естественныхъ, т. е. необходимой причинной связи. И та и

[1]) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1908. іюль, отд. отзывы о книгахъ, стран. 225.

[2]) „Логика для гимн.“ § 4, стран. 3.

другая дѣятельность принадлежитъ духу, который дѣйствуетъ по особымъ законамъ, между прочимъ и по закону цѣлесообразности, и по закону свободы воли, или самопроизвольности („автономности“). Этихъ законовъ нѣкоторые философы не знаютъ и по неосторожности отрицаютъ ихъ.

§ 10. Не трудно понять, какъ несообразно приписывать человѣческое мышленіе и истинное познаніе двумъ различнымъ началамъ. Дѣло въ томъ, что отъ повторенія и сложные мыслительные процессы, и вытекающія изъ нихъ истинныя познанія могутъ совершаться безсознательно. И геніальныя мысли, и великія открытія иногда появляются безъ вѣдома мыслящаго, какъ бы сами собой: даже самый тщательный и опытный психологъ-самонаблюдатель не можетъ дать себѣ отчета, почему появилась у него такая-то мысль. Однако только поверхностный мыслитель сочтетъ ее за дѣйствіе естественныхъ законовъ физіологіи, химіи, физики. Такъ напр., изучающій иностранный языкъ, въ началѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ грамматическихъ законахъ изучаемаго языка. Когда же онъ вполнѣ усвоилъ себѣ этотъ языкъ, то онъ на немъ говоритъ и мыслитъ, не сознавая этихъ законовъ. Неужели же въ этомъ случаѣ эти грамматическіе законы вслѣдствіе ихъ твердаго усвоенія перекочевали изъ области человѣческаго духа въ область мертвой матеріи, въ которой господствуютъ законы необходимости? А если тотъ же субъектъ станетъ преподавать своему сыну тотъ же иностранный языкъ и станетъ припоминать грамматическія правила (т. е. станетъ ихъ „сознавать“), то тогда его мышленіе возвратится отъ мозга въ его душу и вмѣсто того, чтобы быть въ подчиненіи у мертвой матеріи, опять вернется во власть духа? Такую несообразность врядъ ли кто станетъ отстаивать, кто серіозно подумаетъ объ этомъ. Вѣдь, въ такомъ случаѣ была бы совершенно непонятной тожественность личности мыслящаго: тогда была бы непонятной и самая память, которая сохраняетъ иныя впечатлѣнія на многіе десятки лѣтъ. Не слѣдуетъ забывать, что нашъ мозгъ обновляется быстрѣе всѣхъ тканей; а все тѣло, не исключая и костей, постоянно обновляется въ своихъ составныхъ частяхъ, какъ это уже давно признано физіологіей.

§ 11. То же, что при изученіи новаго языка, мы замѣчаемъ относительно каждой дѣятельности и относительно

мышленія. Привычные мыслительные процессы совершаются невольно и безсознательно. То же справедливо и относительно основныхъ законовъ мышленія. При простыхъ процессахъ они соблюдаются невольно и безъ ошибокъ. При болѣе сложныхъ и менѣе правильныхъ процессахъ случаются ошибки. До извѣстной степени *мы можемъ остерегаться ошибокъ*, мы можемъ заставить себя соблюдать эти основные законы мышленія и въ болѣе сложныхъ процессахъ, и на болѣе продолжительныхъ промежуткахъ времени. Но для этого недостаточно нашей доброй воли, какъ это думаетъ проф. Введенскій: для этого нужны еще и другія условія, а именно: 1) хорошая память, 2) навыкъ вникать въ смыслъ словъ и всякихъ символовъ мысли, 3) живое воображеніе, т. е. способность представлять себѣ наглядно единичный предметъ, подходящій подъ извѣстное общее понятіе. Безъ этихъ качествъ доброе намѣреніе не избавляетъ отъ ошибокъ и нарушеній основныхъ законовъ мышленія [1]).

§ 12. Но мы невольно свернули на психологію; а проф. Введенскій вслѣдъ за Гуссерлемъ мнѣ возразитъ, что *логикѣ нѣтъ дѣла до психологіи*; послѣдняя стремится изслѣдовать „естественные“ законы психическихъ переживаній на основаніи эмпирическихъ данныхъ. Логика же излагаетъ общеобязательные и вѣчные законы мышленія, которые не зависятъ отъ опыта. Откуда же явилась эта „вѣчность“ и общеобязательность логическихъ законовъ? Гуссерль отвѣтитъ, изъ метафизики. А какъ же тутъ быть скептикамъ, позитивистамъ и неокантіанцамъ, отвергающимъ метафизику? Да и не отвергающій ея въ правѣ задать вопросъ: откуда же философы-метафизики почерпнули свои „вѣчные и общеобязательные“ законы мышленія? Изъ своихъ разсужденій, изъ своего разума? Однако до этихъ разсужденій философы дошли только въ зрѣлые годы, послѣ очень продолжительнаго опыта, послѣ своего кропотливаго мышленія. До этого дошли только они, а не всѣ философы и подавно не всѣ люди. Указанныя затрудненія не разрѣшены и до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія неокантіанцевъ и послѣднія изслѣдованія по гносеологіи и логикѣ, напр., Шуппе, Гуссерля, Лосскаго. Одно только несомнѣнно, что этихъ

[1]) Сравнить изъ II гл. §§ 3—6.

затрудненій не можетъ разрѣшить эмпирическая психологія, и въ этомъ правъ Гуссерль; но и безъ психологіи не можетъ обойтись гносеологія и гносеологическая логика, что напрасно оспариваетъ тотъ же Гуссерль [1]).

§ 13. Эти спорные вопросы имѣютъ чисто теоретическое значеніе, а именно для гносеологіи и метафизики. Въ элементарномъ учебникѣ логики имъ совсѣмъ не мѣсто. Если въ этихъ вопросахъ еще не разобрались выдающіеся спеціалисты, то какъ въ нихъ могутъ разобраться учителя гимназій и гимназисты. Впрочемъ, разрѣшеніе этихъ спорныхъ вопросовъ и не важно для практическихъ цѣлей и для элементарнаго учебника логики. Таковой долженъ излагать, независимо отъ всякихъ метафизическихъ теорій, тѣ несомнѣнныя правила мышленія, соблюденіе которыхъ необходимо для достиженія истины, и притомъ безъ всякихъ внутреннихъ противорѣчій. А разрѣшеніе вопроса, кѣмъ эти правила установлены—природой ли, Богомъ, или философами —слѣдуетъ предоставить метафизикѣ.

Относительно закона тожества несомнѣнно, что онъ находится во внутренней связи съ вопросомъ психологіи объ узнаваніи и о памяти. Съ другой стороны онъ опирается и на метафизическіе законы объ единообразіи природы и вообще всей дѣйствительности и объ устойчивости субстанцій. Разрѣшенія этого вопроса не даютъ наши учебники, а только ихъ авторы путаются въ своихъ мнѣніяхъ относительно происхожденія и даже относительно формулировки этихъ законовъ.

Самая краткая и притомъ точная *формула закона тожества* слѣдующая: Одно и то же всегда должно мыслить одинаково, по крайней мѣрѣ относительно существенныхъ признаковъ.

§ 14. Кромѣ самой формулировки основныхъ законовъ мышленія, несомнѣнно, имѣетъ дидактическое значеніе и *мѣсто въ учебникѣ*, которое имъ отводится. Однако и въ этомъ отношеніи еще не достигнуто согласія между авторами. Одни излагаютъ ихъ въ самомъ началѣ логики, раньше ученія о

[1]) E. Huserl, Logische Untersuchungen, 1900, I. 7, 8, 59 и въ другихъ мѣстахъ. Эти вопросы будутъ мною подробно разсмотрѣны въ моемъ изслѣдованіи о познаніи, которое появится въ непродожительномъ времени.

понятіи и сужденіи (Кантъ, Бэнъ, Пащенко, Новицкій, Карповъ, Владиславлевъ, Свѣтилинъ въ послѣднихъ изданіяхъ, Струве); другіе излагаютъ ихъ непосредственно передъ ученіемъ объ умозаключеніяхъ и силлогизмахъ, но послѣ ученія о понятіи и сужденіи (Ибервегъ, Вундтъ, Джевонсъ, Челпановъ). Наконецъ, проф. Введенскій (въ университетскомъ курсѣ) разсматриваетъ ихъ послѣ силлогизмовъ въ самомъ концѣ учебника; въ „Логикѣ для гимназій“ проф. Введенскій отвелъ имъ IX главу, т. е. послѣ силлогизмовъ, но передъ методологіей и матеріальной индукціей. Это *мѣсто—послѣ силлогизмовъ—не можетъ быть оправдано* никакими соображеніями. Если въ задачу логики входитъ „объяснять ея правила законами мышленія“, какъ то утверждаетъ проф. Введенскій (въ § 1. I-й главы своей „Логики для гимназій“); то очевидно, онъ не могъ „объяснять“ этими законами ни одного правила, изложеннаго раньше ученія объ этихъ законахъ; „авторъ не пользуется ими ни для того, чтобы примѣнить ихъ къ объясненію сказаннаго о сужденіяхъ и понятіяхъ, ни для того, чтобы опираться на нихъ при изложеніи ученія объ умозаключеніяхъ. Невольно ученики должны подумать, что ученіе о законахъ мышленія составляетъ излишній балластъ въ логикѣ. Ученіе объ этихъ законахъ остается чисто механическимъ придаткомъ къ учебнику“. Слова, заключенныя въ кавычкахъ, принадлежатъ самому проф. Введенскому; они сказаны имъ въ его рецензіи учебника проф. Челпанова [1]). Допустимъ, что сказанное проф. Введенскимъ по адресу критикуемаго имъ учебника даже вѣрно: однако и въ такомъ случаѣ, послѣ изложенія ученія о законахъ мышленія, хорошіе ученики или преподаватель сами имѣютъ возможность догадаться и усмотрѣть въ правилахъ объ умозаключеніяхъ примѣненіе къ нимъ изложеннаго раньше ученія. Между тѣмъ это совершенно невозможно при порядкѣ, принятомъ проф. Введенскимъ. Этотъ строгій критикъ приводитъ лишь слѣдующее оправданіе своего порядка въ логикѣ: „отъ этого, говоритъ проф. Введенскій, имъ [т. е. другимъ авторамъ] трудно правильно формулировать эти законы [подразумѣвается—основные законы мышленія]: еще не хватаетъ матеріалу для этого [по-

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1908, іюнь, стран. 225.

ясняетъ проф. Введенскій]. Оттого не рѣдкость, [продолжаетъ онъ] встрѣтить въ учебникахъ логики *ошибочныя формулы этихъ законовъ*". Послѣ этихъ словъ проф. Введенскій сейчасъ же приводитъ нѣсколько формулъ, которыя будто бы „ошибочны" [1]). Насколько правильны формулы самого проф. Введенскаго, мы уже видѣли выше; такихъ расплывчатыхъ формулъ я не встрѣчалъ ни въ одномъ учебникѣ. Теперь разсмотримъ тѣ формулы другихъ учебниковъ, которыя проф. Введенскій относитъ къ „ошибочнымъ".

§ 15. Первый примѣръ. „Очень часто, говоритъ проф. Введенскій, такъ редактируется законъ противорѣчія и законъ тожества, что между ними не выходитъ никакой разницы, кромѣ чисто словесной, вслѣдствіе чего нѣкоторые авторы утверждаютъ, будто одинъ изъ этихъ законовъ составляетъ простое слѣдствіе другого, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, при чемъ одни авторы основнымъ закономъ считаютъ законъ тожества, другіе же наоборотъ, законъ противорѣчія, разсматривая законъ тожества, какъ слѣдствіе закона противорѣчія". [Конецъ абзаца; я не измѣняю въ цитатахъ ни стиля, ни орѳографіи, ни знаковъ препинанія]. Если проф. Введенскій видитъ эту „ошибочность" формулировки въ томъ, что между этими двумя законами получается только „словесная разница": то въ этой „ошибкѣ" повиненъ прежде всего Аристотель, отецъ логики, открывшій и силлогизмъ и впервые формулировавшій эти законы мышленія. Въ вопросахъ логики нельзя такъ пренебрежительно и поверхностно относиться къ мнѣніямъ Аристотеля, авторитетъ котораго до Бэкона Веруламскаго, т. е. въ теченіе 18 вѣковъ былъ непоколебимъ; а за эти 18 вѣковъ нарождались и проницательные мыслители, которые по логичности мышленія не уступали проф. Введенскому. Да и относительно Аристотеля я осмѣливаюсь высказать свое мнѣніе, что онъ по вопросамъ логики былъ нѣсколько проницательнѣе проф. Введенскаго, хотя и не былъ знакомъ съ философіей Канта и съ произведеніями проф. Введенскаго. Впрочемъ, и помимо авторитета Аристотеля, не трудно разобраться въ этомъ вопросѣ. Если законъ противорѣчія формулировать такъ, какъ это дѣлается многими, т. е., что „*A*

[1]) Универс. курсъ логики, стран. 377.

не можетъ быть non—*A*“: то эта формула представляетъ простое превращеніе (obversio) формулы закона тожества „А есть А“, которая по смыслу утверждаетъ то же. Слѣдовательно здѣсь имѣется только словесное различіе. Такъ-же понималъ эти формулы и Кантъ, что могло бы быть извѣстнымъ нашему русскому кантіанцу проф. Введенскому. Впрочемъ, и наши русскіе авторы—Новицкій, Надеждинъ, Михневичъ такъ же смотрѣли на эти формулы. Объ этомъ 24 года тому назадъ ясно писалъ и извѣстный проф. М. Троицкій въ своемъ „Учебникѣ логики“, который уже никакъ не слѣдуетъ игнорировать составителю „новой логики“ [1]).

§ 16. Въ виду тожества смысла приведенныхъ формулъ большинство авторовъ старается придать закону противорѣчія особый смыслъ, чтобы оправдать его особое названіе и изложеніе этого закона. Поэтому Джонъ Стюартъ Милль формулируетъ его такъ: „одно изъ двухъ противныхъ сужденій должно быть ложно“. Эту формулу одобряетъ проф. М. Троицкій, слегка видоизмѣняя ее, а именно: „Предложенія противныя (А и Е) исключаютъ другъ друга, не исключая истинности средины между ними“. Это положеніе совсѣмъ не то, которое даетъ формула Аристотеля; въ ней утверждается только несовмѣстимость двухъ противоположныхъ сужденій. Формулу Аристотеля воспроизводитъ Зигвартъ, а именно: Сужденія „А есть В“ и „А не есть В“ не могутъ быть оба истинными. Но и эта формула, въ сущности, вытекаетъ изъ закона тожества, если онъ данъ въ общей формулировкѣ, что „одно и то же всегда должно мыслить одинаково относительно существенныхъ признаковъ“. Если я мыслю *A* въ отношеніи *B*, какъ истину: то всегда долженъ такъ-же мыслить это сужденіе: слѣдовательно мышленіе *A* безъ этого отношенія къ *B* будетъ инымъ актомъ мышленія, и законъ тожества будетъ нарушенъ. Эта формула Зигварта, какъ самостоятельнаго закона, можетъ имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, когда у меня одновременно возникаютъ оба сужденія, и я не знаю, которое изъ этихъ противорѣчащихъ сужденій истинно. Тогда этотъ законъ напоминаетъ мнѣ о необходимости провѣрить одну изъ этихъ альтернативъ, удобнѣе утвердительное сужденіе. Если оно

[1]) *М. Троицкій*, Учебникъ Логики, кн. II. М. 1886, стран. 91.

оказалось истиннымъ, то само собой отпадаетъ противорѣчащее ему отрицательное сужденіе. Впрочемъ, возникновеніе одновременно двухъ противорѣчащихъ сужденій, когда они ясно выражены, всегда сознается нами какъ несовмѣстимое: мы испытываемъ тогда колебаніе въ выборѣ одного изъ нихъ; насъ мучатъ сомнѣнія, отъ которыхъ всякій стремится избавиться. Однако этой поправки я не нашелъ ни у Зигварта, ни у проф. М. Троицкаго, ни у проф. Введенскаго. Такимъ образомъ Аристотель оказывается послѣдовательнѣе всѣхъ логиковъ новаго времени, которые пытались его поправить, выставляя законъ тожества за особый законъ отъ закона противорѣчія. Въ учебникѣ неудобно идти на перекоръ традиціи; но все же можно отмѣтить тотъ же смыслъ обѣихъ формулъ; а ужъ возставать противъ этого, въ особенности въ учебникѣ, совсѣмъ неумѣстно.

§ 17. Совсѣмъ ужъ нелогично возставать противъ этого отожествленія тому, кто самъ даетъ такія двѣ формулы, которыя представляютъ только „словесную разницу“. А это именно дѣлаетъ самъ проф. Введенскій. Законъ тожества онъ формулируетъ пятью строками раньше своей критики такими словами: „мышленіе отожествляетъ съ самой собой всякую мысль“ (что далеко не всегда вѣрно). А законъ противорѣчія четырьмя страницами раньше проф. Введенскій формулируетъ такъ: „мы считаемъ невозмнымъ, чтобы какой бы то ни было предметъ имѣлъ и въ то же время... не имѣлъ того же самаго признака“. Если мышленіе отожествляетъ всякую мысль съ самой собой“, т. е. если оно предметъ А всегда мыслитъ съ его признакомъ *а*, то этотъ актъ, согласно формулѣ проф. Введенскаго, остается такимъ же; слѣдовательно мышленіе *А* безъ его признака *а* было бы уже инымъ, т. е. законъ тожества былъ бы нарушенъ. Такимъ образомъ и по формуламъ проф. Введенскаго противорѣчіе оказывается нарушеніемъ закона тожества. Однако тутъ возникаетъ новое затрудненіе. По мнѣнію проф. Введенскаго, законъ тожества—естественный законъ: слѣдовательно онъ „никогда не нарушается“. Въ такомъ случаѣ не должно происходить и противорѣчій. Однако относительно мышленія проф. Введенскій допускаетъ возможность противорѣчій, считая въ этой области законъ противорѣчія нормативнымъ.

Итакъ проф. Введенскій и въ теоріи, и на практикѣ воспроизводитъ то же, что самъ критикуетъ.

§ 18. Далѣе, проф. Введенскій отмѣчаетъ слѣдующую „ошибочную“ формулу, говоря: „Чаще же всего подъ именемъ логическихъ законовъ мышленія подносятся святыя, по своей неоспоримости, истины, но такія которыми никакъ не объяснить умозаключеній. Напримѣръ, часто законъ противорѣчія формулируется такъ: „ничто не можетъ сразу быть и не быть“[1]). Эта формула употреблялась еще Декартомъ, а затѣмъ Вольфомъ: „Fieri non potest, ut idem simul sit et non sit“. Но ея первое появленіе имѣется у Аристотеля, который ее употребляетъ въ своей метафизикѣ [2]). Она имѣетъ тотъ недостатокъ, что она примѣнима и къ реальному бытію, а не только къ мышленію. Ошибочной ее нельзя считать, тѣмъ болѣе, что законы тожества и противорѣчія сами опираются на метафизическій законъ тожества субстанцій и на законъ единообразія природы. Разумѣется, это метафизическое обоснованіе можно пропустить въ элементарномъ учебникѣ логики: но выше приведенная формула весьма удобна уже по свой краткости и точности. При надлежащемъ ея поясненіи ученикъ, не знакомый съ метафизикой и ея тонкостями, не собьется въ сторону метафизики и реальнаго бытія. Впрочемъ, проф. Введенскій законъ противорѣчія считаетъ „естественнымъ закономъ“ относительно представленій: слѣдовательно въ этомъ случаѣ имѣется въ виду реальное бытіе, а не логическое мышленіе. Итакъ проф. Введенскій считаетъ „ошибочной“ ту формулу, которая имѣетъ несравненно меньше недостатковъ, и больше достоинствъ, чѣмъ его формула.

§ 19. На той же страницѣ съ красной строки проф. Введенскій говоритъ слѣдующее: „Въ этомъ отношеніи особенно повезло закону тожества, который формулируютъ различными способами въ родѣ слѣдующихъ: „всякая вещь тожественна сама съ собой: или A есть A; $A=A$; или „всякое понятіе можетъ служить своимъ сказуемымъ“ (omne subjectum est praedicatum sui); или „все, что есть, есть“ и т. д. Все это неоспоримыя истины, замѣчаетъ проф. Введенскій; но къ чему о нихъ упоминать въ логикѣ? Вѣдь онѣ

[1]) Универ. курсъ, стран. 377.

[2]) Aristoteles, Metaphys. III lib. B. 2, 996 b, 25—30.

нисколько не объясняютъ правилъ умозаключеній" [Конецъ абзаца]. Въ этомъ замѣчаніи многое невѣрно:

1) Будто эти истины „нисколько" не объясняютъ правилъ умозаключеній. Такъ напр., схема *A* есть *A* должна означать тожественное пониманіе и употребленіе того же термина. Если это требованіе относительно одного термина въ силлогизмѣ не будетъ соблюдено, то получится невѣрное заключеніе, ошибка quaternio terminorum.

Въ приведенныхъ формулахъ и схемахъ важно то, что подъ ними мыслится, т. е. законъ тожества; а выраженіе его является условнымъ; такая условность существуетъ во многихъ наукахъ, кромѣ логики.

2) Правда, этими истинами не объясняются всѣ правила умозаключеній; но таковыя вообще не объяснимы одними основными законами мышленія, что ошибочно предполагаетъ проф. Введенскій. Правила силлогизма, какъ это было отмѣчено выше, обусловливаются и самымъ понятіемъ силлогизма и аксіомой „dictum de omni et nullo". Правда, послѣднюю можно свести къ закону тожества: но этого еще не дѣлаютъ до сихъ поръ. Однако и въ такомъ случаѣ, все же удобнѣе удержать ее какъ особую „аксіому", или вѣрнѣе, какъ особое правило. Вѣдь, и въ геометріи существуютъ особыя теоремы, которыя тоже вытекаютъ изъ аксіомъ и опредѣленій.

3) Значеніе основныхъ законовъ мышленія отнюдь не исчерпывается только „объясненіемъ ими правилъ умозаключеній": эти законы должны быть соблюдаемы при всѣхъ познавательныхъ процессахъ: и при матеріальной индукціи, и при аналогіяхъ, и при гипотезахъ, и въ методологіи вообще.

4) Самъ проф. Введенскій, изложившій законы мышленія послѣ умозаключеній, а въ университетскомъ курсѣ въ самомъ концѣ логики, очевидно, не имѣлъ возможности примѣнять въ своей логикѣ данныя имъ самимъ формулы.

5) Критикуемыя имъ формулы и схемы составляютъ неоспоримыя истины, что признаетъ и самъ критикъ. Между тѣмъ того же нельзя утверждать о формулахъ самого критика, какъ это было доказано выше.

§ 20. Наконецъ, заключительный абзацъ проф. Введенскимъ въ его университетскомъ курсѣ излагается слѣдующими словами [я его ради куріозности выписываю цѣликомъ]

„Ко всему этому присоединяется, что изъ ученія о логическихъ законахъ не дѣлаютъ никакого дальнѣйшаго употребленія даже и въ ученіи объ умозаключеніяхъ, а какъ бы забываютъ о немъ въ дальнѣйшемъ изложеніи". [Проф. Введенскій не забылъ этого, а сдѣлалъ съ умысломъ, помѣстивъ эти законы въ концѣ]. „Да при такихъ формулахъ, продолжаетъ проф. Введенскій, и не сдѣлаешь изъ нихъ никакого [sic!] употребленія. Отъ всего этого читатель сразу выноситъ подозрѣніе, что логика больше всего занимается излишнимъ пустомельствомъ [марк. моя], особенно, если авторы подобныхъ формулъ, оставляемыхъ безъ всякаго дальнѣйшаго употребленія, клянутся въ огромномъ образовательномъ и утилитарномъ значеніи логики. [Я это замѣтилъ только въ университетскомъ курсѣ проф. Введенскаго [1])]. Нѣкоторые же логики, напр. Минто, подмѣтивъ все это, стали прямо пропускать [?] ученіе о логическихъ законахъ мышленія. [Я таковыхъ не встрѣчалъ]. Но безъ него нельзя отвѣтить на тѣ вопросы, ради которыхъ мы излагаемъ его" [2]). [Конецъ абзаца и параграфа]. Этихъ отвѣтовъ и проф. Введенскій не даетъ, хотя въ началѣ относительно таковыхъ возбуждаетъ ожиданія читателя. Я воздерживаюсь отъ сужденія объ этомъ абзацѣ: его можетъ сдѣлать каждый читатель. Я отмѣчу только грубую и необъяснимую ошибку въ передачѣ фактовъ. Чтобы кто-нибудь изъ новѣйшихъ логиковъ послѣ Канта совсѣмъ пропустилъ „ученіе о логическихъ законахъ мышленія", уже a priori мало вѣроятно. Поэтому подобную „догадку" слѣдовало провѣрить проф. Введенскому. Между тѣмъ онъ клеплетъ на Минто. Въ логикѣ этого почтеннѣйшаго ученаго, переведенной и на русскій языкъ и нѣсколько разъ изданной, имѣется особая глава объ этомъ ученіи, изложенная на 15-ти страницахъ [3]). Какъ могъ этого не замѣтить почтенный проф., я не берусь объяснять. Правда, эта глава носитъ иное заглавіе, чѣмъ у проф. Введенскаго и въ другихъ логикахъ, а именно: „Аксіомы діалектики и силлогизма"; но я не могу допустить, чтобы проф. Введенскій,

[1]) Университетскій курсъ I гл. §§ 3 и 5, стран. 4—19.

[2]) Тамъ-же, стран.: 377 и 370.

[3]) Минто, Дедукт. и инд. логика, перев. подъ ред. В. Н. Ивановскаго, М. 1901. Введ. III. Стран. 36—50.

преподающій философію почти три десятка лѣтъ, не зналъ, что Аристотель и вслѣдъ за нимъ многіе другіе, даже изъ новѣйшихъ авторовъ, употребляютъ въ этомъ случаѣ терминъ „аксіома“. Впрочемъ, въ самой этой главѣ уже черезъ десять строкъ послѣ заголовка употребляются новѣйшіе термины: законъ тожества, законъ противорѣчія, законъ исключеннаго третьяго“ [1]).

§ 21. Остальные примѣры „ошибокъ“ проф. Введенскимъ изложены такъ неопредѣленно и неясно, что становится сомнительнымъ, чтобы они были въ учебникахъ въ томъ видѣ, какъ ихъ передаетъ критикъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ отыскать нельзя, такъ какъ проф. Введенскій ссылокъ на сочиненія не дѣлаетъ и цитатъ никакихъ не приводитъ, даже въ своемъ университетскомъ курсѣ; въ немъ онъ только изрѣдка упоминаетъ имена, когда прибѣгаетъ къ своимъ критическимъ пріемамъ, въ родѣ приведенныхъ относительно Минто и проф. Челпанова.

---

[1]) Минто, цитир. соч., стран. 37.

IV. Первыя предпосылки наукъ:

истины очевидныя, аксіомы геометріи, законъ причинности.

§ 1. Послѣ большихъ и несбыточныхъ ожиданій всегда наступаетъ разочарованіе; то же бываетъ и послѣ слишкомъ смѣлыхъ попытокъ разрѣшить какую-нибудь трудную задачу, которая не по силамъ человѣку въ данное время, при данныхъ условіяхъ и знаніяхъ. Поэтому и въ философіи неоднократно наступало такое разочарованіе. Но такъ какъ пытливый умъ всегда склоненъ перешагнуть за предѣлы золотой средины: то и философское разочарованіе ударялось въ крайность. Мыслители, недостаточно глубокіе, теряли вѣру не только въ возможность разрѣшить трудныя проблемы философіи, но и въ возможность достовѣрнаго и общеобязательнаго знанія вообще. Такъ, въ теченіе 25-и вѣковъ развитія философіи неоднократно возникалъ и философскій скептицизмъ. Впервые онъ возникъ въ Аѳинахъ въ вѣкъ популяризаціи просвѣщенія, незадолго до Сократа,—въ такъ называемой софистикѣ. Протагоръ и Горгій, подготовленные діалектикой элейца Зенона, выступили первыми глашатаями философскаго скептицизма, отрицавшаго общеобязательность знанія, его объективность и безусловную истинность. Но софистика еще не знала логики, да и не нуждалась въ ней; взамѣнъ логики, у софистовъ примѣнялась эристика, т. е. искусство спорить, такъ чтобы противникъ казался побѣжденнымъ. Воззрѣнія софистовъ на истину побаривались Сократомъ, Платономъ и, наконецъ,—Аристотелемъ; послѣдній, какъ извѣстно, опровергъ всѣ софистическія уловки и умозаключенія и впервые написалъ логику, къ которой весьма немногое было прибавлено въ теченіе 23-хъ вѣковъ.

§ 2. Тѣмъ не менѣе скепсисъ возобновлялся и впо-

слѣдствіи,—сперва въ школѣ скептиковъ, основанной Пирономъ, современникомъ Александра Великаго, а затѣмъ—въ Средней и Новой Академіи. Потомъ онъ возобновлялся еще два раза и въ новѣйшее время, сперва въ лицѣ Монтэня, а а затѣмъ—Юмомъ, Кантомъ и Ог. Контомъ. Скепсисъ пирроновцевъ, въ особенности въ лицѣ Энисидема, имѣлъ скорѣе методологическій характеръ преувеличенной осторожности, чѣмъ отрицаніе объективной истины. Пирроновцы направляли свои возраженія, главнымъ образомъ, противъ философовъ-догматиковъ, которые утверждали, будто они уже нашли истину въ философіи, а именно: противъ послѣдователей Платона, Аристотеля, Эпикура и стоиковъ [1]). Ихъ цѣлью было воздержаніе отъ рѣшительныхъ сужденій (подразумѣвается—относительно философскихъ доктринъ и положеній) и свобода отъ заблужденій [2]). Пирроновцы-скептики не отвергали истинности воспріятій, явленій природы и сознанія, т. е. внутренняго и внѣшняго опыта, или какъ они выражались,—„вынужденныхъ состояній души“. Они же, какъ и Кантъ, не отвергали и ноуменовъ, т. е. „вещей въ себѣ“ Канта; они только воздерживались отъ всякихъ рѣшительныхъ сужденій о нихъ [3]). Мало того, они не отвергали практическихъ занятій, искусствъ, отечественныхъ обычаевъ, законовъ, установленій религіозныхъ (благочестія) [4]). Они не отвергали ни естествознанія, ни фактовъ мышленія, и вообще тѣхъ знаній, на которыхъ основаны практическія занятія (напр. медицина). Цѣль скептицизма ясно формулирована Секстомъ Эмпирикомъ въ заключительной главѣ III книги цитированнаго выше сочиненія, а именно: „Такъ какъ скептикъ человѣколюбивъ, то онъ посредствомъ разсужденій старается по возможности вылѣчить самомнѣніе и поспѣшность философовъ-догматиковъ... Исходя отъ сомнѣнія, онъ не стѣсняется дѣлать возраженія и болѣе основательныя и менѣе основательныя (смотря по заблужденіямъ философовъ); и это дѣлается преднамѣренно, поскольку послѣднія ему кажутся достаточными

---

[1]) Sextus Empiricus. Pyrrhon. hypot. I. 1.
[2]) Ibid. I. 4 и 12.
[3]) Ibid. I, 7 и 9.
[4]) Ibid. I. 8, 9 и 11.

для достиженія его цѣли“ [1]). Изъ этого объясненія самаго достовѣрнаго источника скептической философіи ясно видно, что не всѣ скептическія возраженія представляютъ собою положительныя убѣжденія скептиковъ, и что многія изъ ихъ возраженій дѣлались съ чисто полемической и дидактической цѣлью,—чтобы сбить чрезмѣрную увѣренность догматиковъ противопоставленіемъ ихъ положеніямъ противорѣчащихъ, которыя „съ одинаковой силой“ и доказательностью могутъ быть выставлены.

§ 3. Возраженія скептиковъ неоднократно опровергались въ теченіе вѣковъ, въ особенности—ихъ требованіе доказательствъ тамъ, гдѣ они не нужны; но нѣкоторыя изъ ихъ возраженій, напр. относительно фикцій геометріи, остались въ силѣ и по сей день. Таковы, напр., ихъ возраженія относительно математической точки и линіи [2]). Скептики были очень глубокіе и послѣдовательные мыслители—они не чета софистамъ—они не отвергали истинности явленій—какъ внѣшняго, такъ и внутренняго опыта, ни очевидныхъ истинъ—аксіомъ геометріи и основныхъ законовъ мышленія. Законъ противорѣчія у нихъ—ultima ratio: поэтому reductio ad absurdum ихъ любимый пріемъ. И изъ новѣйшихъ скептиковъ никто не сомнѣвался въ истинахъ очевидныхъ, въ частности въ аксіомахъ геометріи. Только проф. Введенскій въ своей новой логикѣ усомнился въ нихъ и тѣмъ превзошелъ всѣхъ скептиковъ, и не только въ вопросахъ метафизики, но и въ основныхъ вопросахъ знанія, безъ котораго никто не можетъ обойтись, и не обходится.

§ 4. Прóф. Введенскій лишь изрѣдка и какъ бы вынужденно говоритъ объ истинѣ и истинномъ знаніи. Какъ мы видѣли, его первый параграфъ „Логики для гимназій“, опредѣляющій цѣль и задачи логики, не содержитъ въ себѣ этихъ понятій. И въ § 2 его новой логики говорится о „провѣркѣ мыслей“; и только въ послѣдней строкѣ проскользнуло слово „истинность“ [3]). Что такое истина, какъ ее понимаетъ самъ авторъ, что онъ считаетъ критеріемъ истины, нигдѣ не говорится ни въ его университетскомъ курсѣ,

[1]) Ibid. III. 32.

[2]) Sextus Empiricus (ed Lipsiae 1718), Contra mathematicos, lib. Adversus geometras, 22—24, 29—40, pag. 314—317.

[3]) См.: гл. I. § 13 настоящаго изслѣдованія.

ни въ его новой логикѣ для гимназій. Между тѣмъ безъ понятія „истины“ не имѣютъ смысла понятія „провѣрка“ и „знаніе“, т. е. настоящее значіе, а не кажущееся. Правда, вопросъ, что такое истина, различно опредѣляется у разныхъ философовъ; но въ положительныхъ наукахъ прочно установились два критерія истины, которые приведены въ моемъ учебникѣ логики [1]). Эти опредѣленія истины должны входить въ логику, если она вообще признаетъ существованіе объективной истины и таковую считаетъ цѣлью научнаго знанія и логической провѣрки знаній. Правда, въ обѣихъ логикахъ проф. Введенскаго нигдѣ не сказано, что цѣлью знанія и „провѣрки“ есть достиженіе истины: но если таковой цѣли не имѣется въ виду, или истина не достижима для человѣка, то тогда не за чѣмъ писать логику. Настоящіе скептики этимъ и не занмались.

§ 5. Проф. Введенскій, какъ мы видѣли, считаетъ логику „наукой о правильномъ мышленіи“, а подъ этимъ онъ разумѣетъ „мышленіе пригодное для расширенія знанія“. Слѣдовательно въ этомъ расширеніи знанія, по словамъ новой логики, состоитъ правильность мышленія и вмѣстѣ съ нимъ цѣль логики, а не въ его истинности. Но знаніе, какъ извѣстно, бываетъ различной достовѣрности и цѣнности: оно можетъ быть несомнѣннымъ, истиннымъ или только вѣроятнымъ и наконецъ—невѣроятнымъ или даже ложнымъ. Въ расширеніи ложнаго знанія врядъ ли кто-нибудь заинтересованъ, кромѣ людей злонамѣренныхъ и нечестныхъ, имѣющихъ въ виду только свои личные интересы; врядъ ли авторъ новой логики имѣлъ въ виду ложное или недостовѣрное знаніе. Однако изъ его логики это отнюдь не вытекаетъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Какъ извѣстно, всѣ теоремы геометріи доказываются при помощи опредѣленій и аксіомъ; отъ истинности послѣднихъ зависитъ истинность всей геометріи; а кто не признаетъ аксіомы за истины несомнѣнныя, тотъ этимъ самымъ подрываетъ вѣру въ достовѣрность всей геометріи. Такъ же точно всѣ естественныя науки основаны на истинности закона причинности (или по крайней мѣрѣ—единообразія природы). Кто же не признаетъ истинности этого закона, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ вѣру въ истинность всѣхъ естественныхъ наукъ. Проф. Введенскій

[1]) И. С. Проданъ. Учебникъ логики, § 1.

въ своей новой „Логикѣ для гимназій“ дѣлаетъ и то и другое. Правда, въ главахъ VI и XIV своей новой логики онъ касается первыхъ предпосылокъ наукъ, т. е. аксіомъ геометріи, истинъ очевидныхъ и закона причинности; но о нихъ онъ говоритъ, что онѣ „носятъ названіе“ „истинъ непосредственно очевидныхъ“ или „самоочевидныхъ“; на самомъ дѣлѣ, по мнѣнію проф. Введенскаго, онѣ не таковы: онъ неоднократно старается даже доказать это въ своей новой логикѣ! [1])

§ 6. Мы сперва остановимся на VI главѣ, носящей слѣдующій заголовокъ: „Доказательства, несоединенныя съ установкой данныхъ опыта, или чисто раціональныхъ наукъ“ [2]). Въ этой главѣ, начиная съ § 64 по 71 включительно, авторъ новой логики на 6½ стр. излагаетъ и пытается доказать свои скептическіе взгляды относительно аксіомъ геометріи. Нѣкоторыя мѣста, характеризующія его скептицизмъ, я выпишу дословно, безъ всякихъ пропусковъ, съ соблюденіемъ маркировокъ проф. Введенскаго и его орѳографіи. „§ 66. Всматриваясь во всѣ знакомыя намъ раціональныя части знанія (въ геометрію, алгебру, раціональныя части физики и т. п.), мы найдемъ (какъ мы сейчасъ же покажемъ), что послѣдними или высшими основаніями всегда служатъ два рода общихъ сужденій: во-первыхъ, опредѣленія понятій, надъ которыми работаетъ данная наука; во-вторыхъ, высшія основанія, несводимыя къ опредѣленіямъ, т. е. такія общія сужденія, которыя нельзя доказать, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, пользуясь для ихъ доказательства, какъ основаніями, одними лишь опредѣленіями, такъ что данной чисто-раціональной наукѣ, или же раціональной части эмпирической науки, приходится допускать [sic!] эти общія сужденія въ видѣ высшихъ основаній безъ всякихъ доказательствъ со стороны ея самой. Вѣдь ясно, [sic!] что если-бы и можно было доказать эти сужденія безъ установки данныхъ опыта, то только одними опредѣленіями [sic!]; но этимъ путемъ ихъ не удается доказать; слѣдовательно, пока данная раціональная наука (или

[1]) Нов. Лог. гл. VI и XIV.

[2]) Заголовокъ не соотвѣтствуетъ излагаемому: даже геометрическія теоремы не обходятся безъ данныхъ опыта въ видѣ чертежей и конкретныхъ обозначеній точекъ, линій, угловъ фигуръ.

раціональная часть эмпирической науки) остается чисто-раціональной, ей приходится допускать ихъ въ видѣ основаній уже безъ всякихъ доказательствъ съ ея стороны". [Конецъ § 66]. Итакъ въ одномъ параграфѣ, состоящемъ изъ 17 строкъ, четыре раза приводится та же мысль о недоказанности (или недоказуемости въ настоящее время) высшихъ основаній, которыя „приходится" только „допускать въ видѣ основаній".

§ 7. Въ § 68 та же мысль повторяется еще пять разъ на половинѣ страницы, примѣнительно къ аксіомамъ геометріи и раціональной части физики. Повторенія этой излюбленной мысли продолжаются и въ §§ 69, 70 и 71. Въ § 69 авторъ новой логики вполнѣ опредѣленно высказываетъ свой скептицизмъ относительно аксіомъ геометріи въ слѣдующихъ словахъ: „съ перваго взгляда кажется [sic!], будто бы всякое сомнѣніе въ нихъ сразу обнаруживаетъ свою нелѣпость. Но это—невѣрное мнѣніе, какъ это ясно изъ слѣдующаго". Затѣмъ, по недоразумѣнію, приводятся три соображенія, которыя будто-бы подтверждаютъ основательность высказаннаго сомнѣнія. Наконецъ, проф. Введенскій подводитъ итогъ въ § 70 „что геометрическія аксіомы вовсе не принадлежатъ къ числу такихъ истинъ, сомнѣваться въ которыхъ и требовать для которыхъ, чтобы ихъ доказывали, было бы явной нелѣпостью. Напротивъ: аксіомы ровно настолько же нуждаются въ доказательствахъ, какъ и множество такихъ теоремъ, которыя мы все-таки доказываемъ"...

Въ § 71 нѣсколько разъ повторяется и развивается та же мысль относительно всего знанія. Вотъ подлинныя слова автора новой логики: „въ главѣ XIV, говоритъ проф. Введенскій, предъ нами обнаружится удивительнѣйшее обстоятельство: въ основѣ всего знанія... лежатъ въ видѣ самыхъ послѣднихъ или самыхъ высшихъ основаній, между прочимъ, и такія несводимыя къ опредѣленіямъ общія сужденія, которыя приходится допускать безъ всякаго оправданія ихъ"... [Маркировка проф. Введенскаго].

§ 8. На эти скептическія воззрѣнія я долженъ возразить.

1. Невѣрно утвержденіе проф. Введенскаго относительно аксіомъ геометріи, а именно будто „нѣтъ никакихъ

причинъ, которыя запрещали бы намъ сомнѣваться въ любой аксіомѣ“ [1]). Авторъ новой логики старается обосновать свое мнѣніе, во-первыхъ, тѣмъ, что „мы [sic!] позволяемъ себѣ сомнѣваться даже въ такихъ истинахъ, что всѣ прямые углы равны, что вертикальные углы равны“, хотя „упомянутыя теоремы не менѣе очевидны [sic!], чѣмъ любая изъ геометрическихъ аксіомъ“ [2]). Въ этомъ аргументѣ невѣрно утвержденіе, будто приведенныя имъ теоремы „не менѣе очевидны“ аксіомъ: онѣ становятся очевидными только для тѣхъ людей, которые уже вполнѣ усвоили себѣ соотвѣтственныя опредѣленія и доказательства. Однако до этого онѣ отнюдь не были очевидны. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если спросить о нихъ несвѣдущаго въ геометріи, въ особенности,—если сравниваемые углы будутъ значительно отличаться длиной сторонъ.

2. Если-бы даже допустить, что нѣкоторыя очевидныя истины могутъ быть доказаны, напр., что прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками; то отъ излишняго доказательства истина не становится болѣе достовѣрной.

3. Проф. Введенскій нигдѣ не говоритъ о несомнѣнной истинности и достовѣрности аксіомъ; онъ говоритъ только, что ихъ „приходится допускать“. Почему? Этого онъ тоже не говоритъ. Только въ концѣ своей новой логики въ одномъ мѣстѣ [3]), онъ прибавляетъ слѣдующее гипотетическое сужденіе: „Апріорныя же (или, по Аристотелю, непосредственно очевидныя) истины должны непремѣнно считаться [sic!] истинными мыслями, если [маркировка проф. Введенскаго] мы считаемъ истинными самыя точныя науки, какъ математика, астрономія, физика и т. д.“ [Конецъ § 195]. Послѣ всѣхъ выше изложенныхъ сомнѣній проф. Введенскаго, повторенныхъ десятки разъ, это однократное замѣчаніе и подчеркнутое „если“ ровно ничего не значатъ: эти науки не могутъ считаться истинными, т. е. доказанными, разъ первыя предпосылки этихъ наукъ,—напр., аксіомы, допускаютъ сомнѣнія. Самое подчеркиваніе слова „если“ скорѣе подтверждаетъ прежнія сомнѣнія и утвержденія автора, чѣмъ ослабляетъ ихъ. Впрочемъ, слово „считаться“ не зна-

[1]) § 69.
[2]) § 62, стр. 50.
[3]) § 195, 3 строка св.

читъ „быть“, и самъ авторъ логики опять не говоритъ, какого мнѣнія онъ самъ объ этихъ наукахъ: истинны ли онѣ или нѣтъ; а „точностью“ отличается и „мнимая геометрія“ Лобачевскаго, хотя она для плоскости не истинная геометрія, въ смыслѣ соотвѣтствія дѣйствительности.

4. Невѣрно утвержденіе автора новой логики, сдѣланное имъ въ томъ же первомъ аргументѣ, будто „доказывать можно только то, въ чемъ мы предварительно усомнились“ [1]). Учитель геометріи часто доказываетъ своимъ ученикамъ и то, въ чемъ ни онъ, ни ученики не сомнѣваются, напр., что изъ одной точки лежащей внѣ данной линіи, на послѣднюю можно опустить только одинъ перпендикуляръ. Доказываютъ большей частью другимъ, а не себѣ: себя только провѣряютъ. Но доказательство совершенно излишне относительно такой истины, которая сама собой каждому очевидна. А таковыми оказываются аксіомы геометріи. Требованіе для нихъ доказательствъ основано на недоразумѣніи. Всякое доказательство убѣждаетъ въ истинности доказуемаго косвеннымъ путемъ. Если же истинность какого-нибудь сужденія или факта познанія сама собой очевидна; то никто не станетъ требовать ея доказательства. Еще Аристотель отмѣтилъ тотъ фактъ, что доказательства не могутъ итти до безконечности, что они въ концѣ концовъ коренятся въ истинахъ непосредственно очевидныхъ. Проф. Введенскій или не знаетъ этого или не признаетъ очевидности. Но въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть ни истиннаго знанія, ни науки. Такимъ образомъ отпадаетъ первый аргументъ.

§ 9. Въ качествѣ второго аргумента противъ несомнѣнности аксіомъ проф. Введенскій приводитъ тотъ фактъ, что многіе геометры пытались доказывать то ту, то другую аксіому Эвклида и въ особенности часто—его XI аксіому. Авторъ заключаетъ изъ этихъ попытокъ, будто въ этихъ аксіомахъ нѣкоторые сомнѣвались; но это невѣрно. И въ данномъ случаѣ авторъ опирается на ложную посылку, будто доказываютъ только то, въ чемъ сомнѣваются. На самомъ дѣлѣ причиной этому стремленію „доказать аксіому Эвклида“ служило желаніе, по возможности, сократить число аксіомъ. Это желаніе однако ничуть не доказываетъ, что въ истинности аксіомъ Эвклида кто-нибудь сомнѣвался.

[1]) § 69, стран. 50, 17 св.

Въ качествѣ третьяго аргумента авторъ приводитъ тотъ фактъ, что Лобачевскій, сдѣлавъ допущеніе, противорѣчащее XI аксіомѣ Эвклида, вывелъ изъ этого цѣлый рядъ теоремъ, создавъ такимъ образомъ свою „Пангеометрію“. А изъ этого проф. Введенскій опять ложно заключаетъ, будто эта мнимая геометрія Лобачевскаго „не менѣе возможна и мыслима, а потому и не менѣе доступна, чѣмъ геометрія Эвклида“ [1]). Проф. Введ. дѣлаетъ свой излюбленный выводъ, что „аксіомы ровно настолько же нуждаются въ доказательствахъ, какъ и множество такихъ теоремъ, которыя мы, все-таки, доказываемъ“... Наконецъ, авторъ новой логики подчеркиваетъ слѣдующее положеніе. „И если аксіомы допускаются [sic!] въ геометріи безъ всякихъ доказательствъ, то это дѣлается только [sic!] вслѣдствіе невозможности обходиться при доказательствахъ, не соединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, одними лишь опредѣленіями, какъ высшими основаніями“. Впослѣдствіи проф. Введенскій еще больше увлекается своимъ „открытіемъ“, ошибочно приписывая Лобачевскому, будто онъ не признавалъ истинности XI аксіомы Эвклида. Въ § 191 (стр. 152) онъ говоритъ, будто „допущеніе Лобачевскаго сводится къ утвержденію, что есть такія наклонныя къ перпендикуляру O F, проведенному къ данной прямой A B, которыя съ ней никогда не пересѣкаются“, т. е. будто черезъ точку, находящуюся внѣ данной прямой, можно провести множество параллельныхъ линій въ одной плоскости.

§ 10. „Допущеніе“ Лобачевскаго относительно XI аксіомы не есть отрицаніе ея истинности. Подобныхъ фикцій, ради упрощенія разсужденій или для другихъ чисто теоретическихъ цѣлей, существуетъ множество и въ математикѣ, и даже въ физикѣ. Таковы, напр., что линія не имѣетъ ни ширины ни толщины (или глубины), что точка не имѣетъ протяженія; таковыя же фикціи—и мнимыя величины въ алгебрѣ, рычагъ безъ тяжести въ физикѣ, движеніе безъ тренія въ механикѣ. Но никто не считаетъ эти фикціи истинами, т. е. соотвѣтствующими дѣйствительности. И допущеніе Лобачевскаго, есть такая же фикція, которая имѣетъ свое теоретическое значеніе и даже практическое примѣне-

[1]) § 69, стран. 51.

ніе на псевдосферѣ [1]), но не можетъ считаться соотвѣтствующимъ дѣйствительности, т. е. истиннымъ относительно плоскости и другихъ поверхностей.

Впрочемъ, если-бы ошибочное мнѣніе проф. Введенскаго относительно XI аксіомы Эвклида даже было вѣрнымъ: то обобщеніе одного случая на всѣ аксіомы ничѣмъ не обосновано: здѣсь не имѣется даже неполной формальной индукціи per enumerationem simplicem, а произвольное обобщеніе. Вѣдь, аксіомы не—явленія природы и даже не предметы одного рода, хотя и носятъ одно названіе аксіомъ: по содержанію въ нихъ не отыщешь общаго признака, присущаго всѣмъ аксіомамъ; ихъ общее названіе основано на ихъ общей непосредственной очевидности, (которая кроется въ ихъ общемъ источникѣ знанія); но это относится къ ихъ формѣ, а именно къ ихъ „модальности".

Итакъ и выводъ проф. Введенскаго относительно одной XI аксіомы Эвклида—невѣрный; еще болѣе ошибочно его обобщеніе скептицизма на всѣ аксіомы. Такимъ образомъ всѣ три аргумента проф. Введенскаго не основательны или даже ложны.

§ 11. Такъ же неосновательно его мнѣніе, будто аксіомы нужно доказывать. Если-бы даже удалось нѣкоторыя изъ аксіомъ геометріи свести къ основнымъ логическимъ законамъ мышленія: то и это не противорѣчило бы ихъ очевидности. Такое объясненіе не было бы „доказательствомъ" ихъ очевидности, а только ихъ объясненіемъ" [2]). Можетъ ли доказательство, что въ данную минуту свѣтитъ солнце на такой то части земной поверхности, быть болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ мое воспріятіе солнца, находящагося тамъ же на небесномъ сводѣ?

Проф. Введенскій слово „доказательство", какъ и многія другія, счелъ нужнымъ употреблять въ другомъ значеніи, чѣмъ это принято, говоря: „Подъ доказатель-

[1]) См. В. Каганъ, Задача обоснованія геометріи, Одесса, 1908 г., 18 стр., 3 строка снизу.

[2]) Подобное объясненіе дано въ моемъ „Учебникѣ логики" относительно аксіомы: двѣ величины, порознь равныя третьей, равны и между собой; но оно не есть доказательство и безъ того очевидной аксіомы; слѣдовательно оно не относится къ геометріи, а къ логикѣ. Можетъ быть, это объясненіе привело проф. Введенскаго къ его заблужденію.

ствомъ въ логикѣ подразумѣвается оправданіе сужденія съ помощью умозаключеній“ [1]). А „оправданіемъ“ онъ раньше „условился называть удостовѣреніе въ истинности сужденія“ [2]). Слѣдовательно онъ считаетъ доказательство однимъ изъ видовъ „оправданія“. Но и по его терминологіи, не имѣетъ разумнаго смысла требованіе болѣе сложнаго и менѣе убѣдительнаго оправданія, каковымъ всегда бываетъ „оправданіе съ помощью умозаключеній“, вмѣсто болѣе убѣдительнаго и болѣе простого—непосредственной очевидностью. Впрочемъ, для вѣры въ науку важна увѣренность въ истинности ея высшихъ основаній (въ геометріи истинность ея аксіомъ), чѣмъ вопросъ, отъ чего зависитъ ихъ истинность. А проф. Введенскій, какъ разъ, дѣлаетъ обратное: онъ подрываетъ въ своихъ будущихъ ученикахъ вѣру въ истинность аксіомъ, слѣдовательно и въ достовѣрность всей геометріи.

Такъ далеко не зашелъ ни одинъ ни изъ новыхъ, ни изъ древнихъ скептиковъ!

---

§ 12. Еще настойчивѣе проф. Введенскій обнаруживаетъ свой скептицизмъ въ XIV главѣ, подъ заголовкомъ „Послѣднія посылки научнаго знанія“. Тутъ онъ отмѣчаетъ, что „принципъ единообразія природы, несомнѣнно, лежитъ въ основѣ всѣхъ доказательствъ законовъ сосуществованія и вообще—невысказывающихъ причинныхъ связей“ [3]); но затѣмъ онъ подчеркиваетъ свое излюбленное положеніе: „роль этихъ принциповъ... въ эмпирическихъ наукахъ точно такая же, какъ роль аксіомъ въ геометріи; [марк. проф. Введенскаго] ибо, подобно аксіомамъ, они недоказуемы (по крайней мѣрѣ въ настоящее время никто не можетъ ихъ доказать), такъ что приходится допустить ихъ, какъ и аксіомы, безъ всякихъ доказательствъ. [Почему, это не сказано]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, составляя послѣднія или высшія основанія, на которыя опираются доказательства всѣхъ законовъ природы, они черезъ это

---

[1]) § 47, стр. 31; марк. проф. Введенскаго.

[2]) § 44, стр. 30, 1 св.

[3]) Почему проф. Введенскимъ исключаются причинныя связи, это читателю остается неизвѣстнымъ до самаго конца новой логики.

самое оказываются высшими основаніями, на которыя косвеннымъ образомъ опираются и всѣ объясненія природы“ [1]).

Это положеніе, равно какъ и разъясненіе, данное проф. Введенскимъ, вѣрны и общеизвѣстны; невѣрно сказанное въ скобкахъ „по крайней мѣрѣ въ настоящее время никто не можетъ ихъ доказать“; такъ же невѣрно и другое выраженіе „приходится допустить ихъ безъ всякихъ доказательствъ“. Эти выраженія внушаютъ мысль, будто нужно доказывать эти принципы, и будто это только пока невозможно; а это именно невѣрно. Ихъ вовсе не нужно доказывать, равно какъ и аксіомы геометріи, хотя бы это даже было возможно. Невѣрныя вставки автора внушаютъ мысль, будто послѣднія, или высшія основанія наукъ сомнительны, слѣдовательно и построенныя на нихъ науки. Такъ какъ авторъ постоянно и рѣшительно повторяетъ свое скептическое замѣчаніе, то и въ ученикахъ неизбѣжно зародится скептицизмъ относительно естественныхъ наукъ, какъ и относительно геометріи [2]).

§ 13. Далѣе авторъ новой логики разсуждаетъ такъ: „§ 191. Можетъ быть, на это возразятъ, что такія сомнѣнія относительно разсматриваемыхъ принциповъ еще никому не приходили въ голову, что для этихъ принциповъ еще не появился свой Лобачевскій, и что поэтому-то безсмысленно, не къ чему требовать ихъ доказательства, что такое требованіе составляетъ безполезнѣйшій педантизмъ. Но все это невѣрно“. На все это разсужденіе почтеннаго профессора я могу отвѣтить, что „новый Лобачевскій“ можетъ быть покойнымъ: подобныя сомнѣнія приходятъ въ голову многимъ размышляющимъ юношамъ; такія же сомнѣнія высказывались и древними скептиками, но только въ видѣ полемическаго и дидактическаго пріема. Это дѣлалось,

---

[1]) § 190.

[2]) Въ одномъ § 190 на одной страницѣ проф. Введенскій повторяетъ свое скептическое замѣчаніе шесть разъ! Два раза онъ присоединяетъ и кажущіяся основанія своего скептизма. На стр. 151, (16 строка св.) онъ говоритъ: они (т. е. эти принципы) допускаются безъ всякихъ доказательствъ вовсе не потому, чтобы нельзя было сомнѣваться въ нихъ“..; а девятью строками ниже онъ прямо говоритъ: „Такъ почему же не сомнѣваться въ нихъ и не требовать для нихъ своего доказательства такъ же, какъ мы подобныя сомнѣнія и требованія заявляемъ относительно аксіомъ?“ (Конецъ § 190).

чтобы показать „равную силу“ обѣихъ противорѣчащихъ другъ другу альтернативъ и чтобы воздерживаться отъ рѣшительнаго сужденія относ. вещей, неочевидныхъ ἄδηλα; относ. очевиднаго и скептики не дѣлали возраженій; это отчасти было видно и изъ мѣстъ, цитированныхъ мною выше. Серіознаго значенія, т. е. рѣшительнаго утвержденія или отрицанія, пирроновцы не высказывали въ своихъ возраженіяхъ: иначе, они не занимались бы практическими искусствами, напр., медициной. Какъ извѣстно, самъ Секстъ Эмпирикъ былъ врачемъ. Что же касается появленія „новаго Лобачевскаго“, то въ этомъ и нѣтъ никакой надобности [1]).

Не новый Лобачевскій нуженъ нашимъ филисофамъ-кантіанцамъ и автору новой логики, а хотя нѣкоторое знакомство съ изслѣдованіями шотландца Т. Рида. Этотъ скромный, но глубокомысленный, философъ ясно и убѣдительно опровергъ и скептицизмъ Д. Юма и заблужденія относительно смѣшенія идей (представленій) съ реальными вещами у Локка, Беркли и другихъ философовъ; онъ же до Канта, гораздо лучше его и вполнѣ убѣдительно, доказалъ существованіе въ душѣ человѣка апріорныхъ знаній, какъ онъ ихъ называлъ „истинъ очевидныхъ“ и „положеній общечеловѣческаго смысла“ (common sens) [2]).

§ 14. Проф. Введенскій не удовлетворился приведенными выше сомнѣніями; онъ идетъ дальше, онъ старается отвергнуть основательность нашей вѣры въ законъ причинности, онъ борется противъ очевидности. Въ томъ же параграфѣ (191) онъ продолжаетъ слѣдующими словами: „то самое, что сдѣлалъ Лобачевскій осносительно одиннадцатой аксіомы Эвклида, давно уже сдѣлало человѣчество относительно принципа причинности. Оно вѣруетъ въ чудеса и въ свободу воли (т. е. въ способность человѣка, поясняетъ самъ проф. Введенскій, вопреки

[1]) Впрочемъ, почтенный проф. Введенскій наклепалъ на нашего знаменитаго стараго Лобачевскаго, приписывая ему нелѣпость, которой онъ не утверждалъ, что было доказано выше.

[2]) Риду Кантъ больше обязанъ своимъ „критицизмомъ“, чѣмъ шотландцу Д. Юму и англійскимъ философамъ. Прославленный нѣмцами Кантъ и по крови, и по духу философіи былъ отпрыскъ Шотландіи; къ сожалѣнію, ему недоставало той ясности мышленія, которой отличаются шотландцы и англичане. То же нужно признать и относительно большинства кантіанцевъ.

принципу причинности [sic!], даже при самомъ точномъ повтореніи тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, поступать то такъ, то иначе); а чудеса и свобода воли (въ только что указанномъ смыслѣ „свободы воли“), [поясняетъ авторъ новой логики], конечно, противорѣчатъ принципу причинности [sic!]. Допускать чудеса и свободу воли [поясняетъ проф. Введенскій], значитъ допускать, что бываютъ иногда случаи такого возникновенія явленій, которое не подчинено принципу причинности, не находится въ причинной связи съ другими явленіями (подобно тому, какъ допущеніе Лобачевскаго сводится къ утвержденію, что есть [sic!] такія наклонныя къ перпендикуляру O F, проведенному къ данной прямой A B, которыя съ ней никогда не пересѣкаются, хотя лежатъ въ той же плоскости“. Въ этомъ разсужденіи скептика странно звучитъ его ссылка на „вѣру человѣчества“ въ чудеса: сомнѣваться въ безусловной истинности аксіомъ геометріи и въ то же время и въ томъ же учебникѣ черезъ нѣсколько строкъ ссылаться на „вѣру человѣчества“—по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательно. Спрашивается, причисляетъ ли проф. Введенскій къ человѣчеству и скептиковъ, и себя? Ссылаться на подобную вѣру дозволительно (и то съ ограниченіями) только тѣмъ, кто признаетъ врожденный здравый смыслъ человѣчества, а не проф. Введенскому, который чрезъ двѣ страницы послѣ сказаннаго полемизируетъ съ приверженцами здраваго смысла [1]). Къ нимъ принадлежу и я; но я допускаю, какъ и всѣ, возможность заблужденій даже у профессоровъ философіи. Чудеса и вѣра въ нихъ не относятся къ „истинамъ очевиднымъ“, признаваемымъ всѣми; она и не составляетъ предмета логики и естественныхъ наукъ: послѣднія имѣютъ своей цѣлью изучать законы природы, какими они установлены Творцомъ вселенной. Самъ авторъ новой логики постоянно подчеркиваетъ ту мысль, что только общее сужденіе цѣнно для науки, а не единичное.

Слѣдовательно естественныя науки не могутъ брать на себя задачу изучать тѣ рѣдкія исключенія, когда Всемогущій Творецъ вселенной на мигъ отмѣняетъ какой-нибудь изъ законовъ природы, имъ же установленный. Изслѣдованіе этого вопроса—дѣло метафизики, богословія, вѣроученія и

[1]) Стран. 155, § 195.

исторической критики, а не естественныхъ наукъ. Этотъ вопросъ не входитъ ни въ одну изъ тѣхъ задачъ, которыя такъ противорѣчиво изложены въ новой логикѣ профес. Введенскаго [1]).

§ 15. Что же касается „свободы воли", то этотъ вопросъ еще недостаточно выясненъ у философовъ, въ томъ числѣ и у автора новой логики; этому вопросу не мѣсто въ учебникѣ „Логики для гимназій". Свободу воли до сихъ поръ приписывали только душамъ человѣка и высшимъ духамъ; а таковые не составляютъ предмета естественныхъ наукъ [2]).

Впрочемъ, и относительно свободы воли не правъ проф. Введенскій, будто она противорѣчитъ закону причинности. И свобода воли не исключаетъ зависимости ея отъ причинъ; только эти причины заключаются въ душѣ самого человѣка, въ его духовномъ складѣ,—прирожденномъ и пріобрѣтенномъ. Чаще всего она зависитъ отъ разумныхъ цѣлей, о существованіи которыхъ въ природѣ проф. Введенскій ни разу не обмолвился [3]).

Сверхъ всего, проф. Введенскій допустилъ въ своемъ аргументѣ нарушеніе закона тожества. Ссылаясь на вѣру человѣчества въ свободу воли [4]), онъ въ той же строкѣ опредѣляетъ ее такъ, какъ ее понимаютъ только очень немногіе философы, включая выраженіе „вопреки принципу причинности". Въ примѣчаніи къ тому же § 191 онъ самъ признаетъ, что у философовъ есть и другія опредѣленія „свободы воли". Тѣмъ не менѣе онъ мнѣніе нѣкоторыхъ философовъ отожествляетъ съ вѣрой „человѣчества", что, очевидно, недопустимо. Итакъ его аргументъ оказывается несостоятельнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и противорѣчащимъ его же скептицизму.

---

[1]) §§ 1, 2 и 6.

[2]) Правда, проф. Введенскому угодно было включить въ понятіе „природы" и душу человѣка съ ея явленіями, слѣдовательно —съ его свободной волей (§ 160); но отъ этого произвольнаго словоупотребленія проф. Введенскаго, мнѣ кажется, врядъ ли измѣнятъ естеств. науки свои задачи и предметъ изученія.

[3]) Между тѣмъ объ этомъ проф. Введенскій могъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ моего учебника логики, который онъ использовалъ въ значительной мѣрѣ; но это воззрѣніе, повидимому, не мирится съ его скептицизмомъ.

[4]) § 191, стран. 151.

§ 16. Свое излюбленное положеніе относительно недостовѣрности „высшихъ принциповъ знанія“ проф. Введенскій множество разъ повторяетъ и въ послѣдующихъ параграфахъ. Такъ, въ § 193 на одной страницѣ онъ его повторяетъ семь разъ. Эти повторенія становятся прямо надоѣдливыми. Трудно допустить, чтобы столь опытный и заслуженный профессоръ не зналъ и не умѣлъ примѣнять элементарныхъ правилъ стилистики. Остается возможной только одна „догадка“, —что проф. Введенскій хотѣлъ закрѣпить свой скепсисъ въ сердцахъ гимназистовъ [1]).

Если бы скептическія воззрѣнія новой логики даже оправдывались теоретически, то и въ такомъ случаѣ ни одинъ добросовѣстный и опытный педагогъ не могъ бы вводить подобныхъ воззрѣній въ серіозную школу. Тѣмъ болѣе это недопустимо, что скептическія воззрѣнія разныхъ школъ давно уже отвергнуты и наукой, и даже философіей. Результатъ подобнаго скептицизма врядъ ли предвидѣлъ самъ авторъ новой логики. Если принципъ причинности неоснователенъ, если даже аксіомы геометріи—только „допущенія“, нуждающіяся въ доказательствахъ, которыхъ „никто дать неможетъ“: то всѣ науки представляютъ собою нѣчто сомнительное. Зачѣмъ тогда изучать науки? Зачѣмъ тогда нужна и логика проф. Введенскаго?

§ 17. Наконецъ, невѣрно утвержденіе проф. Введенскаго, будто „нельзя доказать, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, ни принципа причинности, ни принципа единообразія природы“ [2]). Его не только можно доказать; но его уже неоднократно доказывали англійскіе ученые и мыслители Гершель, Вюэль и другіе [3]). Но это, повидимому, неизвѣстно проф. Введенскому, котораго очень занимаетъ мысль о появленіи „новаго Лобачевскаго“. Самъ проф. Введенскій въ одномъ мѣстѣ приводитъ разсужденія, которыя близко подходятъ къ этому доказательству; но все же не сумѣлъ

[1]) Для этого, какъ мы видѣли, проф. Введенскій, по недоразумѣнію, пристегнулъ даже пангеометрію Лобачевскаго, значеніе которой онъ не уяснилъ себѣ. Авторъ новой логики, приложилъ даже чертежъ для иллюстраціи неосновательности XI аксіомы Эвклида, а всѣхъ чертежей у него въ текстѣ, предназначенномъ для гимназистовъ, имѣется всего два.

[2]) § 190, стран. 151, 12 св.

[3]) Н. Э. Лейцфельдъ, объ индукціи..., цитир. соч.

выпутаться изъ своего скептицизма. Правда, доказательство принципа единообразія не дано и не можетъ быть дано въ простой формулировкѣ категорическаго силлогизма; но это не важно. Для учащихся важно убѣжденіе, что этотъ принципъ, лежащій въ основѣ всѣхъ естественныхъ наукъ, а также нѣкоторыхъ гуманитарныхъ, оправдывается всѣми науками, всѣмъ опытомъ человѣчества, что онъ достовѣренъ. А учебникъ логики проф. Введенскаго этой увѣренности не дастъ своимъ будущимъ читателямъ; повидимому, и не желаетъ дать. Напротивъ, онъ подрываетъ эту вѣру. Для чего же тогда нужна логика?

§ 18. Къ счастью, здравый смыслъ человѣчества сильнѣе плохой философіи и скептицизма проф. Введенскаго: его заблужденія не опасны, по крайней мѣрѣ, для людей зрѣлыхъ, которые разбираются въ словахъ и понятіяхъ. Молодежь университетскую подобный учебникъ, конечно, можетъ сбить съ толку; но учебники для гимназій выбираются людьми зрѣлыми, которые не промѣняютъ здравый смыслъ на плохую философію. Люди науки никогда не собьются съ пути подобнымъ скептицизмомъ. Всѣ естественныя науки, а также большинство наукъ о человѣкѣ, основываютъ свои изслѣдованія на твердой вѣрѣ, что въ реальномъ мірѣ (какъ матеріальномъ, такъ и духовномъ) существуетъ не только единообразіе, но и законъ причинности. Вѣра въ одно только единообразіе въ природѣ раздѣляется немногими новѣйшими скептиками и полускептиками, напр. Д. Юмомъ, Ог. Контомъ, Дж. Ст. Миллемъ, Авенаріусомъ и ихъ послѣдователями. Скепсисъ проф. Введенскаго, какъ мы видѣли, стоитъ совершенно особо, какъ „unicum sui generis“. Вѣра въ существованіе причинныхъ связей между явленіями и вещами (субстанціями, силами, тѣлами, монадами и т. под.) постоянно подтверждается не только новыми научными изслѣдованіями и открытіями, но еще больше—предсказаніями и предвидѣніемъ будущихъ событій; она на каждомъ шагу, ежедневно, ежечасно и ежеминутно подтверждается и нашей практической дѣятельностью: ея не отвергали даже древніе скептики [1]). И плоха та философія, которая пытается

[1]) Доказательство закона причинности въ простой формулировкѣ будетъ представлено въ VIII главѣ, и появленіе „новаго Лобачевскаго“ окажется совершенно излишнимъ.

опрокинуть тотъ здравый смыслъ, который въ большей или меньшей мѣрѣ прирожденъ каждому человѣку, безъ котораго не было бы никакой философіи, никакого знанія, безъ котораго не возможно сдѣлать и шагу въ дѣйствительномъ мірѣ. „Мирно уживаются въ умѣ (плохого философа) самыя противорѣчивыя идеи; но сильно сталкиваются вещи въ реальной дѣйствительности“, вѣрно замѣтилъ незабвенный нѣмецкій поэтъ. Странными должны показаться притязанія подобной философіи, которую въ теченіе 23-хъ вѣковъ опровергали самые выдающіеся мыслители, которую ежедневно и ежечасно опровергаетъ практика самихъ этихъ скептиковъ новѣйшей формаціи!

V. Неправильное пониманіе причинной связи въ логикѣ Милля.

§ 1. Въ чемъ состоитъ причинность—вопросъ спорный между метафизиками; но въ наукѣ и въ обиходной жизни крайне рѣдко спорятъ объ этомъ. Этого вопроса можно бы и не затрогивать въ логикѣ, если бы этого не сдѣлалъ Дж. Ст. Милль, пошедшій на перекоръ наукѣ и обычному здравому смыслу. Авторитетъ Милля настолько великъ въ Россіи, что почти всѣ наши учебники логики приняли Миллевское пониманіе причины въ отдѣлѣ матеріальной индукціи, т. е. методовъ изслѣдованія причинной связи, хотя обычная формулировка этихъ методовъ часто противорѣчитъ этому пониманію. Заблужденіе Милля порождено его философіей,—его позитивизмомъ, заимствованнымъ у Ог. Конта: какъ извѣстно, и Милль скептически относится къ метафизикѣ съ ея сущностями, и старался ограничить свои изслѣдованія одними „явленіями“. Но такъ какъ причинная связь между явленіями не можетъ быть непосредственно воспринята нашими внѣшними органами чувствъ,—ее нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать—то Милль, согласно съ Юмомъ, понимаетъ причинность, какъ простую послѣдовательность „явленій“, забывъ, что и „послѣдовательность“ есть плодъ нашей памяти и ума, а не органовъ чувствъ. Поэтому Милль не дѣлаетъ различія между производящей причиной и условіями, а считаетъ ихъ просто предшествующими обстоятельствами даннаго дѣйствія, хотя и не всегда проводитъ въ своей логикѣ послѣдовательно это свое воззрѣніе.

§ 2. Вотъ собственныя слова Милля по этому вопросу: „Говоря въ этомъ изслѣдованіи [т. е. въ его Системѣ логики]

о причинѣ явленія, я не имѣю въ виду такой причины которая сама не есть явленіе"...[1]) „О дѣятельныхъ причинахъ явленій и о томъ, существуютъ ли вообще такія причины, я не призванъ высказывать своего мнѣнія... Для теоріи индукціи нужно единственно только такое понятіе о причинѣ, какое можетъ быть получено изъ опыта. Законъ причинной связи... есть просто та общеизвѣстная истина, что наблюденіе открываетъ для всякаго факта въ природѣ неизмѣнное слѣдованіе за какимъ-либо другимъ, ему предшествовавшимъ..." [2]). „Неизмѣнное предыдущее называется причиной, неизмѣнно послѣдующее—слѣдствіемъ... Для каждаго явленія существуетъ нѣкоторая комбинація предметовъ [выше Милль признавалъ только „явленія" въ качествѣ причинъ] или явленій, нѣкоторое опредѣленное стеченіе положительныхъ или отрицательныхъ обстоятельствъ, наличность которыхъ постоянно вызываетъ [sic!] за собой это явленіе... Отъ всеобщности этой истины зависитъ возможность подвести индуктивный процессъ подъ извѣстныя правила... Послѣдующее бываетъ обыкновенно связано съ нѣсколькими предыдущими, такъ что только наличность всѣхъ ихъ можетъ произвести [sic!] это послѣдующее... Въ такихъ случаяхъ въ качествѣ „причины" обычно выдѣляютъ лишь одно предыдущее, называя всѣ остальныя только „условіями". Такъ, если человѣкъ, поѣвши какого-нибудь кушанья, послѣ этого умретъ, т. е., если можно сказать, что онъ не умеръ бы, еслибъ не поѣлъ его,—то обыкновенно говорятъ, что причиною смерти было здѣсь употребленіе этого кушанья... Истинною причиною является здѣсь вся совокупность этихъ предыдущихъ; и, говоря философски, мы не имѣемъ права называть „причиною" лишь одно изъ нихъ, помимо всѣхъ остальныхъ" [3]). Послѣ этого Милль приводитъ еще три примѣра и наконецъ заключаетъ: „Во всѣхъ этихъ примѣрахъ названіемъ „причины" (въ обычномъ значеніи) выдѣлено то условіе, которое явилось послѣ всѣхъ другихъ... Пока-

---

[1]) *Дж. Ст. Милль*, Система Логики, перев. съ 10-го англ. изд. подъ ред. Ивановскаго, М. 1899 III кн. гл. V, § 2, стран. 259.

[2]) Тамъ же, стран. 260.

[3]) *Д. С. Милль*. Система логики, перев. *В. Н. Ивановскаго*, кн. III. гл. V, § 2 и 3, стран. 260 и 261. [Маркировки мои во всѣхъ цитатахъ].

тзаь отсутствіе всякаго [sic!] научнаго основанія для различенія причины явленія отъ его условій можетъ лучше всего та произвольность [sic!], съ какою мы выбираемъ среди условій явленія то, которое начинаемъ называть причиной. Какъ бы ни были многочисленны условія, едва ли есть среди нихъ такія, которыя не могли бы получить этого названія преимущественно передъ другими, въ зависимости отъ нашей непосредственной цѣли... Такъ напр. камень, брошенный въ воду, падаетъ на дно“ [1]).

§ 3. Заблужденія Милля порождены не только его вѣрой въ позитивизмъ Ог. Конта, но и тѣмъ, что Милль въ своей системѣ логики приводитъ сложные примѣры причинности, въ которыхъ онъ не разобрался: онъ въ нихъ 1) не выяснилъ роли противодѣйствующихъ причинъ; а 2) условный, т. е. неточный, способъ выраженія обиходной рѣчи относительно „отрицательныхъ условій“ Милль понимаетъ буквально. Эту неточность выраженія Милль считаетъ доказательствомъ своего мнѣнія, будто условія и производящая причина не отличаются другъ отъ друга. Мало того, онъ самъ признаетъ „отрицательныя условія“, хотя въ другомъ мѣстѣ показываетъ, что имъ нельзя приписывать производящей силы или дѣятельности. Объемъ настоящей работы не позволяетъ мнѣ распространяться и разобрать всѣ примѣры Милля. Я ограничусь двумя, въ которыхъ не разобрался самъ Милль вслѣдствіи ихъ сложности.

Относительно падающаго камня Милль разсматриваетъ его условія и излагаетъ ихъ слѣдующими словами: „Во первыхъ, долженъ существовать камень и вода, и камень долженъ быть брошенъ въ воду; но эти предположенія составляютъ часть изложенія самого являнія, и включать ихъ въ число условій послѣдняго было бы излишней тавтологіей. Поэтому-то никто никогда [sic!] и не давалъ этому классу условій названія причины, кромѣ схоластиковъ, которые называли такія условія матеріальной причиной—causa materialis. Слѣдующимъ условіемъ разсматриваемаго явленія будетъ существованіе земли, и потому часто говорятъ, что паденіе камня имѣетъ своей причиной землю... или нѣкоторое свойство земли, нѣкоторую силу, проявляемую землей (всѣ эти выраженія различными способами говорятъ одно и

[1]) Тамъ же стран. 262.

то же: что земля есть причина паденія камня)... Перейдемъ теперь къ другому условію... Тѣло должно находиться въ предѣлахъ такого разстоянія отъ нея, на которомъ притяженіе земли перевѣшиваетъ притяженіе всякаго другого тѣла. Согласно этому, можно сказать—и это выраженіе всѣ [sic!] должны будутъ признать правильнымъ—что причиною паденія камня служитъ то, что онъ находится въ сферѣ земного притяженія. Переходимъ къ дальнѣйшему условію. Камень погрузился въ воду: такимъ образомъ, условіе, при которомъ онъ могъ упасть на дно, заключается въ томъ, что его удѣльный вѣсъ превосходитъ удѣльный вѣсъ окружающей жидкости, или иными словами, что его вѣсъ больше вѣса равнаго ему объема воды. Слѣдовательно, всѣ согласятся [?] признать правымъ того, кто скажетъ, что причиною паденія камня на дно служитъ тотъ фактъ, что его удѣльный вѣсъ превосходитъ удѣльный вѣсъ жидкости, въ которую онъ погруженъ. Такимъ образомъ очевидно, [заключаетъ Милль], что о любомъ изъ условій явленія... можно говорить, какъ о всей причинѣ этого явленія. И на практикѣ „причиной“ обыкновенно называютъ то условіе, роль котораго въ разсматриваемомъ случаѣ наиболѣе замѣтна на поверхностный взглядъ или, на необходимость котораго для возникновенія слѣдствія, мы имѣемъ основаніе въ данный моментъ [sic!] настаивать“ [1]). Таковъ примѣръ и объясненіе его у Милля. И то и другое весьма неудачно, и говоритъ какъ разъ противъ теоретическихъ воззрѣній Милля на причинность.

§ 4. Съ объясненіемъ Милля относительно причины паденія камня, не согласится ни физикъ, ни обыкновенный человѣкъ, не знакомый съ физикой. Первый скажетъ: камень упалъ потому, что попалъ подъ дѣйствіе притяженія земли; а послѣдній скажетъ: камень упалъ потому, что я его бросилъ. При этомъ онъ будетъ разсуждать такъ: если бы я его не бросилъ, то онъ не упалъ бы, а лежалъ бы на томъ же мѣстѣ. И обычный умъ простолюдина, не знакомаго съ закономъ тяготѣнія Ньютона, будетъ разсуждать какъ-разъ согласно съ воззрѣніемъ Милля,—что „неизмѣнное предыдущее есть причина“ послѣдовавшаго дѣйствія. Объясненіе простолюдина не даетъ точнаго анализа и не дѣлаетъ раз-

[1]) Тамъ же, стран. 262 и 263.

личія между дѣйствующей причиной и условіями. И самъ Милль не даетъ этого и не разобрался въ своемъ же примѣрѣ. Но изъ того факта, что иногда и знаменитые философы ошибаются относительно различія между причиной и условіями, вовсе не слѣдуетъ, что такого различія не существуетъ.

§ 5. Милль полагаетъ, что „едвали есть среди многочисленныхъ условій такія, которыя не могли бы получить названія причины преимущественно передъ другими". Это его мнѣніе можетъ относиться только къ ошибочнымъ обозначеніямъ причины, вмѣсто условія; таковыя, конечно, бываютъ не только у простыхъ смертныхъ, но и у философовъ. Относительно „общеизвѣстнаго явленія", приведеннаго въ примѣръ Миллемъ, не трудно избѣгнуть ошибки, хотя оно принадлежитъ къ сложнымъ, въ которыхъ нужно отличать нѣсколько причинъ и противодѣйствій, не разобранныхъ Миллемъ.

Первая причина паденія камня заключается въ волевомъ актѣ бросившаго его. Волевой актъ освободилъ мускульную энергію, которая произвела „бросаніе". Далѣе, камень попадаетъ подъ вліяніе тяжести, или земли. Эта причина, именуемая „силой тяготѣнія", даетъ иное направленіе „брошенному камню". Но этой причинѣ (или силѣ) противодѣйствуетъ во-первыхъ плотность воздуха, а затѣмъ— плотность воды. Такъ какъ эти противодѣйствія слабѣе тяжести камня, то его движеніе все же опредѣляется, хотя и съ задержанной скоростью, силой тяготѣнія, т. е. направленіемъ къ центру земли. Его движеніе продолжается въ водѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не достигнетъ дна, т. е. пока противодѣйствіе твердаго дна не задержитъ силу тяготѣнія, т. е., пока эта сила не окажется меньшей, чѣмъ сила сцѣпленія въ твердомъ днѣ. Простолюдинъ не знаетъ ничего ни о силахъ сцѣпленія, ни о силѣ тяготѣнія. Такъ какъ онѣ дѣйствуютъ постоянно, то онъ на нихъ не обращаетъ вниманія и поэтому видитъ только первоначальную причину паденія камня, то есть, свое собственное мускульное усиліе, благодаря которому камень получилъ движеніе. Не знающему физики подобный пробѣлъ въ объясненіи причинъ простителенъ; но въ наукѣ „давать названіе причины любому изъ условій" ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

§ 6. Такъ же неосновательно утвержденіе Милля, будто „всѣ согласятся признать правымъ того, кто скажетъ, что причиною паденія камня на дно служитъ тотъ фактъ, что его удѣльный вѣсъ (подразумѣвается—камня) превосходитъ удѣльный вѣсъ жидкости, въ которую онъ погрузился". Этого объясненія причины не приметъ ученый физикъ; не могу и я его считать вѣрнымъ. А именно—вотъ, почему. Фактъ „разницы въ удѣльномъ вѣсѣ", какъ результатъ сравненія, существуетъ только въ умахъ познающихъ субъектовъ, а не въ реальной дѣйствительности. Не эта „разница", которая устанавливается умомъ, производитъ погруженіе камня въ воду, а тяжесть камня, которую не можетъ остановить противодѣйствующее давленіе воды вверхъ: послѣднее слабѣе тяжести камня, и поэтому тяжесть беретъ верхъ надъ давленіемъ [1]).

Такимъ образомъ „говорить о любомъ изъ условій явленія... какъ о всей причинѣ этого явленія" можно только человѣку, не разобравшемуся въ приведенномъ примѣрѣ или ложно понимающему причинность; такое смѣшеніе условій съ дѣйствующей причиной не оправдывается ни точной наукой, ни даже здравымъ смысломъ человѣчества.

§ 7. Разсмотримъ еще одинъ примѣръ Милля, на „отрицательное условіе". И въ данномъ случаѣ Милль не разобрался, несмотря на сдѣланныя ему возраженія со стороны критика его Системы логики. Какъ мы увидимъ, его критикъ былъ правъ, только не сумѣлъ доказать свою правоту; а Милль не правъ и въ своихъ отвѣтахъ критику. И данный примѣръ Милля относится къ очень сложнымъ явленіямъ съ противодѣйствующими силами (причинами); однако онъ недостаточно полно описанъ и даже мало вѣроятенъ въ формулировкѣ Милля. Послѣ его вывода, что „на практикѣ „причиной" обыкновенно называютъ то условіе, роль котораго въ разсматриваемомъ случаѣ наиболѣе замѣтна на поверхностный взглядъ"... Милль говоритъ слѣдующее: „значеніе этого послѣдняго соображенія настолько велико, что оно заставляетъ насъ иногда давать названіе причины даже одному изъ отрицательныхъ условій. Мы говоримъ, напримѣръ, что армія была застигнута врасплохъ по-

[1]) См. мой Учебникъ Логики, 2 изд., примѣръ плаванія желѣзныхъ броненосцевъ въ § 52 стран. 148 и 149.

тому, что часовой ушелъ со своего поста". [Маркировки — мои]. Но вѣдь, не отсутствіе часового создало непріятеля, [правильно замѣчаетъ Милль]; не оно сдѣлало то, что солдаты въ моментъ нападенія спали: какъ же оно могло быть причиной того, что солдаты были застигнуты врасплохъ? Дѣйствительное значеніе этого выраженія сводится къ тому, что указаннаго явленія не случилось бы, если бы часовой былъ при исполненіи своихъ обязанностей. Его отсутствіе на посту было не производящей причиной, а просто отсутствіемъ предупреждающей причины [sic!]; оно было равносильно не существованію часового. Изъ ничего, изъ простого отрицанія не можетъ выйти никакихъ слѣдствій [опять вѣрно замѣчаетъ Милль]. Всѣ слѣдствія связаны посредствомъ закона причинности съ нѣкоторымъ рядомъ положительныхъ условій, хотя, правда, почти всегда кромѣ этихъ условій бываютъ необходимы и условія отрицательныя"... Послѣ этого Милль замѣчаетъ: „Безспорно существуетъ наклонность ...связывать идею причины скорѣе съ ближайшимъ предшествующимъ событіемъ, чѣмъ съ какимъ-либо изъ предшествующихъ состояній или длительныхъ фактовъ, которые также могутъ оказаться въ числѣ условій даннаго явленія... Указанная склонность весьма замѣтна въ различныхъ логическихъ вымыслахъ [sic!], къ которымъ обращаются даже люди науки, лишь бы избѣгнуть необходимости называть причиною нѣчто такое, что существовало въ теченіе неопредѣленно долгаго періода времени раньше явленія. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что земля причиняетъ паденіе тѣлъ, они приписываютъ это паденіе нѣкоторой силѣ, проявляемой землею, или притяженію земли... А такъ какъ привхожденіе обстоятельства, дополняющаго совокупность условій, представляетъ собою нѣкоторую перемѣну, нѣкоторое событіе, то предыдущимъ всегда оказывается какое-нибудь предшествующее событіе и именно то, которое стоитъ въ наиболѣе тѣсномъ отношеніи къ послѣдующему[1]). Этимъ можно объяснить

[1]) Очевидно, Милль борется съ самимъ собой, но не можетъ отдѣлаться отъ своего позитивизма; онъ признаетъ, что не всѣ предшествующія обстоятельства находятся въ одинаковомъ отношеніи къ слѣдствію, и что „почти всегда бываютъ необходимы и условія отрицательныя".

ту иллюзію [sic!] которая предрасполагаетъ насъ думать, что ближайшее событіе имѣетъ больше права считаться причиною явленія, чѣмъ какое бы то ни было изъ предшествующихъ состояній"... Таковы разъясненія Милля.

§ 8. Послѣ этого въ примѣчаніи къ 10 изданію Системы Логики Милля приводятся два возраженія, сдѣланныя Миллю его рецензентомъ въ журналѣ „Prospective Review". Первое возраженіе передано Миллемъ въ слѣдующихъ словахъ: „мы прилагаемъ слово „причина" преимущественно къ тому элементу среди предыдущихъ, который проявляетъ силу и который во всякое время стремился бы произвести то же самое или подобное слѣдствіе, какъ то, какое онъ дѣйствительно производитъ при извѣстныхъ условіяхъ". Другое замѣчаніе рецензента Милль передаетъ такъ: „всякій почувствовалъ бы неточность нашего выраженія, если бы мы сказали, будто причиной неожиданности нападенія былъ уходъ часового съ его поста; причиной здѣсь можно было бы назвать приманку или силу, удалившую его съ поста, такъ какъ, удаливъ его, она устранила задерживающую силу, которая могла предупредить внезапность нападенія". На эти замѣчанія Милль возражаетъ такъ слабо и неясно, что ихъ можно пропустись безъ ущерба дѣлу разъясненія этого вопроса.

§ 9. Я съ своей стороны нахожу нужнымъ возразить Миллю слѣдующее. 1) Сомнительно, чтобы подобный случай когда-либо существовалъ въ дѣйствительности, т. е., чтобы судьба арміи зависѣла отъ добросовѣстности только одного часового. Какъ извѣстно и невоенному, аванпостовъ размѣщаютъ много, и притомъ—въ нѣсколькихъ рядахъ.

2) Допустимъ, что примѣръ Милля возможенъ. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, можно сказать согласно съ его примѣромъ: „армія была застигнута врасплохъ потому, что часовой ушелъ со своего поста". Но изъ этого способа выраженія отнюдь не слѣдуетъ, что подъ „потому" подразумѣвается такое же условіе, каковы всѣ остальныя въ данномъ дѣйствіи. Самъ Милль подтверждаетъ фактъ, что „привхожденіе обстоятельства, дополняющаго совокупность условій, представляетъ собою нѣкоторую перемѣну, нѣкоторое событіе... которое стоитъ въ наиболѣе тѣсномъ отношеніи, къ послѣдующему". Кромѣ того, и онъ

отмѣчаетъ, „что указаннаго явленія не случилось бы, если бы часовой былъ при исполненіи своихъ обязанностей“. Эти два объясненія самого Милля достаточно убѣдительно доказываютъ, что не всѣ условія, „предшествующія слѣдствію“, имѣютъ одинаково „тѣсное отношеніе къ послѣдующему“.

3) Нужно отличать обиходный языкъ отъ научнаго языка. Въ обиходѣ, дѣйствительно, на вопросъ „почему“, иногда отвѣчаютъ не „производящей причиной“, а ближайшей причиной перемѣны, устранившей препятствіе, какъ и въ примѣрѣ Милля. Но „полной причиной“ Милля никто никогда не отвѣчаетъ: даже самый ученый человѣкъ большей частью не знаетъ „полной причины“.

4) Наши грамматическія категоріи далеко не всегда совпадаютъ съ одноименными логическими. Таковы напр., условныя предложенія и условныя сужденія. Равнымъ образомъ причинныя предложенія не всегда выражаютъ „полную причину“ Милля. Таково напр., предложеніе: „Такъ какъ часовой ушелъ съ поста, то непріятель сдѣлалъ неожиданное нападеніе“. Уходъ часового представляетъ собою только одно изъ благопріятныхъ для непріятеля условій, а не причину, и притомъ „полную“. Уходъ его можно считать причиной устраненнаго противодѣйствія непріятелю. И остальные примѣры Милля, которые онъ противопоставляетъ своему рецензенту, относятся къ обиходному способу выраженія при помощи грамматическихъ категорій, а не къ научному обоснованію данной „причины“ или „условія“. Ссылка на неточность обиходнаго языка въ иныхъ сложныхъ случаяхъ не уничтожаетъ обычнаго правильнаго его употребленія.

5) Даже въ своемъ же примѣрѣ Милль не разобралъ полной причины, да это было бы не подъ силу даже самому талантливому полководцу; но и свою „предупреждающую причину“ Милль не разъяснилъ, и повидимому, не понялъ. Единственный его часовой, ушедшій съ поста, устранилъ единственное препятствіе къ внезапному нападенію. Слѣдовательно, его уходъ есть непосредственная причина устраненія препятствія, а не причина нападенія. (Причину же самого ухода намъ не за чѣмъ разсматривать; это безъ надобности дѣлаетъ рецензентъ Милля). Дѣйствующая причина нападенія, несомнѣнно, заключается

въ волѣ и приказѣ командующаго непріятельской арміей; а условій нападенія такъ много, что ихъ никто не въ состояніи перечислить.

6) Утверждать при этомъ, что всѣ условія имѣютъ одинаковое значеніе, и что подъ причиной нужно подразумѣвать только „полную причину", совершенно не основательно. Странно было бы притязаніе на изслѣдованіе полной причины, если мы еще не знаемъ ея составныхъ частей [1]).

§ 10. Такимъ образомъ оказывается несостоятельнымъ утвержденіе Милля, будто „отсутствуетъ всякое научное основаніе для различенія причины явленія отъ его условій" [2]). Если даже обиходный языкъ всѣхъ народовъ и временъ и здравый смыслъ всего человѣчества отличаетъ условіе и причину, хотя почти никогда не знаетъ „полной причины": то для этого различія, несомнѣнно, должны существовать объективныя и всеобщія причины, а не только капризъ „даннаго момента". То обстоятельство, что обиходный языкъ иногда употребляетъ грамматическія категоріи не соотвѣтственно аналогичнымъ логическимъ, (т. е. что онъ иногда не точенъ въ смыслѣ логики и научной терминологіи), не даетъ намъ права возводить эти неточности выраженія въ ошибку или обобщать ихъ въ общее правило, какъ это дѣлаетъ Милль. Если даже онъ, великій философъ, могъ ошибаться, то тѣмъ болѣе это позволительно обыкновеннымъ смертнымъ. Впрочемъ, въ примѣрахъ Милля не столько видны ошибки, сколько неточность выраженія обиходнаго языка. Такъ напр., если мы утверждаемъ, что „армія была застигнута врасплохъ потому, что часовой ушелъ со своего поста": то это еще не значитъ, что мы не знаемъ настоящей причины этого внезапнаго нападенія. Всякій знаетъ, что даже при уходѣ часового, нападеніе не произошло бы, если бы этого не захотѣлъ командующій арміей, и если бы подчиненные солдаты не исполнили его приказа.

Заблужденіе Милля, какъ было сказано, порождено его „позитивизмомъ": и онъ, подобно Юму и Ог. Конту, не признаетъ познаваемости внутренней, реальной связи

[1]) Подробнѣе этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ VI и въ VIII главахъ.

[2]) Тамъ же, стран. 262.

между причиной и дѣйствіемъ, т. е. онъ не признаетъ самого „причиненія“ или дѣятельности; и онъ признаетъ въ причинности только чередованіе во времени. Поэтому онъ всѣ „условія“, составляющія его „причину“, (т. е. „полную причину“) называетъ просто „предшествующими“ (обстоятельствами), а ея дѣйствіе—„послѣдующимъ“; поэтому же онъ всѣ „условія“ считаетъ однородными съ дѣйствующей причиной, не находя въ ихъ роли различія. Правда, и онъ, какъ мы видѣли, не выдерживаетъ на практикѣ своего воззрѣнія; но это были исключенія.

§ 11. Что его мнѣніе не вѣрно, видно и на его же примѣрахъ. И въ нихъ условія играютъ неодинаковую роль въ причиненіи дѣйствія по сравненію съ дѣйствующей причиной, что и самъ Милль отмѣтилъ въ одномъ изъ приведенныхъ выше мѣстъ. Это различіе онъ старался объяснить психологической „иллюзіей“, которая предрасполагаетъ насъ думать, что ближайшее событіе имѣетъ больше права считаться причиною явленія, чѣмъ какое бы то ни было изъ предшествующихъ состояній“. На самомъ дѣлѣ эта „иллюзія“ присуща всѣмъ людямъ: всѣ отличаютъ „условія“ отъ „причины“, хотя иногда относительно послѣдней ошибаются. Условія представляютъ собою не только „предшествующія“ состоянія, но они очень часто оказываются и послѣдующими состояніями, продолжая существовать и долго спустя послѣ причиненнаго дѣйствія. Такъ, въ примѣрѣ Милля относ. ушедшаго часового условій внезапнаго нападенія непріятеля было очень много; между ними мы отмѣтимъ только слѣдующія: повиновеніе солдатъ командующему, здоровье солдатъ и ихъ способность сражаться, наличность у нихъ оружія и другихъ средствъ борьбы. Однако всѣ эти условія могутъ продолжаться и послѣ произведеннаго непріятелемъ нападенія, даже въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ. Слѣдовательно совершенно неправильно и самое обозначеніе условій терминомъ „предшествующія“ обстоятельства: Милль въ его употребленіи не сдѣлалъ даже оговорки, что эти „предшествующія“ могутъ быть и одновременными и даже могутъ продолжаться послѣ дѣйствія, какъ они и до него могли существовать неопредѣленно долгое время, не производя „слѣдствія“, пока къ нимъ не присоединилась дѣйствующая при-

чина [1]). Причина же всегда предшествуетъ причиненному ею дѣйствію. Уже это одно различіе достаточно существенно, и его въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ обычный здравый смыслъ человѣка; а исключенія не уничтожаютъ правила.

§ 12. Сверхъ того, тѣ же условія могутъ быть на лицо при всевозможныхъ дѣйствіяхъ; они могутъ быть на лицо, не производя никакого дѣйствія. Между тѣмъ дѣйствующая причина всегда хоть чѣмъ-нибудь обнаружится, даже если-бы не всѣ условія были на лицо. При однородныхъ условіяхъ причина всегда производитъ одно опредѣленное дѣйствіе. Поэтому на дѣйствующую причину мы всегда обращаемъ больше вниманія, чѣмъ на условія: послѣднія, какъ было сказано, весьма часто неизвѣстны намъ, хотя причина извѣстна. Поэтому дѣйствующая причина всегда крѣпко ассоціируется со своимъ дѣйствіемъ, и это обстоятельство породило заблужденіе Юма, будто причинность сводится къ привычной ассоціаціи [2]). Наоборотъ, даже тожественныя условія не ассоціируются такъ тѣсно, какъ причина, со своимъ дѣйствіемъ. Дѣло въ томъ, что тѣ же условія могутъ сопровождать весьма различныя дѣйствія. Поэтому, на вопросъ, почему брошенный камень упалъ, языкъ обихода не скажетъ: потому, что существуетъ земля или потому что камень имѣетъ вѣсъ. Условіями земли и вѣса—сопровождается и покой камня, и его раздробленіе подъ молотомъ каменщика, и его нагрѣваніе, и его химическое разложеніе; а причина этихъ измѣненій камня въ каждомъ случаѣ иная. Причиной покоя служитъ равновѣсіе между тяготѣніемъ и молекулярнымъ сцѣпленіемъ основанія, поддерживающаго камень; причиной раз-

[1]) Въ своемъ учебникѣ логики, я для краткости, удержалъ терминъ „антецеденціи“, но сдѣлалъ приведенную выше оговорку относительно условій.

[2]) Такихъ дѣйствій, которыя могутъ быть вызваны разными дѣйствующими причинами, даже въ мірѣ духовномъ сравнительно мало, а въ мірѣ физическомъ ихъ чрезвычайно мало; впрочемъ, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, извѣстныхъ намъ, возможно, что тѣ различныя причины, вызывающія одинаковыя дѣйствія, представляютъ собою проявленія одной силы или одного качества, не доступнаго нашему прямому воспріятію. Такъ напримѣръ, теплота, вызываемая различными причинами, можетъ быть во всѣхъ случаяхъ молекулярнымъ движеніемъ.

дробленія служатъ удары молотомъ; причиной нагрѣванія камня могутъ быть прямые лучи солнца; причина химическаго разложенія камня состоитъ въ прикосновеніи его съ опредѣленными веществами, въ которыхъ химикъ предполагаетъ особую силу—химическое сродство.

Постоянныхъ, т. е. всегда находящихся на лицо, условій мы обыкновенно и не замѣчаемъ. Кто напр., отвѣтитъ на вопросъ: что больше всего необходимо для веденія войны? Различные по профессіи люди отвѣтятъ различно; но врядъ ли кому придетъ въ голову: здоровье, вода, умѣренная теплота, пища, воздухъ. Все это „само собой“ разумѣется. Многія изъ условій подразумѣваются, если они извѣстны, а объ иныхъ мы ничего не знаемъ и даже не догадываемся [1]). Относительно дѣйствующей причины мы не успокаиваемся, пока ее не отыщемъ; а если это невозможно, то мы строимъ свои предположенія, догадки, гипотезы, теоріи.

§ 13. Такъ напримѣръ, относительно человѣческихъ дѣйствій (а именно сознательныхъ) каждому извѣстно, что ихъ причиной (дѣйствующей) есть воля: точнѣе, опредѣленный волевой актъ, соотвѣтствующій данному дѣйствію. Однако условія его не всѣ извѣстны, даже весьма свѣдущему и опытному психологу. Возьмемъ несложный процессъ: предположимъ я рѣшился написать письмо своему знакомому Б. Это вполнѣ находится въ моей власти. Я уже обдумалъ и содержаніе, и вынулъ почтовую бумагу, и написалъ обращеніе; но вдругъ, что-то меня остановило. „Нѣтъ, напишу завтра“ мелькаетъ мысль, и я принимаюсь за другое дѣло, которое будетъ окончено черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. На другой день я вспоминаю о своемъ намѣреніи написать письмо; но опять что-то мнѣ „помѣшало“. Проходитъ еще день, другой, и наконецъ я забываю о своемъ намѣреніи. Въ такихъ случаяхъ на вопросъ „почему не писалъ“ обыкновенно отвѣчаютъ „не было времени“ или „забылъ“. На самомъ дѣлѣ эти отвѣты, не совсѣмъ вѣрны. „Забвеніе“ наступило на третій или четвертый день. А въ первый день, очевидно, было и „время“, если я уже принимался за письмо. Однако мое рѣшеніе не осуществилось.

Теперь предположимъ, что отвѣтъ „не было времени“

[1]) См. мой Учебникъ логики, 2 изд. § 50 и упражненіе XLVI стран. 168.

соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Что онъ означаетъ? Очевидно—то, что меня занимали другія дѣла или развлеченія, которыя въ моихъ глазахъ важнѣе письма. Слѣдовательно, тутъ моему рѣшенію написать—противодѣйствовали другіе мои интересы. Итакъ въ данномъ случаѣ причиной неосуществленнаго моего намѣренія нужно считать не „время“ и его отсутствіе, а противодѣйствія, нерѣдко ускользающія отъ самаго наблюдательнаго психолога.

§ 14. Дѣйствующая причина въ реальномъ мірѣ насъ всегда больше интересуетъ, чѣмъ условія. Если данное животное для насъ опасно, то мы удаляемся отъ него, хотя бы и не знали условій его дѣйствія: отъ гадюки, которая можетъ ужалить до смерти, мы бѣжимъ, хотя бы и знали, что она жалитъ только при извѣстныхъ условіяхъ. Всѣхъ этихъ условій, быть-можетъ, никогда не узнаетъ естествоиспытатель, а жить хочется каждому нормальному человѣку. Очевидно, инстинктъ самосохраненія, заставляющій человѣка и животныхъ избѣгать опасныхъ враговъ, разумнѣе иныхъ философскихъ мудрствованій!

Только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда причина ускользаетъ отъ нашего наблюденія, когда она неизвѣстна, мы довольствуемся изученіемъ условій даннаго дѣйствія. Такъ напр., врачи, не зная причины чахотки, и до открытія Коховскихъ бациллъ, лѣчили чахотку тѣмъ, что устраняли условія, благопріятныя для развитія чахотки и ея смертельнаго исхода.

§ 15. Гораздо проще процессы неорганическаго міра; однако и тутъ мы часто не знаемъ всѣхъ условій, хотя и знаемъ дѣйствующую причину. Такъ напр., всѣмъ извѣстна причина вскрытія рѣкъ весною: она заключается въ солнцѣ, т. е. въ усиленномъ нагрѣваніи имъ земли. Но ни одинъ метеорологъ не можетъ точно предсказать, въ какой день вскроется такая-то рѣка. Она можетъ вскрыться недѣлей или двумя раньше или позже. Это зависитъ отъ разныхъ сопутствующихъ обстоятельствъ и условій, которыя намъ неизвѣстны. Итакъ *дѣйствующая причина можетъ быть извѣстной, а условія—неизвѣстны.*

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Всѣ знаютъ, что пушки изготовляются для стрѣльбы, и притомъ—въ цѣль; но никто, кромѣ скептика, въ родѣ Милля, не сочтетъ пушку причиной

или „частью причины“ выстрѣла. Чтобы это дѣйствіе осуществилось, для этого нужны многія условія, извѣстныя механикамъ, изготовляющимъ пушки. (Для упрощенія вопроса я оставлю въ сторонѣ прицѣлъ и мѣткость стрѣльбы). Я перечислю только нѣкоторыя условія: 1) пушка должна быть извѣстной крѣпости въ обезпеченіе отъ разрыва; 2) стволъ ея долженъ быть прямымъ, цилиндрическимъ внутри; 3) съ одной стороны (казенной части) стволъ долженъ быть закрытъ; 4) въ стволъ долженъ быть вложенъ порохъ въ опредѣленномъ количествѣ; 4) самый порохъ долженъ быть изготовленъ опредѣленнымъ образомъ: напримѣръ, онъ не долженъ быть слишкомъ мелкимъ... 5) стволъ долженъ имѣть опредѣленное направленіе, 6) долженъ быть на лицо зажигатель пороха. Но всѣ эти условія могутъ существовать рядомъ и десятки лѣтъ, а выстрѣла не произойдетъ, пока зажигатель не воспламенитъ пороха. Воспламененіе пороха считается *причиной* выстрѣла: но это выраженіе нуждается въ поправкѣ. Воспламененіе пороха есть причина быстраго образованія газовъ, а ихъ *упругость производитъ* быстрое выталкиваніе ядра по направленію открытой стороны ствола, т. е. *выстрѣлъ*. Слѣдовательно, ближайшая *дѣйствующая* причина выстрѣла есть *упругость газовъ*, которая обнаружилась вслѣдствіе воспламененія пороха. Все же остальное, необходимое для выстрѣла, составляетъ его *условія*. Объ этихъ условіяхъ, при нормальномъ положеніи дѣлъ, и не думаетъ артиллеристъ. При изготовленіи первыхъ пушекъ въ XV вѣкѣ многія не были извѣстны, да и теперь еще далеко не всѣ условія мѣткости стрѣльбы извѣстны. Однако причины стрѣльбы и даже попаданія извѣстны.

§ 16. Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что и ученые спеціалисты часто не знаютъ „*полной* причины“, не знаютъ *всѣхъ* условій; а все же знаютъ дѣйствующую причину. Слѣдовательно и научныя изслѣдованія большей частью довольствуются раскрытіемъ *дѣйствующей*, а не „полной“ причины, и раскрытіемъ отдѣльныхъ условіи, а не всѣхъ вмѣстѣ. Въ наукѣ уже много вѣковъ тому назадъ установился терминъ causa efficiens, т. е. дѣйствующей причины; онъ беретъ свое начало еще отъ Аристотеля; но онъ свойственъ и обычному здравому смыслу человѣка.

Правда, и ученые могутъ иногда смѣшивать дѣйствующую причину съ однимъ изъ условій; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы возможную ошибку возводить въ правило логики.

Подъ *дѣйствующей причиной* въ естественныхъ наукахъ разумѣютъ ту *силу или дѣятельность, которая производитъ данное дѣйствіе* (при наличности нѣкоторыхъ условій); *она всегда предшествуетъ дѣйствію.*

Въ обиходномъ языкѣ подъ „причиной“ разумѣютъ не только „дѣйствующую причину“, но иногда и ту предшествующую перемѣну, которая повлекла за собой рядъ послѣдующихъ перемѣнъ; таковой, напр.; бываетъ и уничтоженіе противодѣйствія, которое тоже называется причиной по отношенію къ послѣдовавшимъ послѣ этого перемѣнамъ; къ этому сводятся „отрицательныя условія“ Милля. Въ наукѣ въ этомъ случаѣ слѣдовало бы, во избѣжаніе недоразумѣній, употреблять другой терминъ,—напр. „причиняющее условіе“ или „критическая перемѣна“ [1]).

Условіемъ же (существеннымъ) называется *состояніе, качество или наличность предмета, безъ которыхъ никогда не бываетъ даннаго дѣйствія.*

Таковы тѣ понятія о причинности, которыя уже тысячелѣтія существуютъ у мыслящихъ людей. Какъ мы видѣли, позитивизмъ Милля напрасно старался ихъ отвергнуть.

§ 17. Скептическихъ взглядовъ на причинность никогда не раздѣляли серіозные ученые естествоиспытатели и даже философы. И Юму, и Миллю неоднократно дѣлались возраженія. Не такъ давно и нашъ проф. Л. Лопатинъ написалъ капитальное изслѣдованіе о „законѣ причинной связи“, въ которомъ дѣлаетъ серьезныя возраженія и Юму, и Канту, и Миллю; только онъ разсуждаетъ отвлеченно, нигдѣ не анализируя конкретныхъ примѣровъ изъ естествознанія. Тѣмъ не менѣе его возраженія весьма цѣнны для спеціалиста. Отсылая заинтересованныхъ читателей къ подлиннику, я выпишу здѣсь только его возраженія, сдѣланныя Миллю. „Остроумныя и нерѣдко глубокіе [sic!] доводы Милля все-таки не освобождаютъ его теоріи отъ ея двухъ главныхъ недостатковъ: 1)... предположеніе о безусловно постоянной

[1]) Подробнѣе я разберу подобные случаи въ своемъ изслѣдованіи „Познаніе и его объектъ“, которое появится въ непродолжительномъ времени.

послѣдовательности, которая была бы только послѣдовательностью, безъ чего-либо активно связующаго ея звенья, оказывается совершенно невмѣстимымъ, абсолютно невѣроятнымъ, себѣ противорѣчащимъ: отожествлять причинность съ неуклоннымъ слѣдованіемъ, съ этой точки зрѣнія, значитъ обращать ее въ понятіе явно нелѣпое [Маркировка проф. Лопатина]. 2) Обобщеніе вполнѣ достовѣрное Милль замѣняетъ обобщеніемъ, по существу сомнительнымъ. Отвергать всякую внутреннюю связь въ событіяхъ вселенной означаетъ, какъ мы уже видѣли, идти противъ всѣхъ разумныхъ вѣроятностей; напротивъ, для утвержденія, что единообразіе явленій обладаетъ безусловнымъ характеромъ, опытъ даетъ слишкомъ шаткія основанія“ [1]). Таковы возраженія Миллю, сдѣланныя проф. Лопатинымъ. Какъ мы выше убѣдились на собственныхъ примѣрахъ Милля, его доводы даже „не глубоки“.

§ 18. Скептицизмъ Милля въ вопросѣ о причинности не идетъ такъ далеко, какъ ученіе Канта. Милль признаетъ причинность существующей и въ реальномъ мірѣ, только онъ понимаетъ ее какъ безусловно единообразную послѣдовательность явленій, а не какъ активность или дѣятельность. Безъ признанія единообразія въ природѣ невозможно было бы ея изслѣдованіе, въ особенности же индуктивные методы. Кантъ, по странному недоразумѣнію, отрицаетъ это единообразіе въ реальномъ мірѣ, между „вещами въ себѣ“: онъ полагалъ, что порядокъ между явленіями устанавливается нашимъ умомъ,—„синтетической дѣятельностью апперцепціи“ и апріорной категоріей причинности. Между „вещами въ себѣ“, въ этомъ таинственномъ царствѣ „ноуменовъ“, по мнѣнію Канта, не существуетъ даже чего-нибудь похожаго на причинность, не существуетъ даже ея коррелата. Противорѣчія этого воззрѣнія кратко, но весьма убѣдительно раскрыты въ упомянутомъ изслѣдованіи проф. Лопатина [2]).

---

[1]) *Л. Лопатинъ*, Положит. задачи философіи, ч. II, стран. 144.
[2]) *Л. Лопатинъ*, Полож. задачи философіи II ч. стран. 124—144.

VI. Матеріальная индукція. Миллевскіе методы.

§ 1. Авторитетъ Милля въ логикѣ настолько великъ, что его ошибки повторяются почти всѣми нашими учебниками; проф. Введенскій въ этомъ не составляетъ исключенія. Мало того, его примѣры еще менѣе удачны, чѣмъ худшіе примѣры Милля; притомъ проф. Введенскій заблужденія Милля еще обострилъ своими оригинальными прибавками. Скептицизмъ проф. Введенскаго идетъ дальше всѣхъ скептиковъ. Какъ мы видѣли въ IV главѣ, онъ недвусмысленно высказываетъ свои сомнѣнія даже относительно закона причинности. Однако въ XIII главѣ своей новой логики онъ все же излагаетъ Миллевскіе методы индукціи, разъясняя задачи эмпирическихъ наукъ[1]).

Все это говорится въ новой логикѣ такъ же, какъ и въ логикахъ и изслѣдованіяхъ всѣхъ ученыхъ, чуждыхъ скептицизма и вѣрящихъ въ причинность и законосообразность природы, а равно—въ истину, въ возможность познать ее и, наконецъ, въ ея наличность хоть въ нѣкоторыхъ естественныхъ наукахъ, каковы: астрономія, физика, химія, механика. У проф. Введенскаго въ началѣ его XIII главы проскользнуло даже выраженіе относительно причины, совсѣмъ

---

[1]) Новая лог. § 161, стран. 114.

Таковыя науки, по его словамъ, „прежде всего стараются собирать и описывать данныя опыта... всѣ онѣ... по крайней мѣрѣ стремятся узнать причины, обусловливающія эти явленія и законы, управляющіе связью и ходомъ разсматриваемыхъ явленій, а послѣ того стараются при помощи этого знанія, съ одной стороны, объяснять природу... а съ другой—предсказывать ея явленія и дать намъ возможность распоряжаться ими".

не соотвѣтствующіе его скептицизму. Тутъ онъ говоритъ „о прямо наблюдаемыхъ причинахъ, производящихъ [sic!] явленія природы“. Это выраженіе, я думаю, только проскользнуло нечаянно, такъ какъ во всей главѣ проф. Введенскій не только не признаетъ „производящихъ причинъ“, но даже усердно полемизируетъ противъ ихъ допущенія. Это его заблужденіе всецѣло заимствовано изъ логики Милля.

§ 2. Проф. Введенскій, использовавшій въ значительной мѣрѣ и II часть моего учебника логики, все же не принялъ проведеннаго въ немъ различія между условіями и дѣйствующей причиной: по видимому, авторитетъ Милля не позволилъ ему внимательно отнестись къ моимъ словамъ. Согласно съ Миллемъ, проф. Введенскій дѣйствующую причину тоже считаетъ „условіемъ“; термина „дѣйствующей причины“ онъ не признаетъ: у него слово „причина“ должно означать только „полную причину“, т. е. совокупность всѣхъ „условій“ (въ томъ числѣ и дѣйствующую причину). Вотъ его подлинныя слова: „каждое явленіе только тогда называется причиной другого явленія... если возникновенія перваго вполнѣ достаточно, чтобы всегда [sic!] и вездѣ [sic!] вмѣстѣ съ нимъ... возникало и второе, хотя бы и незамѣтнымъ для насъ образомъ“. [sic! Маркировка всего этого опредѣленія сдѣлана въ новой логикѣ крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ]. Послѣ этого нѣсколькими строками ниже проф. Введенскій поясняетъ: „... для возникновенія этого У [т. е. дѣйствія] вовсе не требуется, чтобы на ряду съ явленіемъ Х. [т. е. съ причиной] возникло или заранѣе существовало еще какое-нибудь другое явленіе, такъ что У возникаетъ при какихъ угодно обстоятельствахъ [марк. проф. Введенскаго], лишь бы возникло явленіе Х.“ [1]). Затѣмъ, двумя страницами дальше проф. Введенскій обстоятельно разъясняетъ понятіе „полной причины“, въ которую могутъ входить „составныя части“, т. е. то, что мы называемъ условіями и дѣйствующей причиной [2]). Однако черезъ одинъ параграфъ проф. Введенскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Но не только въ обыденной жизни, а даже и въ наукѣ мы нерѣдко слово

[1]) Нов. Лог. § 169, стран. 123.

[2]) Тамъ же § 171, стран. 125.

„причина“ употребляемъ также и въ смыслѣ составной части причины, т. е. въ смыслѣ всего лишь одного изъ условій... мы нерѣдко называемъ прямо причиной такую часть причины, которой только одной мы интересуемся въ данный моментъ [sic!], вслѣдствіе чего на нее одну только и обращаемъ наше вниманіе“ [1]).

§ 3. Послѣ этого приводится примѣръ съ звучащимъ колокольчикомъ и, наконецъ, дѣлается слѣдующій выводъ: „Но такое двойственное употребленіе слова „причина“, при которомъ подъ нимъ подразумѣвается то сама причина, [т. е. полная причина], то ея составная часть, можетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи вызвать крупныя недоразумѣнія. Поэтому мы условимся, [говоритъ проф. Введенскій] какъ это и дѣлается обыкновенно въ логикѣ, [на самомъ дѣлѣ только у Милля и его послѣдователей] во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи подъ словомъ „причина“ подразумѣвать только саму причину, т. е., **полную причину**, а каждую изъ ея составныхъ частей, какъ бы ни интересовались мы ею въ данную минуту, такъ и называть „частью причины“. [Вся маркировка сдѣлана проф. Введенскимъ крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ]. Какъ мы увидимъ, этого „условимся“ проф. Введенскій не сдерживаетъ. И онъ самъ часто свой терминъ „причина“ употребляетъ въ смыслѣ „дѣйствующей“, а не „полной“ причины. Относительно предыдущихъ параграфовъ, (§§ 164—166), въ которыхъ онъ разсуждаетъ о „гипотезахъ“, самъ проф. Введенскій сознается въ этомъ [2]); на самомъ дѣлѣ онъ и послѣ своего „условимся“ нерѣдко употребляетъ свой терминъ „причина“ и въ другомъ значеніи, т. е. въ смыслѣ „дѣйствующей причины“. Поэтому-то получаются тѣ „крупныя недоразумѣнія“, которыхъ желалъ избѣгнуть проф. Введенскій при помощи своего „условимся“ [3]). Такъ же точно проф. Введенскій не исполняетъ своего „условія“ и отно-

[1]) Тамъ же, стран. 125—126. Какъ вяжется это „всегда“ и „вездѣ“ въ опредѣленіи причины съ скептицизмомъ проф. Введенскаго относительно закона причинности, т. е. основного принципа естествознанія, я предоставляю на судъ читателей.

[2]) Тамъ же, стр. 126, 18 строка св.

[3]) Нарушенія его имѣются въ §§ 176, 177, 178, 180, о чемъ будетъ подробнѣе изложено ниже.

сительно „частей причины“. И онъ часто называетъ ихъ „условіями“. Такъ напримѣръ, въ §§ 176 и 184. Очевидно, здравый смыслъ иногда пробивается сквозь плохую философію.

§ 4. Смѣшеніе двухъ значеній слова „причина“ имѣется и на примѣрахъ, приведенныхъ въ новой логикѣ проф. Введенскаго. Такъ напр., въ § 176 по случаю индуктивнаго метода различія, описывается и объясняется одинъ экспериментъ слѣдующими словами: „1) подъ колпакомъ воздушнаго насоса ставится звучащее тѣло, напримѣръ, электрическій колокольчикъ. Пока тамъ находится воздухъ, при ударахъ молотка колокольчика по послѣднему, возникаетъ звукъ. 2) Но оставимъ всѣ прежнія обстоятельства безъ всякой перемѣны (въ томъ числѣ и дѣйствіе молотка), кромѣ одного, именно: выкачаемъ, т. е. устранимъ, воздухъ изъ-подъ колпака воздушнаго насоса. Тогда звукъ не возникаетъ. Отсюда ясно, [заключаетъ проф. Введенскій] что присутствіе воздуха подъ колпакомъ машины составляетъ или причину [sic!] или, по крайней мѣрѣ, часть причины возникновенія звука“. Такъ объясняетъ проф. Введенскій этотъ экспериментъ [1]).

Ни одинъ ученый физикъ не назоветъ „присутствіе воздуха“ причиной звука, ни даже „частью причины возникновенія звука“. Воздухъ, какъ извѣстно, не исчезаетъ съ поверхности земли и во время полной тишины, напримѣръ, ночью, однако тогда „звуки не возникаютъ“. Съ другой стороны, звуки могутъ возникать и безъ „присутствія воздуха“. Какъ извѣстно, колебанія звучащаго тѣла могутъ передаваться и черезъ другую среду, напримѣръ, черезъ воду. Такъ, рыбы и въ водѣ воспринимаютъ звуки [2]). Колебанія звучащаго тѣла, напримѣръ, камертона, могутъ передаваться и черезъ твердыя тѣла, непосредственно черезъ кости черепа. Слѣдовательно „присутствіе воздуха“ не можетъ считаться даже существеннымъ условіемъ или, какъ выражается проф. Введенскій, „частью причины“ возникновенія звука.

Шестью страницами раньше проф. Введенскій приводилъ

---

[1]) Нов. лог. § 176, стран. 132.

[2]) См. С. Аксаковъ, Зап. объ уженіи рыбы: 14, 202.

такой же примѣръ звучащаго колокольчика (но безъ воздушнаго насоса). Тамъ „на вопросъ о причинѣ звука“ проф. Введенскій объясняетъ: „обыкновенно мы отвѣчаемъ, что тамъ стало колебаться такое-то звучащее тѣло... хотя мы твердо помнимъ, [sic!] что звукъ раздается только въ томъ случаѣ, если звучащее тѣло... окружено воздухомъ или какой-нибудь другой упругой средой, и что поэтому колебанія звучащаго тѣла еще не составляютъ полной причины того обстоятельства, что раздался звукъ“ [1]).

Итакъ воздухъ часто бываетъ однимъ изъ условій передачи колебаній звучащаго тѣла, но не всегда причиной же никто его не считаетъ.

§ 5. Проф. Введенскій открылъ даже причину, почему „не только въ обыденной жизни, а даже и въ наукѣ мы не рѣдко [sic!] слово причина употребляемъ также въ смыслѣ составной части причины“, [т. е. въ смыслѣ „дѣйствующей причины“, или „causa efficiens“]. Причину этого употребленія термина „причина“ проф. Введенскій разъясняетъ на своемъ примѣрѣ съ звучащимъ колокольчикомъ, а именно, что „въ данную минуту изо всѣхъ составныхъ частей полной причины этого явленія насъ интересуютъ одни лишь колебанія звучащаго тѣла, и потому мы безъ всякаго стѣсненія [sic!] называемъ ихъ „причиной“ того, что раздался звукъ“ (стр. 126). Видно, проф. Введенскій очень низкаго мнѣнія объ умѣ человѣка вообще, и ученыхъ естествовѣдовъ въ частности. Было бы очень печально, если-бы въ наукѣ руководились капризомъ „даннаго момента“. Тогда не за чѣмъ было бы придумывать и употреблять въ теченіе вѣковъ особое названіе, „causa efficiens“, вмѣсто обыкновеннаго „causa“, а именно—для того, что мѣняется съ момента въ моментъ у каждаго человѣка. Впрочемъ, проф. Введенскій упустилъ изъ виду, что причину звука знаютъ и маленькіе пастушки горныхъ мѣстъ, которые ничего не знаютъ о „полной причинѣ звука“, выставленной Миллемъ, которые никогда и не слышали о „колебаніяхъ звучащаго тѣла“. Слѣдовательно эти колебанія не могутъ ихъ „инте-

[1]) Изъ этихъ словъ проф. Введенскаго видно, что шестью страницами раньше (126 стр.) онъ зналъ, что колебанія звучащаго тѣла могутъ передаваться и другими упругими тѣлами, помимо воздуха. Черезъ шесть страницъ (132 стр.) онъ забылъ объ этомъ.

ресовать въ данную минуту". Между тѣмъ и они знаютъ, почему звучитъ колокольчикъ, привѣшенный къ шеѣ коровы; по этому звуку они и отыскиваютъ забредшую слишкомъ далеко корову. Еслибы они причину звона искали въ воздухѣ, какъ проф. Введенскій, то они къ концу лѣта остались бы безъ коровъ. Но такъ какъ этого никогда не случается, то очевидно, что пастушки правильно судятъ о причинѣ звона колокольчика, не зная ничего объ его условіяхъ, напримѣръ, о колебаніяхъ воздуха; иные изъ нихъ, вѣдь, не знаютъ даже о существованіи воздуха. А кто о немъ знаетъ, тотъ обыкновенно знаетъ также, что воздухъ бываетъ и при полной тишинѣ, и при солнечномъ свѣтѣ, и при молніи, и при дождѣ, и при смерти, и при болѣзни. Однако ни одно изъ этихъ явленій никто не приписываетъ воздуху и даже не причисляетъ его къ „частямъ ихъ причины". Поэтому условіе звука, въ особенности воздухъ, который на столько добръ къ человѣку, что никогда не покидаетъ земной поверхности, можетъ интересовать только физика; а причиной звука (т. е. дѣйствующей) интересуются даже дѣти, начиная съ трехъ лѣтъ. Незнакомый звукъ ихъ пугаетъ, пока они не узнаютъ его причину. Дѣло въ томъ, что только причина „причиняетъ" дѣйствіе; а такъ какъ таковое можетъ быть опаснымъ для человѣка, то инстинктъ самосохраненія заставляетъ младенца интересоваться причиной звука, а не однимъ изъ его условій, каковымъ есть воздухъ. Слѣдовательно причиной звука вызывается интересъ, а не наоборотъ, какъ то думаетъ проф. Введенскій. Какъ бы я ни интересовался какимъ-либо условіемъ, его роль отъ этого не измѣнится въ реальномъ мірѣ; напротивъ, мой интересъ къ нему можетъ измѣняться весьма разнообразно, въ зависимости отъ реальнаго міра.

§ 6. Еще рельефнѣе обнаруживается путаница въ двусмысленномъ терминѣ „причина" на другомъ примѣрѣ проф. Введенскаго, а именно въ § 169. Тутъ авторъ новой логики рѣшительно высказывается противъ всякихъ „добавочныхъ условій" и для подтвержденія сказаннаго приводитъ примѣръ „нагрѣванія ртути, которое мы считаемъ прямо наблюдаемой причиной ея расширенія. Что же это значитъ? [восклицаетъ проф. Введенскій]. То, что ея нагрѣванія вполнѣ достаточно, и не нужно никакихъ

добавочныхъ условій, чтобы всегда [sic!] и вездѣ [sic!] одновременно съ нимъ происходило и ея расширеніе", отвѣчаетъ онъ же [1]). Любопытно такое рѣшительное сужденіе подъ перомъ скептика! Въ данномъ случаѣ, оно прямо невѣрно, не только относительно „вездѣ", но и относительно „всегда". Оно невѣрно и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что относительно множества тѣлъ уже установленъ такой критическій моментъ, когда нагрѣваніе не производитъ расширенія. И ртуть имѣетъ подобный критическій моментъ. Относительно воды каждому извѣстно, что отъ нагрѣванія ея отъ ноля до +4°С, она не только не расширяется, но даже сжимается. Поэтому-то ледъ плаваетъ на водѣ, и рѣки не замерзаютъ до дна.

Проф. Введенскій вспомнилъ или узналъ объ этомъ фактѣ черезъ восемь параграфовъ, когда восьмой листъ его новой логики уже былъ напечатанъ, и въ § 177 (стран. 134, 15 сн.) онъ уже говоритъ совсѣмъ другое, а именно: „Заключать, что нагрѣваніе служитъ причиной расширенія нагрѣваемаго тѣла, конечно, [sic!] мы еще не въ правѣ: можетъ быть, причиной (въ смыслѣ полной причины) служитъ не одно лишь нагрѣваніе, но и его соединеніе съ какимъ-либо изъ обстоятельствъ... [проф. Введенскій въ этомъ мѣстѣ избѣгаетъ слова „условіе"]. Въ дѣйствительности такъ оно и оказывается [поясняетъ почтенный проф.]: возникаетъ ли расширеніе нагрѣваемаго тѣла или нѣтъ, зависитъ еще и отъ другихъ обстоятельствъ, [т. е. условій] кромѣ нагрѣванія, хотя бы отъ природы нагрѣваемаго тѣла. Вѣдь нѣкоторыя тѣла уменьшаются въ объемѣ при ихъ нагрѣваніи" [2]). Итакъ проф. Введенскій въ § 177 отрицаетъ то, что утверждалъ восьмью параграфами раньше въ той же XIII главѣ. Однако онъ не счелъ нужнымъ исправить свою прежнюю ошибку; онъ даже не сознается въ ней [3]).

---

[1]) Нов. лог. § 169, стр. 123.

[2]) Новая лог. стран. 134.

[3]) Тамъ-же, стр. 124. Сознаться въ сдѣланной ошибкѣ, конечно, непріятно и обыкновеннымъ смертнымъ: поэтому лучше ихъ не дѣлать, въ учебникѣ. Проф. Введенскій могъ избѣгнуть этой непріятности, перепечатавъ осьмой листъ; однако это было сопряжено съ нѣкоторымъ расходомъ. Почтенный проф. не сдѣлалъ этого расхода; зато

§ 7. Такъ же точно не разобрался проф. Введенскій и въ причинѣ нагрѣванія термометра солнечными лучами въ томъ же примѣрѣ, приводимомъ имъ для иллюстрированія понятія, причина"; а именно въ § 169 онъ говоритъ слѣдующее: „Хотя обыкновенно мы и наблюдаемъ въ термометрѣ расширеніе ртути, какъ только шарикъ термометра освѣщается солнечными лучами, тѣмъ не менѣе этого освѣщенія мы не считаемъ причиной расширенія ртути. [sic!] Почему же? [спрашиваетъ почтенный профессоръ]. Потому, что есть истинныя, а не только кажущіяся исключенія изъ связи расширенія ртути съ ея освѣщеніемъ солнечными лучами: стоитъ только пропустить послѣдніе, прежде чѣмъ они упадутъ на ртуть, черезъ такое прозрачное, т. е. пропускающее свѣтовые лучи, вещество, которое поглощало бы тепловые лучи солнечнаго свѣта (напр. водный растворъ квасцовъ) и ртуть уже не будетъ расширяться, хотя будетъ освѣщена солнечными лучами". [Конецъ параграфа 169][1]). Тутъ приводитъ почт. проф., самъ не замѣчая этого, два различныхъ случая, въ которыхъ мы имѣемъ не тожественныя дѣйствующія силы, т. е. не тожественныя антецеденціи, которыя можно считать причиной нагрѣванія термометра. Въ первомъ случаѣ, т. е. „обыкновенно" на термометръ падаютъ обыкновенные лучи солнца, содержащіе въ себѣ и тепловые лучи; а при экспериментѣ, упомянутомъ проф. Введенскимъ, необыкновенные, въ которыхъ отсутствуютъ тепловые лучи, поглощенные другимъ тѣломъ, черезъ которое они прошли. Проф. Введенскій, какъ

онъ старается замаскировать свою прежнюю ошибку, повторяя свой примѣръ съ другимъ объясненіемъ, которое пріурочиваетъ къ „методу единственнаго измѣненія". При этомъ онъ отсылаетъ читателя еще и къ своимъ „дополненіямъ для самообразованія" въ концѣ книги (стран. 186). Тутъ проф. Введенскій пространно полемизируетъ съ мнѣніемъ воображаемыхъ „другихъ"; на самомъ дѣлѣ эта полемика, представляющая собою Spiegelfechterei (фехтованіе со своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ) относится къ собственному ошибочному утвержденію автора, приведенному выше. На это „фехтованіе передъ зеркаломъ" авторъ израсходовалъ 46 строкъ мелкой печати, т. е. одну страницу: зато онъ считалъ себя избавленнымъ отъ необходимости перепечатать цѣлый листъ въ 16 страницъ, въ которомъ заключается вышеозначенная ошибка, недозволительная въ учебникѣ для гимназій.

[1]) Нов. лог. стран. 124. § 169.

мы видимъ, не вникъ въ содержаніе своихъ же словъ, и нарушилъ основной законъ мышленія, т. е. законъ тожества. Сдѣлавъ эту ошибку, проф. Введенскій отказывается признать причиной нагрѣванія термометра и падающіе на него обыкновенные лучи. Онъ смѣло идетъ противъ общеизвѣстнаго факта, признаннаго и физикой, и всѣмъ человѣчествомъ.

§ 8. Такъ какъ понятіе „причины“ неправильно понято и формулировано Миллемъ, то и онъ иногда употребляетъ его не въ своемъ, произвольномъ значеніи, а въ обычномъ смыслѣ, уступая здравому смыслу. Только этимъ можно объяснить и тотъ фактъ, что правила индуктивныхъ методовъ, данныя Миллемъ, не соотвѣтствуютъ принятому имъ толкованію и опредѣленію причины. Если же въ нихъ понятіе причины принять въ Миллевскомъ смыслѣ, то онѣ оказываются невѣрными. Такъ, первое правило формулировано Миллемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если два или болѣе случая подлежащаго изслѣдованію явленія имѣютъ общимъ лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство, въ которомъ только и согласуются всѣ эти случаи, есть причина (или слѣдствіе) даннаго явленія“ [1]). Если въ этой формулѣ слово „причина“ понять въ смыслѣ „полной причины“ (т. е. совокупности всѣхъ условій вмѣстѣ съ дѣйствующей причиной), то не трудно убѣдиться, что это правило индукціи никогда не можетъ открыть полной причины. Дѣло въ томъ, что даже въ самомъ простомъ, т. е. несложномъ, явленіи всегда имѣется на лицо нѣсколько условій, кромѣ дѣйствующей причины: слѣдовательно единственное обстоятельство, общее всѣмъ случаямъ, не можетъ представлять собою полной причины; т. е. совокупности всѣхъ „условій“. Возьмемъ единственный примѣръ, приведенный Миллемъ для иллюстраціи изслѣдованія причины по методу сходства. „Положимъ, напр. [говоритъ Милль], слѣдствіе *a* [т. е. изслѣдуемое явленіе] есть *кристаллизація*. Мы сравниваемъ случаи, въ которыхъ, какъ намъ извѣстно, тѣла принимаютъ кристаллическое строеніе, но которые не имѣютъ между собой сходства ни въ чемъ другомъ. Мы находимъ, что всѣ они имѣютъ одно и, насколько мы можемъ замѣ-

[1]) Система логики, III кн. гл. VIII. § 1. стран. 313.

тить, только одно общее предыдущее: отложеніе твердаго вещества изъ жидкаго состоянія—изъ состоянія расплавленнаго или изъ раствора. Отсюда мы заключаемъ, что неизмѣннымъ предыдущимъ кристаллизаціи вещества является отвердѣніе его изъ жидкаго состоянія".

§ 9. Этотъ примѣръ Милля, даже въ его изложеніи, доказываетъ, что „единственное общее предыдущее", а именно —„отложеніе твердаго вещества изъ жидкаго состоянія" не есть ни полной причиной кристаллизаціи, ни даже дѣйствующей причиной. Общеизвѣстенъ фактъ, что для того, чтобы изъ жидкости получились кристаллы, эта жидкость (растворъ или расплавленное тѣло) должно находиться въ покоѣ. Самъ Милль восьмью строками ниже упоминаетъ объ этомъ условіи въ опытахъ химика *У*—съ растворомъ кремнезема. Это необходимое условіе кристаллизаціи наводитъ насъ на мысль, что движеніе жидкости противодѣйствуетъ кристаллизаціи, и что ея дѣйствующая причина тоже должна состоять въ какомъ-то другомъ движеніи, парализуемомъ механическимъ движеніемъ жидкости [1]).

Но кромѣ покоя жидкости, есть еще и другія условія кристаллизаціи, о которыхъ Милль не упоминаетъ. Растворъ не долженъ быть слишкомъ слабымъ. Далѣе, онъ не долженъ имѣть слишкомъ высокую температуру. Наконецъ, онъ обыкновенно находится въ какомъ-нибудь не растворяемомъ вмѣстилищѣ. По всему вѣроятію, существуютъ еще и другія условія, неизвѣстныя мнѣ. Такимъ образомъ, по Миллевскому толкованію причины, всѣ перечисленныя условія должны входить въ его „причину"; а „единственное общее предыдущее", конечно не составляетъ всѣхъ. Слѣдовательно, по методу сходства, какъ онъ формулированъ Миллемъ, никогда нельзя узнать полной причины. Въ лучшемъ случаѣ по этому методу можно узнать или дѣйствующую причину, или одно изъ существенныхъ условій. Впрочемъ, и послѣднее не всегда удается.

Самъ Милль высказываетъ объ этомъ свои сомнѣнія

[1]) По всему вѣроятію, это—движеніе частицъ (молекулъ) растворенная тѣла, которыя отлагаются въ кристаллы; а это движеніе, по всему вѣроятію, вызывается молекулярными силами (сцѣпленія или другими), которыя не одинаковы во всѣхъ направленіяхъ даже у одной молекулы.

довольно опредѣленно: „если мы не можемъ искусственно произвести явленіе *A*, [говоритъ Милль], то наше заключеніе, что именно оно есть причина *a*, останется подъ очень значительнымъ сомнѣніемъ[1]). Будучи неизмѣннымъ предыдущимъ *a*, *A* можетъ не быть его безусловнымъ предыдущимъ [sic! маркировка—моя], можетъ предшествовать ему лишь такъ, какъ день предшествуетъ ночи, и ночь—дню[2]). Таковая неопредѣленность [продолжаетъ Милль], вытекаетъ изъ невозможности для насъ удостовѣриться въ томъ, что *A* есть единственное непосредственное предыдущее, общее обоимъ случаямъ, Еслибы мы могли знать, что нами указаны всѣ неизмѣнныя предыдущія, то мы имѣли бы основаніе быть увѣренными въ томъ, что и безусловно неизмѣнное предыдущее, или причина, [въ обычномъ значеніи] также должно находиться гдѣ-нибудь среди нихъ. Къ несчастію, едва-ли когда оказывается возможнымъ установить всѣ предыдущія, разъ явленіе нельзя произвести искусственнымъ образомъ. Но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ трудность только облегчается, а не исчезаетъ совсѣмъ: [здѣсь я исправилъ переводъ Ивановскаго]: люди умѣли поднимать воду въ насосахъ задолго до того, какъ обратили вниманіе на то обстоятельство, которое дѣйствительно играетъ здѣсь активную роль, [sic!] т. е. на давленіе воздуха, производимое имъ на свободную поверхность воды“[3]).

§ 10. Сознавая ненадежность этого „метода сходства“, Милль даетъ и способъ его провѣрки. „Только что разобранный нами способъ открытія и доказательства законовъ природы, [говоритъ Милль], опирается на слѣдующую *аксіому*:

[1]) Милль обозначаетъ „предшествующія“ прописными буквами; а послѣдующія—строчными.

[2]) Стран. 312. Это разсужденіе совсѣмъ не вяжется съ Миллевскимъ понятіемъ о причинности, въ которой онъ видитъ лишь одно слѣдованіе. Очевидно, у него сквозь его скептицизмъ, опять пробился наружу здравый смыслъ человѣчества, отличающій условія отъ дѣйствующей причины; въ данномъ мѣстѣ Милль ее окрестилъ „безусловнымъ предыдущимъ“. Дальше онъ будетъ смѣлѣе: онъ прямо употребляетъ слово „причина“ въ обычномъ значеніи, а не—въ Юмовскомъ и своемъ—Миллевскомъ.

[3]) Тамъ же, 312 стран. Тутъ Милль опять измѣнилъ своему скептицизму, признавая „активность“ предшествующаго обстоятельства. Однако давленіе воздуха не есть прямо наблюдаемое

ни одно обстоятельство, которое можно исключить безъ ущерба для явленія, или которое можетъ отсутствовать, несмотря на присутствіе этого явленія, не связано съ нимъ причинной связью. Если, послѣ такого исключенія случайныхъ обстоятельствъ, [поясняетъ Милль], останется лишь одно обстоятельство, то оно и будетъ искомой причиной; [Такъ ли? Полной причиной оно не можетъ быть]; если же останется нѣсколько обстоятельствъ, то причиной служатъ или всѣ они, или нѣкоторыя изъ нихъ“ [1]). Такъ объясняетъ Милль способъ провѣрки метода сходства. На это объясненіе Милля тоже приходится сдѣлать нѣкоторыя возраженія. 1) Формулировка „аксіомы“ Милля невѣрна съ точки зрѣнія Миллевскаго позитивизма и феноменизма, признающихъ за достовѣрные факты только явленія. Дѣло въ томъ, что иныя условія, несомнѣнно находящіяся въ причинной связи съ дѣйствіемъ, могутъ быть замѣнены другими условіями, которыя на видъ кажутся не однородными (т. е. если держаться только непосредственно наблюдаемыхъ явленій). Такъ напр., несомнѣнно, простуда есть одно изъ благопріятныхъ условій для развитія нѣкоторыхъ инфекціонныхъ болѣзней, каковы: angina follicularis, насморкъ, инфлуэнца, крупозное воспаленіе легкихъ. Однако эти болѣзни могутъ появиться и безъ этого условія, при наличности другихъ условій заболѣванія. Возьмемъ другой примѣръ: Образованіе свободной теплоты вызывается и солнечными лучами, и химическими процессами и даже образованіемъ растворовъ: между теплотой и упомянутыми силами, несомнѣнно, есть причинная связь. Но такая же теплота можетъ быть вызвана и механическимъ движеніемъ, треніемъ, ударами о твердое тѣло. Съ точки зрѣнія феноменизма въ данныхъ примѣрахъ появляется то же дѣйствіе [инфекціонная болѣзнь, теплота] при замѣнѣ одного условія другимъ.

2) Невозможно исключить всѣ случайныя обстоятельства такъ, чтобы осталось лишь одно, общее во всѣхъ наблюдаемыхъ случаяхъ. Нѣкоторыя сопутствующія обстоятельства ни-

---

явленіе, а выводъ ума. Къ тому же, если самъ Милль признаетъ фактъ, что „едва-ли когда оказывается возможнымъ установить всѣ предыдущія“, то и полную причину невозможно установить въ этихъ случаяхъ.

[1]) Тамъ же, стран. 312, послѣдній абзацъ.

коимъ образомъ, даже при экспериментированіи, не могутъ быть исключены. Таково общее всѣмъ тѣламъ свойство тяжести. Въ рѣдкихъ случаяхъ можно совершенно устранить теплоту и давленіе атмосфернаго воздуха. Въ этихъ случаяхъ только методъ сопутствующихъ измѣненій можетъ дать надежные выводы. Такимъ образомъ методъ сходства самъ по себѣ можетъ служить только подготовительной работой для построенія догадки или гипотезы; а вполнѣ достовѣрнаго вывода онъ никогда не можетъ дать.

3) Милль не объяснилъ, почему при наличности и нѣсколькихъ общихъ обстоятельствъ во всѣхъ случаяхъ изслѣдуемаго явленія, иногда не всѣ эти общія обстоятельства составляютъ причину этого явленія. Съ его точки зрѣнія, признающей въ причинности только порядокъ слѣдованія и отрицающей внутреннюю дѣятельность, должны всѣ обстоятельства, не поддающіяся исключенію, считаться причиной изслѣдуемаго явленія. Съ обычной точки зрѣнія сопутствованіе и слѣдованіе, конечно, не доказываетъ еще наличности причинной связи. Такъ напр., воздухъ никогда не уходитъ съ земной поверхности; однако его наличность въ значительномъ большинствѣ случаевъ не будетъ даже условіемъ изслѣдуемаго явленія, т. е. по Миллю—„частью причины“.

§ 11. Какъ было сказано, Миллевскія заблужденія проникли почти во всѣ наши учебники логики. Проф. Введенскій въ своей новой логикѣ высказываетъ ихъ гораздо рѣзче и рѣшительнѣе, чѣмъ самъ Милль. Такъ напр., онъ говоритъ: „Прямо наблюдаемой причиной какого-нибудь явленія природы, конечно, можетъ быть только другое явленіе природы“. А что это невѣрно, очень легко убѣдиться. Какъ извѣстно всѣмъ, (я думаю, и проф. Введенскому) причинами бываютъ и тѣла, и даже тѣла огромной величины. Таково, напр., солнце, заставляющее нашу землю согрѣваться и сбрасывать съ себя зимній снѣжный покровъ и облекаться зеленью и цвѣтами. Такъ какъ проф. Введенскій причину даннаго „явленія“ не видитъ въ солнечномъ свѣтѣ; то причину упомянутой перемѣны онъ долженъ искать въ самомъ солнцѣ; а солнце и по терминологіи нашего почтеннаго профессора не—явленіе, а „вещь“ [1]).

[1]) Въ § 160 (стран. 113, 13 сн.) въ его новой логикѣ сказано: „условимся разъ на всегда въ слѣдующемъ словоупотребленіи: всякія дан-

А такъ какъ солнце бываетъ причиной множества явленій на землѣ, то очевидно, и въ научной индукціи нельзя ограничиться одними „прямо наблюдаемыми явленіями“, и поэтому нельзя только въ явленіяхъ искать причину. Какъ мы видѣли, она гораздо чаще заключается въ силахъ и субстанціяхъ, не доступныхъ „прямому наблюденію“. Милль, какъ мы видѣли, признаетъ причинами и „предметы“, помимо „явленій“.

§ 12. Кромѣ предметовъ, причиной явленій бываютъ и *силы*, недоступныя прямому наблюденію. Хотя Милль въ теоріи не признаетъ таковыя за причины въ научной индукціи, однако и въ его примѣрахъ мы видѣли подобныя скрытыя отъ прямого наблюденія силы. Таковыя силы: тяготѣніе, сцѣпленіе, молекулярное отталкиваніе, химическое сродство, электричество, теплота. Относительно послѣдней и проф. Введенскій приводитъ примѣры, но по ошибкѣ считаетъ ее „прямо наблюдаемой“ причиной. Такъ, въ § 169 новой логики проф. Введенскій говоритъ слѣдующее: „Нагрѣваніе ртути мы считаемъ прямо наблюдаемой причиной ея расширенія“. Между тѣмъ это невѣрно. Теплота, разсматриваемая въ физикѣ, какъ извѣстно, не можетъ быть отожествлена съ нашими ощущеніями тепла[1]).

Теплоту физики мы не можемъ прямо наблюдать, т. е. непосредственно: о ней мы умозаключаемъ при помощи разныхъ приборовъ, помимо ртутнаго термометра. Лучшимъ доказательствомъ, что теплота физики не есть „прямо на-

---

ныя опыта, кромѣ данныхъ въ опытѣ вещей, будемъ называть „явленіями природы“. Такъ какъ солнце не—явленіе, то его нужно считать „вещью“ по терминологіи самого проф. Введенскаго.

[1])Наши тепловыя ощущенія постоянно мѣняются, даже въ теченіе дня или часа по отношенію къ той же температурѣ. Такъ напр., зимою температура передней въ +10°С. намъ покажется теплой, если мы въ нее вошли съ мороза; когда же мы въ нее войдемъ изъ теплой комнаты съ температурой въ +18°С и выше, то она намъ покажется холодной. При пароксизмѣ лихорадки мы испытываемъ холодъ съ дрожью, когда градусникъ показываетъ +40°С. Въ физикѣ теплотою называется температура и въ —200°С: а отсутствуетъ теплота только ниже—275°С. Температуру въ +100°С и выше мы испытываемъ не въ видѣ тепла, а въ видѣ боли; а въ физикѣ говорятъ и о теплотѣ въ +4000°С и —275°С. Итакъ теплота въ физикѣ—это объективное качество матеріи, которымъ вызываются различныя ощущенія —не только термическія, но и болевыя.

блюдаемое явленіе", служитъ такъ называемая „скрытая теплота", которую при обычныхъ обстоятельствахъ не можетъ обнаружить никакой термометръ. Кромѣ силъ, въ физикѣ бываютъ и другія причины, которыя тоже не входятъ въ разрядъ „прямо наблюдаемыхъ явленій". Таковы: молекулы, атомы, іоны, электроны, міровой эфиръ. Ихъ никто не наблюдалъ,—ни прямо, ни косвенно; а все же физики безъ нихъ не могутъ обойтись въ объясненіи причинъ.

§ 13. И оба примѣра на методъ сходства, приводимые проф. Введенскимъ въ его новой лотикѣ въ § 175, представляютъ собою причны, не доступныя прямому наблюденію [1]).

Первый изъ нихъ имѣетъ въ виду показать, что причиной видимаго иногда солнечнаго спектра есть преломленіе солнечныхъ лучей при переходѣ черезъ прозрачную призму или граненый графинъ и т. п. О преломленіи этихъ лучей ничего неизвѣстно простолюдинамъ: слѣдовательно оно есть только умозаключеніе физиковъ, а не „прямо наблюдаемый" фактъ. Другой примѣръ проф. Введенскаго тщится показать, что причина перламутнаго отблеска многихъ раковинъ есть „особое строеніе поверхности внутренней оболочки" этихъ раковинъ. И это строеніе, т. е., молекулярное размѣщеніе, есть только предположеніе, а не „прямо наблюдаемое явленіе".

Такимъ образомъ во всѣхъ разобранныхъ примѣрахъ проф. Введенскій, по недоразумѣнію, приводитъ какъ разъ такія причины, которыя не представляютъ собою „прямо наблюдаемыхъ явленій": слѣдовательно онъ противорѣчитъ себѣ самому, а именно—сказанному въ той же главѣ объ индукціи.

§ 14. Къ заблужденіямъ Милля проф. Введенскій въ новой логикѣ прибавляетъ еще и свои, оригинальныя. Такъ въ началѣ § 169 проф. Введенскій говоритъ слѣдующее: „Каждое явленіе только тогда называется причиной другого явленія (...), если возникновенія перваго вполнѣ достаточно, чтобы всегда [sic!] и вездѣ вмѣстѣ съ нимъ (...) *возникло* и второе, хотя бы и *незамѣтнымъ для насъ образомъ*". [Все это мѣсто

[1]) Эти примѣры, сверхъ этого, весьма неудачны и даже формулированы сбивчиво и туманно, такъ что только освѣдомленный читатель пойметъ, въ чемъ дѣло. Поэтому я не буду ихъ выписывать.

маркировано проф. Введенскимъ крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ]. Итакъ по словамъ почтеннаго автора новой логики, „второе явленіе, т. е. „слѣдствіе, или дѣйствіе“, которое „всегда“ возникаетъ, иногда „возникаетъ незамѣтнымъ для насъ образомъ!“ „Явленіе, возникаетъ, незамѣтно“. Уже одно сопоставленіе этихъ трехъ понятій непредубѣжденному человѣку покажется противорѣчіемъ. Это противорѣчіе существуетъ и на самомъ дѣлѣ: „явленіе“, которое „незамѣтно“, т. е. не является, есть contradictio in adjecto. Однако проф. Введенскій нигдѣ не замѣтилъ и нигдѣ не приводитъ оговорокъ или поправокъ, какъ онъ это сдѣлалъ относительно расширенія отъ нагрѣванія. Напротивъ, онъ постоянно, на каждой страницѣ, иногда и по нѣсколько разъ, повторяетъ, что дѣйствіе (явленіе) „возникаетъ, хотя бы и незамѣтнымъ для насъ образомъ“. Для подтвержденія этого оригинальнаго открытія проф. Введенскій въ томъ же § 169 приводитъ только одинъ примѣръ, неправильно имъ понятый и объясненный, а именно: „Давленіе, говоритъ проф. Введенскій, служитъ причиной, увеличивающей упругость газа; но мы можемъ не замѣтить этого увеличенія, если газъ охлаждается одновременно съ давленіемъ: ибо охлажденіе служитъ причиной уменьшенія упругости, такъ что послѣднее можетъ сдѣлать незамѣтнымъ ея увеличеніе“ [sic!]. Этотъ примѣръ невѣрно понятъ и формулированъ; его нужно выразить такъ: „Если сдавливаемый газъ одновременно охлаждается въ извѣстной мѣрѣ, то отъ давленія не наступитъ увеличенія его упругости“. Дѣло въ томъ, что одновременное давленіе и охлажденіе взаимно уничтожаютъ свои дѣйствія въ газѣ. Зато увеличится теплота среды, окружающей газъ. Слѣдовательно дѣйствіе здѣсь будетъ замѣтно; но не въ газѣ, а въ его средѣ. Проф. Введенскій, очевидно, имѣлъ въ виду примѣры изъ физики, въ которыхъ извѣстное дѣйствіе уничтожается противодѣйствіемъ; но онъ ихъ не понялъ, какъ слѣдуетъ, и объяснилъ свой примѣръ невѣрно. „Уничтоженіе дѣйствія“ вовсе не значитъ, что дѣйствіе „происходитъ, хотя и незамѣтнымъ образомъ“. Въ этихъ случаяхъ ожидаемое дѣйствіе не происходитъ, а вмѣсто него происходитъ нѣчто другое, что намъ не всегда извѣстно.

§ 15. Проф. Введенскій могъ бы взять по-проще и получше примѣръ для его „незамѣтныхъ дѣйствій“,—примѣръ, который ежедневно имѣется передъ его глазами. А именно: сила тяготѣнія, или притяженія земли постоянно дѣйствуетъ на всѣ тѣла, находящіяся въ сферѣ ея притяженія [1]). Однако кабинетная лампа проф. Введенскаго стоитъ на его письменномъ столѣ и не падаетъ на землю. Почему? Потому, что столъ твердъ и достаточно проченъ: онъ, или его молекулы оказываютъ сопротивленіе тяжести лампы, т. е. притяженію земли. Эти двѣ силы (или двѣ группы силъ) взаимно уничтожаются, т. е. не даютъ ожидаемаго отъ земли механическаго дѣйствія, т. е. паденія лампы къ центру земли. Было бы нелѣпостью, если-бы кто-нибудь, кромѣ проф. Введенскаго, вздумалъ увѣрять кого-нибудь, что его кабинетная лампа постоянно падаетъ на землю, только „незамѣтнымъ для насъ образомъ“. А если-бы кто сталъ постоянно повторять подобныя увѣренія, то результатомъ ихъ могло бы оказаться очень замѣтное дѣйствіе: въ одно утро онъ увидѣлъ бы у себя врача-психіатра, не имъ приглашеннаго [2]).

Впрочемъ, если-бы „поправка“ проф. Введенскаго даже была вѣрна, то и въ такомъ случаѣ постоянное повтореніе этого исключенія изъ общаго правила сбивало бы съ толку учениковъ: оно затрудняетъ даже опытнаго читателя. Наконецъ, какъ вяжутся эти „незамѣтныя дѣйствія“ съ скепти-

---

[1]) Этого вліянія земли на тѣла физическія не отвергаетъ и Милль. См. его Сист. лог. Кн. III, гл. VIII, § 6, стран. 319, и III кн., гл. V, § 4, стран. 264.

[2]) Проф. Введенскій даже въ своемъ элементарномъ учебникѣ логики увѣряетъ своихъ будущихъ учениковъ въ подобныхъ „незамѣтныхъ движеніяхъ“. Въ § 182 своей „Логики для гимназіи“ (стран. 141, 4-я строка снизу) онъ говоритъ слѣдующее: „Если же аэростатъ летитъ кверху, то какъ извѣстно, это происходитъ оттого, что *движеніе аэростата книзу*, которое въ немъ *въ незамѣтномъ видѣ, все-таки, происходитъ* по закону тяжести, уравновѣшивается [sic!] частью того движенія кверху, которое аэростатъ получаетъ по закону Архимеда“. На самомъ дѣлѣ, „движенія аэростата книзу“ *не происходитъ*. По объясненію физики сила тяжести аэростата противодѣйствуетъ давленію воздуха вверхъ: вслѣдствіе этого движеніе вверхъ замедляется соотвѣтственно тяжести аэростата; но движенія книзу никто не наблюдаетъ, потому что его и не имѣется въ дѣйствительности.

цизмомъ проф. Введенскаго: вѣдь эти „незамѣтныя дѣйствія“ ужъ никоимъ образомъ не могутъ считаться „явленіями“ [1]).

Но проф. Введенскій, очевидно, имѣлъ въ виду тѣ ожидаемыя дѣйствія, которыя не наступаютъ вслѣдствіе противодѣйствій. Совершенно незамѣтныя дѣйствія не могли бы возбудить даже догадки о нихъ: они не могли бы сдѣлаться предметомъ познанія. Милль говоритъ и объ „отрицательныхъ условіяхъ“, подъ которыми нужно подразумѣвать противодѣйствія.

§ 16. Проф. Введенскій сузилъ область матеріальной индукціи еще однимъ ограниченіемъ, которое всецѣло принадлежитъ ему одному. А именно, онъ и во всей этой области исходитъ или, вѣрнѣе, предполагаетъ исходить отъ „догадокъ“. Это свое излюбленное словцо онъ постоянно повторяетъ и въ методахъ индукціи, на страницахъ: 122, 123, 124, 126, 127 и другихъ. Изъ этихъ прибавокъ вытекаетъ, что если не имѣется на лицо „догадки“, то невозможно и приступить къ изслѣдованію причинной зависимости явленій. Отъ чего же зависятъ самыя „догадки“, или, какъ онѣ возникаютъ, проф. Введенскій нигдѣ не говоритъ въ своей новой логикѣ. Должно быть, онъ это не считаетъ предметомъ логики; но при такомъ взглядѣ и самая „догадка“, какъ нѣчто субъективное, тоже не относится къ логикѣ, а къ психологіи. Мнѣ кажется, что и самыя „догадки“ въ большинствѣ случаевъ возникаютъ по тѣмъ же методамъ научной индукціи; только онѣ представляютъ собою еще недостаточно провѣренныя умозаключенія одного лица, которыя еще не могутъ имѣть притязанія на ихъ разсмотрѣніе въ логикѣ. Впрочемъ, проф. Введенскій облегчилъ себѣ трудъ относительно догадокъ: онъ не разбираетъ ни одной догадки,—ни своей, ни чужой; онъ приводитъ для

[1]) Я не отрицаю того факта, что и дѣйствіе иногда бываетъ недоступно нашимъ органамъ чувствъ, безъ помощи особыхъ приборовъ. Таковы напр.: слабые звуки, очень слабые электрическіе токи, нѣкоторые лучи солнца (ультра-фіолетовые и ультракрасные), а равно и другіе лучи, доступные не непосредственному зрѣнію, а нашему уму; такова и жизнь микроорганизмовъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, при надлежащихъ мѣрахъ, дѣйствія бываютъ замѣтны, хотя причины ихъ не всегда относятся къ „прямо наблюдаемымъ“.

поясненія правилъ, хотя и не всегда, обычные примѣры, которые, за исключеніемъ не понятыхъ имъ, представляютъ собою не только „провѣренныя“, т. е. доказанныя, но и общеизвѣстныя истины. Итакъ и въ данномъ случаѣ практика почтеннаго профессора постоянно противорѣчитъ его же „открытіямъ“, теоретическимъ разсужденіямъ и объясненіямъ.

§ 17. Совершенно превратное понятіе о методѣ сходства долженъ получить ученикъ изъ формулировки его въ новой логикѣ. Проф. Введенскій даетъ ее въ слѣдующихъ словахъ: „при доказательствѣ [sic!] съ помощью этого метода догадки, что явленіе x служитъ причиной явленія y, надо среди данныхъ опыта подобрать [sic!] такіе примѣры или случаи возникновенія явленія y, чтобы у нихъ было только одно [sic!] общее для нихъ всѣхъ обстоятельство, именно—присутствіе явленія x въ каждомъ изъ нихъ“. [Маркировка проф. Введенскаго]. Эта формула, помимо приведенныхъ выше недостатковъ формулъ Милля, страдаетъ еще однимъ: ее ученикъ можетъ понять и такъ: „среди данныхъ опыта есть и „такіе случаи возникновенія явленія y“, въ которыхъ не будетъ на лицо явленіе x. „Эти случаи нужно отбросить“ [1]). Кто такъ пойметъ эту формулу, тотъ и каждое несущественное условіе, встрѣчающееся въ нѣсколькихъ случаяхъ, приметъ за полную причину, т. е. будетъ заключать совершенно неправильно.

Но даже если этого недоразумѣнія не случится, то эта формула все же не даетъ правильнаго понятія о методѣ сходства: проф. Введенскій даже не упоминаетъ о тѣхъ случаяхъ, когда имѣется нѣсколько общихъ обстоятельствъ въ наблюдаемыхъ „данныхъ опыта“; онъ ничего не сообщаетъ о ненадежности этого метода и о способѣ его провѣрки, изложенномъ у Милля. По изложенію этого метода проф. Введенскимъ, ученикъ подумаетъ, что онъ вполнѣ надеженъ, и что его нельзя примѣнять въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется на лицо нѣсколько общихъ обстоятельствъ. Ученикъ вообще получитъ превратное понятіе объ этомъ методѣ, счи-

[1]) Новая логика написана не для спеціалистовъ, а для начинающихъ изучать логику, въ томъ числѣ и для лицъ занимающихся самообразованіемъ, т. е. безъ помощи учителя. Слѣдовательно такое недоразумѣніе возможно у такихъ лицъ.

тая его очень простой операціей ума. Что этотъ методъ нуждается въ провѣркѣ методомъ различія, проф. Введенскій не упоминаетъ. Мало того, методъ различія онъ считаетъ маловажнымъ: онъ его отнесъ къ „дополненіямъ для самообразованія“; гимназистамъ же, по мнѣнію проф. Введенскаго, онъ излишенъ. Изъ этого можно заключать, что самъ проф. Введенскій не уяснилъ себѣ важности этого метода, хотя только онъ *можетъ* дать надежные выводы относительно причинной зависимости.

§ 18. Проф. Введенскій въ изложеніи этого метода измѣнилъ Миллю: онъ его передаетъ въ болѣе удобопонятной формѣ, близкой къ формѣ *моего* учебника логики [1]).

Но такъ какъ проф. Введенскій въ мою формулу помѣстилъ *свои* термины, то у него получилась *невѣрная* формула и невѣрное ея *объясненіе*. Проф. Введенскій такъ излагаетъ методъ различія: „И если намъ удастся подобрать два случая, удовлетворяющихъ этому правилу [подразумѣвается—которые во всемъ были бы схожи, „кромѣ одного лишь обстоятельства, которое было на лицо лишь при наличности изслѣдуемаго явленія *У* и отсутствовало бы при ненаступленіи *У*“], то они неоспоримымъ образомъ докажутъ намъ положеніе, что явленіе *Х* служитъ либо причиной, либо, по крайней мѣрѣ, составной частью причины явленія *У*“. [Третью альтернативу, упомянутую въ моемъ учебникѣ, проф. Введенскій пропустилъ, а именно, что явленіе *Х* можетъ быть и *дѣйствіемъ* искомой причины [2]]. Далѣе поясняетъ проф. Введенскій: „въ самомъ дѣлѣ: если намъ удалось подобрать среди данныхъ опыта (или впервые создать посредствомъ эксперимента) два слѣдующихъ случая:

Явленіе *У* *возникло* при обстоятельствахъ Х А В С,
Явленіе *У* *невозникло* при „ А В С;

то мы можемъ пользоваться этими данными опыта, какъ частью основаній, входящихъ въ составъ слѣдующаго раз-

[1]) Только и въ этомъ случаѣ проф. Введенскій, согласно порядку новой логики, начинаетъ съ конца и кончаетъ началомъ, при чемъ, разумѣется, употребляетъ *свои* термины. Такимъ образомъ это совпаденіе остается „незамѣтнымъ“,—для посторонней публики.

[2]) См. мой учебникъ логики, 2-е изд. § 53, стран. 150, 1 строка снизу.

сужденія: „*У*, скажемъ мы, не могло возникнуть безъ причины. Причиной же его возникновенія въ первомъ случаѣ нельзя считать [?] ни *А*, ни *В*, ни *С*, ни ихъ соединеній между собой безъ участія явленія *Х*... причиной явленія *У* можетъ быть только либо само явленіе *Х*, либо его соединеніе съ какимъ-нибудь обстоятельствомъ изъ числа бывшихъ въ первомъ случаѣ (напр., ХА, или ХВ, или ХАВС), т. е. явленіе Х служитъ либо причиной, либо одной изъ составныхъ частей причины явленія *У*“. Это разсужденіе проф. Введенскаго невѣрно. Дѣло въ томъ, что проф. Введенскій подъ причиной разумѣетъ только „полную причину“, о чемъ постоянно напоминаетъ читателю,[1]) но по всему вѣроятію, объ этомъ самъ забылъ въ данномъ мѣстѣ. Но мы помнимъ его и Миллевское опредѣленіе „причины“ и подставимъ его въ формулѣ проф. Введенскаго. Если въ первомъ случаѣ *У* возникло при сочетаніи *Х* съ *АВС*; то одно *Х* никоимъ образомъ не можетъ быть причиной въ значеніи Милля и проф. Введенскаго, т. е. „полной причиной“. *Х* можетъ быть только „частью причины“, т. е. или существеннымъ условіемъ или дѣйствующей причиной. Но такъ какъ проф. Введенскій ничего не упоминаетъ о предварительной провѣркѣ АВС, то то же самое можно утверждать и о любомъ изъ остальныхъ обстоятельствъ *А*, *В*, *С*; слѣдовательно *Х* ничѣмъ не отличается отъ *АВС*[2]).

Послѣ приведеннаго „объясненія“ проф. Введенскій приводитъ единственный примѣръ для доказательства: „что присутствіе воздуха подлѣ колеблющагося тѣла составляетъ одну изъ составныхъ частей причины звука“. Этотъ примѣръ, невѣрно объясненный проф. Введенскимъ, мы разобрали выше (въ § 4 стран. 100 настоящей главы). Такимъ образомъ ни формула, ни объясненіе, ни примѣръ проф. Введенскаго не даетъ ученику вѣрнаго понятія и объ этомъ важномъ методѣ.

§ 19. Такъ же невѣрно изложенъ въ новой логикѣ методъ сопутствующихъ измѣненій, который проф. Введен-

[1]) См.: Новая логика, стран. 133 (8 св.); 134 (12 сн.), стран. 186 (24 сн.); стран. 187 (2 св.). Тутъ вездѣ повторяются эти напоминанія.

[2]) Милль сдѣлалъ эту оговорку относительно другихъ обстоятельствъ—*АВС*. Поэтому его формула свободна отъ вышеприведеннаго упрека.

скимъ почему-то переименованъ, и притомъ неудачно, въ „методъ единственнаго измѣненія или единственной перемѣны“, и притомъ ошибочно обозначенъ „простымъ“. Милль этотъ методъ формулируетъ такъ: „Всякое явленіе, измѣняющееся опредѣленнымъ образомъ всякій разъ, [sic!] когда нѣкоторымъ особеннымъ образомъ измѣняется другое явленіе [подразумѣвается—ceteris paribus], есть либо причина, либо слѣдствіе этого явленія, либо соединено съ нимъ какою-либо причинной связью. [Маркировка Милля]. Дальше Милль поясняетъ, „что оба явленія могутъ представлять два различныхъ слѣдствія одной и той же причины. При помощи одного этого метода [продолжаетъ Милль] никогда нельзя установить, которое изъ этихъ предположеній правильно“. Проф. Введенскій, должно быть, этого не читалъ или о немъ забылъ; самъ же, должно быть онъ никогда не пользовался этимъ методомъ при экспериментахъ: иначе, онъ не напечаталъ бы въ своей новой логикѣ того, что онъ напечаталъ, а именно: „Допустимъ, [говоритъ проф. Введенскій], что намъ удалось найти (или впервые создать посредствомъ эксперимента) два слѣдующихъ... случая возникновенія явленія *У*...

Явленіе $У_1$ возникло при обстоятельствахъ X_1 *A B*

„ $У_2$ „ при „ X_2 A B

Тогда причиной явленія *У* можетъ быть только либо явленіе *X*, либо его соединеніе съ какимъ-нибудь обстоятельствомъ изъ числа бывшихъ въ подобранныхъ нами случаяхъ (съ *A*, или съ *B*, или съ *AB*), такъ что явленіе *X* оказывается либо причиной, либо, по крайней мѣрѣ, составной частью причины явленія *У* [1]).

§ 20. Въ разсужденіяхъ проф. Введенскаго многое невѣрно. 1) Изъ двухъ подобныхъ случаевъ ни одинъ ученый не рѣшится сдѣлать выводъ относительно сопутствующихъ измѣненій; этого не дѣлается ни въ одной логикѣ: на основаніи двухъ случаевъ нельзя даже догадаться о „сопутствіи“ *X* и *У*. Милль говоритъ, что даже относительно множества наблюденій подобныхъ случаевъ, „нельзя при-

[1]) Я пропускаю растянутыя „доказательства“ проф. Введенскаго: они также невѣрны, какъ и его выводъ.

знавать основанными на полной индукціи заключенія ни отъ сопутствующихъ измѣненій *a* и *A* къ существованію неизмѣнной и исключительной связи между этими явленіями, ни къ постоянству числового отношенія между ихъ измѣненіями—для всѣхъ случаевъ", выходящихъ за предѣлы нашихъ наблюденій [1]). Между тѣмъ проф. Введенскій, безъ всякихъ оговорокъ, на основаніи двухъ случаевъ считаетъ основательнымъ свой выводъ относительно причинной связи.

2) Проф. Введенскій говоритъ, что „причиной явленія *У* можетъ быть только либо явленіе *X*, либо его соединеніе съ какимъ-нибудь обстоятельствомъ". Между тѣмъ, въ его двухъ случаяхъ не имѣется ни *X* ни *У*. У него приведены эти буквы съ показателями 1 и 2. Знакомый съ этимъ методомъ догадается, что̀ имѣлъ въ виду сказать проф. Введенскій, но не сказалъ въ своемъ учебникѣ, предназначенномъ для гимназистовъ и для самообразованія. Выводъ, какъ извѣстно, распространяется per inductionem simplicem на основаніи многихъ случаевъ на весь родъ *X* (безъ показателя); но новички не могутъ догадаться, откуда получился новый символъ X (безъ показателя).

3) Даже послѣ указанной поправки разсужденіе проф. Введенскаго неправильно. На основаніи не только его двухъ случаевъ, но даже десятка подобныхъ случаевъ, *X* никоимъ образомъ не можетъ быть причиной (въ смыслѣ Милля и проф. Введенскаго), какъ это было уже доказано выше. Такой причиной можно считать *X* въ сочетаніи со всѣми предшествующими (*A* и *B*), которыя были тожественны во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ.

4) Впрочемъ, такъ какъ проф. Введенскій и тутъ не упоминаетъ о предварительной провѣркѣ предшествующихъ обстоятельствъ *A* и *B* по методу разности, то эти *A* и *B* могутъ быть и случайными обстоятельствами.

5) Этотъ случай дѣйствительно предполагаетъ предварительную догадку, что *X* можетъ быть въ причинной связи съ *У*, т. е. на основаніи метода сходства или различія. [Это единственный случай, гдѣ „догадки" проф. Введенскаго имѣютъ основаніе]. Слѣдовательно этотъ методъ отнюдь

---

[1]) Сист. лог., III кн. гл. VIII, § 7. стран. 326.

нельзя считать простымъ, что дѣлаетъ авторъ новой логики [1]). Правда, Милль его не отнесъ къ „смѣшаннымъ“; но въ изложеніи Милля видно, что онъ сложный. Такимъ образомъ изложеніе этого метода въ новой логикѣ проф. Введенскаго въ лучшемъ случаѣ можетъ дать только превратное понятіе о немъ.

§ 21. Еще болѣе путанно изложенъ въ новой логикѣ методъ остатковъ. Милль его формулируетъ въ своемъ „четвертомъ правилѣ“ въ слѣдующихъ словахъ: „Если изъ явленія вычесть ту часть, которая, какъ извѣстно изъ прежнихъ индукцій, есть слѣдствіе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ предыдущихъ, то остатокъ даннаго явленія долженъ быть слѣдствіемъ остальныхъ предыдущихъ“. [Маркировка Милля]. Далѣе Милль поясняетъ: „Предположимъ, что мы имѣемъ предыдущія *ABC*, за которыми слѣдуютъ послѣдующія *abc*, и что путемъ прежнихъ индукцій... мы установили причины нѣкоторыхъ изъ этихъ слѣдствій или слѣдствія нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ: напр., узнали, что *a* есть слѣдствіе *A*, а *b* есть слѣдствіе *B*. Если вычесть сумму этихъ слѣдствій изъ всего явленія, то останется *c*, которое мы и можемъ теперь, безъ всякихъ дальнѣйшихъ опытовъ, признать слѣдствіемъ *C*“. На той же 318 страницѣ внизу Милль замѣчаетъ: „доказательность метода остатковъ никогда не можетъ быть полной, пока мы не будемъ въ состояніи получить *C* искусственнымъ путемъ и подвергнуть его особому, прямому опыту, или пока то дѣйствіе *C*... не будетъ объяснено дедуктивнымъ путемъ на основаніи уже извѣстныхъ законовъ“.

Проф. Введенскій всего этого не хочетъ знать; желая быть оригинальнымъ, онъ опять даетъ свою формулировку, которая и путанна, и опять невѣрна. Вотъ его подлинныя слова: „Не трудно убѣдиться, что и пятый [sic] методъ Милля, который онъ называетъ „методомъ остатковъ“, тоже сложный [2]). Сущность его [продолжаетъ проф. Введенскій]

---

[1]) Единственный примѣръ на этотъ методъ относительно нагрѣванія и сопутствующаго его расширенія мы разсматривали выше въ § 6 стран. 102 и 103.

[2]) Новая лог. § 178, стран. 135 Почему проф. Введенскому угодно было назвать его „пятымъ методомъ. Милля, когда онъ у Милля

состоитъ въ слѣдующемъ: доказавъ, что сложное явленіе *XAB* служитъ причиной другого сложнаго явленія *YMN* [этого доказательства не можетъ быть до примѣненія самого метода остатковъ], и доказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что часть *AB* перваго явленія служитъ причиной части *MN* второго явленія, мы вправѣ заключить изъ всего этого, что остальная часть перваго сложнаго явленія (т. е. явленіе *X*) образуетъ причину, либо, по крайней мѣрѣ, составную часть причины остальной части второго сложнаго явленія (т. е. явленія *Y*)". Дальше идетъ на полстраницѣ доказательство, что этотъ методъ сложный; а примѣръ совсѣмъ отсутствуетъ, равно и точно формулированное правило этого метода, данное Миллемъ.

§ 22. Ошибочность изложенія этого метода у проф. Введенскаго состоитъ въ слѣдующемъ: 1) требованіе перваго предварительнаго доказательства, „что сложное явленіе *XAB* служитъ причиной другого сложнаго явленія *YMN*" не исполнимо: это доказательство не можетъ быть дано раньше, чѣмъ выяснена роль каждаго отдѣльнаго предыдущаго и послѣдующаго. А относительно совокупности всѣхъ элементовъ оно не можетъ быть дано и послѣ этого, т. е. и послѣ примѣненія самого метода остатковъ, что ясно отмѣчено самимъ Миллемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ методъ примѣняется и къ явленіямъ космическимъ, надъ которыми мы не можемъ экспериментировать. Впрочемъ, и относительно экспериментовъ Милль отмѣтилъ необходимость и послѣ примѣненія метода остатковъ сдѣлать провѣрку относительно *C*. Для проф. Введенскаго не существуетъ этихъ предосторожностей. Требованіе проф. Введенскаго равносильно требованію умѣть плавать прежде, чѣмъ полѣзть въ воду.

2) *X* проф. Введенскаго (у Милля *C*) не можетъ быть „причиной" *Y* (у Милля *c*) по соображеніямъ изложеннымъ выше относительно первыхъ методовъ.

3) Методъ остатковъ и въ формулировкѣ Милля указываетъ только на причинную связь между *X* и *Y* (у Милля

приведенъ четвертымъ, неизвѣстно. Равнымъ образомъ неизвѣстно, почему проф. Введенскій на полстраницѣ распространяется, доказывая что этотъ методъ сложный: то же вполнѣ явствуетъ и изъ изложенія Милля и давно уже отмѣчено логиками.

между *C* и *c*); какова эта связь, и самъ Милль не рѣшается утверждать. Очень возможно, что и *X* и *Y* суть слѣдствія или два параллельныхъ явленія одной общей причины, неизвѣстной наблюдателю.

Итакъ всѣ четыре Метода Милля совершенно искажены въ новой логикѣ проф. Введенскаго. Въ университетскомъ курсѣ они формулированы почти такъ же, но изложены еще короче, еще менѣе ясно и менѣе удовлетворительно. Соединенный методъ сходства и различія совершенно отсутствуетъ въ обѣихъ логикахъ проф. Введенскаго; а въ университетскомъ курсѣ, сверхъ того, отсутствуетъ и методъ остатковъ [1]). Наконецъ, проф. Введенскій счелъ нужнымъ замѣнить даже общепринятую Миллевскую схематизацію своей, новой, которая совсѣмъ неудачна. Дѣло въ томъ, что Буквы *X* и *Y* уже давно приняты для обозначенія неизвѣстныхъ величинъ, между тѣмъ какъ въ методахъ индукціи всѣ элементы извѣстны, а неизвѣстна только связь между ними. Миллевская схематизація имѣетъ то удобство, что связь между каждымъ предшествующимъ и послѣдующимъ съ самаго начала видна. Въ дидактическомъ отношеніи она неудобна только относительно метода сходства, такъ какъ указываетъ заранѣе на причину, которая должна быть отыскана послѣ разсмотрѣнія всѣхъ случаевъ.

---

[1]) Универс. курс. стран. 219—242.

VII. Логическая условность.

Историческій очеркъ ученія о гипотетическихъ сужденіяхъ и силлогизмахъ.

§ 1. Въ пятой главѣ мы разсмотрѣли вопросъ о причинной связи и отмѣтили различіе между причиной (дѣйствующей) и условіемъ (реальнаго міра). Но слово „условіе“ употребляется не только въ фактическихъ истинахъ для обозначенія причинной зависимости между фактами дѣйствительности, но и въ истинахъ формальныхъ, въ которыхъ оно обозначаетъ нѣчто другое, хотя и похожее на реальное обусловливаніе. Отъ этого сходства отношеній происходитъ не мало путаницы, такъ какъ многіе авторы логикъ это сходство принимаютъ за тожество, смѣшивая такимъ образомъ отношенія логической зависимости съ отношеніями причинности. Эта путаница бросается въ глаза въ „условныхъ“ сужденіяхъ и въ „условныхъ“ (гипотетическихъ) силлогизмахъ: истинный ихъ смыслъ и значеніе еще не выяснены и въ настоящее время, хотя этотъ вопросъ занималъ философовъ еще въ отдаленной древности. Уже *Аристотель* приводитъ умозаключенія гипотетическія (ἐξ ὑποθέσεως) въ противоположность къ умозаключеніямъ доказаннымъ. Но подъ первыми Аристотель разумѣетъ умозаключенія, вытекающія изъ допущенія (ὑπόθεσις), недоказаннаго и не имѣющаго непосредственной очевидности. Такое допущеніе, по мнѣнію Аристотеля, можетъ быть и простой фикціей, принятой по соглашенію (διὰ συνθήκης ὡμολογημένον). Во всякомъ случаѣ, въ его условномъ допущеніи истинность его представляетъ собою открытый вопросъ: поэтому Аристотель за такими гипотетическими умозаключеніями не признавалъ научнаго

значенія [1]). Слѣдовательно умозаключенія изъ допущенія у Аристотеля имѣютъ иное значеніе, чѣмъ гипотетическія позднѣйшей логики. Но и у Аристотеля имѣется уже то правило, которое и теперь составляетъ суть однихъ изъ гипотетическихъ силлогизмовъ, а именно: „когда двѣ вещи находятся въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что при данности одной по необходимости дана и другая: то при отсутствіи послѣдней не будетъ и первой; но при данности второй не дана по необходимости и первая“ [2]). Только его ученикъ и преемникъ по школѣ *Θеофрастъ* и затѣмъ его преемникъ по школѣ *Эвдемъ* расширили значеніе и примѣненіе гипотетическихъ умозаключеній, какими они вошли въ позднѣшія логики. Послѣдній, по заявленію Боэція, „идетъ болѣе широкимъ путемъ въ изслѣдованіи гипотетическихъ умозаключеній, тогда какъ первый касается только верхушекъ“ [3]). Θеофрастъ ввелъ болѣе простую и болѣе удобную схематизацію для гипотетическихъ силлогизмовъ, чѣмъ принятая въ иныхъ новѣйшихъ логикахъ, а именно,—обозначеніемъ одной буквой цѣлаго сужденія. Такъ, у него первая посылка имѣетъ слѣдующую форму εἰ τὸ *A*, τὸ *B*=Если дано *A*, дано и *B*. Она удержалась и впослѣдствіи: примѣры, которые воспроизводитъ Секстъ Эмпирикъ, подтверждаютъ это [4]). Много занимались гипотетическими силлогизмами стоики и въ особенности *Хризиппъ*. И самъ *Секстъ Эмпирикъ* удѣляетъ имъ много мѣста: вторая книга его сочиненія „О философіи, противъ логиковъ“ (Περὶ φιλοσοφίας, πρὸς τοὺς λογικούς) почти вся касается этого предмета. Изъ возраженій скептиковъ, изложенныхъ у Секста Эмпирика, видно, что ни они, ни критикуемые имъ стоики не разобрались въ вопросахъ о примѣненіи гипотетическихъ силлогизмовъ, и объ ихъ обязательности и достовѣрности. Изъ нихъ видно, что эти силлогизмы примѣнялись и къ фактическимъ истинамъ; но и скептики ограничились указаніями, что эти силлогизмы не всегда даютъ вѣрный выводъ, слѣдовательно допускаютъ сомнѣнія.

---

[1]) Aristoteles, Analytica prima I. 44; I. 23.

[2]) Aristoteles, opere citato, II. 4. 57. B.

[3]) Boëtius, De syllogismo hypoth. p. 606; цитировано по Ueberweg, System d. Logik, 5 Aufl. S. 402; остальныя мѣста по Зигварту.

[4]) Sextus Empiricus ed 1718, Adv. Math. lib. VIII. 223—237

§ 2. Гораздо глубже вникъ въ эти вопросы *Боэцій*; онъ разобралъ гипотетическій силлогизмъ подробнѣе, не только своихъ предшественниковъ, но и всѣхъ логиковъ средневѣковья и даже многихъ изъ новѣйшихъ. Боэцій говоритъ: „Всякое сужденіе бываетъ или категорическимъ, которое называется предикативнымъ, или гипотетическимъ, которое называется условнымъ (conditionalis). Предикативное—это то, въ которомъ нѣчто высказывается (praedicatur) о другомъ, напр.: человѣкъ есть живое существо (animal). Гипотетическое же—то, которое условно (cum quadam conditione) высказываетъ, что нѣчто есть, если было дано другое. Гипотетическія сужденія состоятъ изъ категорическихъ“ [1]). „Такія два сужденія, каковы напр., dies est, lux est“ соединяются союзомъ „si“; но это изреченіе не означаетъ множества [фактовъ]; оно не заявляетъ и того, что „есть день“ и „есть свѣтъ“, а только то, что „если есть день, то есть и свѣтъ“. Поэтому оно обозначаетъ нѣкоторую послѣдовательность, а не существованіе [обозначеннаго] въ предложеніи: вѣдь, оно не говоритъ, что то и другое существуетъ, а только то, что если одно есть, то и другое слѣдуетъ... такое изреченіе примѣняетъ, повидимому, много знаковъ рѣчи, но выражаетъ одно (unam rem)“ [2]). „Вся сила гипотетическаго сужденія заключается въ союзѣ „если“; а въ простыхъ сужденіяхъ она содержится въ предицированіи“ (praedicatio—высказываніе предиката о субъектѣ). „Предикативное сужденіе имѣетъ два термина—субъектъ и предикатъ... Въ условныхъ сужденіяхъ нѣтъ того же способа предицированія. Въ нихъ вовсе не предицируется нѣчто о другомъ, а говорится только то, что нѣчто есть, если было другое“ [3]). Боэцій отличаетъ между сужденіями гипотетическими есть два вида: сужденія относительно реальной причинной связи и сужденія относительно логической связи, когда „необходимая послѣдовательность совершается независимо отъ положенія терми-

---

[1]) Boëtius, De syllog. hypoth. l. ed. Basil 1546 p. 606.

[2]) Тамъ же, pag. 329.

[3]) Тамъ же, pag. 606 и 607. Тутъ же приводится и примѣръ на реальное отношеніе причинности; „Veluti cum dicimus, si peperit. cum viro concubuit; non enim tunc dicitur ipsum peperisse id esse, quod cum viro concumbere, sed id tantum proponitur, quod partus nunquam esse potuisset, nisi fuisset cum viro concubitus“.

новъ". Какъ примѣръ послѣдней Б. приводитъ: „Будучи человѣкомъ, онъ—и живое существо... но не потому онъ—живое существо, что онъ—человѣкъ: вѣдь не потому существуетъ родъ, что существуетъ видъ" [1]).

Тутъ, повидимому, Боэцій хотѣлъ указать на логическую связь понятія видового и родового, которая существуетъ независимо отъ расположенія этихъ понятій по времени: его собственныя объясненія недостаточно ясны. Оба эти вида Боэцій отличаетъ какъ „consequentia naturae" отъ грамматическихъ случайныхъ сопоставленій secundum accidens, въ которыхъ имѣется только внѣшняя форма условныхъ предложеній безъ необходимой связи [2]).

Такимъ образомъ необходимая связь есть существенный признакъ гипотетическихъ сужденій, разсматриваемыхъ логикой. Суть этой связи заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) если есть первое, то по необходимости, слѣдуетъ и второе; 2) если второе отсутствуетъ, то и первое, по необходимости отсутствуетъ. Но наоборотъ нельзя сказать, что изъ отсутствія перваго вытекаетъ отсутствіе второго или что отъ данности второго вытекаетъ данность перваго [3]).

§ 3. Установивъ существенный признакъ необходимой связи между первымъ и вторымъ, Боэцій разсматриваетъ всѣ возможные виды въ зависимости отъ качества обѣихъ частей. Таковыхъ можетъ быть четыре:

1) если обѣ части утвердительны,
2) если первая отрицательная, вторая утвердительная,
3) если „ утвердитетельная, „ отрицательная,

---

[1]) Тамъ же, De syll hyp. pag, 608. Cum, homo sit, animal est... sed non idcirco animal est, quia homo est, non enim idcirco genus est, quia species est".

[2]) Эти различія существенны; къ сожалѣнію, ихъ не дѣлаютъ современные логики, за исключеніемъ Зигварта; но и послѣдній, какъ мы увидимъ, на практикѣ иногда сбивается.

[3]) Тамъ же, pag. 609. Это—тѣ же правила по modus ponens и tollens, которыя безъ оговорокъ повторяются въ логикахъ и по сей день. Мы увидимъ впослѣдствіи, что они нуждаются въ ограниченіяхъ и дополненіяхъ. Впрочемъ, и самъ Боэцій отмѣчаетъ одинъ случай „si non est A, est B", въ которомъ изъ данности второй части (ex consequenti posito) можно заключать къ первой. (Тамъ же pag. 616).

4) если первая отрицательная, вторая отрицательная [1]).

Боэцкій тщится также раскрыть и суть этой необходимой зависимости въ этихъ четырехъ видахъ; однако онъ почти исключительно останавливается на логической зависимости понятій. Такъ, въ первомъ и четвертомъ видѣ (при одинаковомъ качествѣ обѣихъ частей) Б. находитъ тѣ же отношенія, какія существуютъ и въ категорическихъ сужденіяхъ, а именно: 1) что съ данностью видового понятія дано и родовое, и видовое отличіе, и опредѣленіе (definitio), и свойство (proprium), и неотдѣлимое accidens; 2) съ данностью свойства (proprium) и опредѣленія (definitio)—дано и видовое понятіе; 3) съ данностью опредѣленія—дано и свойство и отличіе. Далѣе, вытекаетъ изъ данности цѣлаго данность частей, изъ данности акциденцій—данность субстанціи...; изъ данности причины—данность дѣйствія, и наоборотъ [2]).

Всѣ эти тонкости мало имѣютъ отношенія къ познанію дѣйствительности и къ расширенію познаній о ней. Они скорѣе нужны для юриста, діалектика и ритора, чѣмъ для естествоиспытателя, котораго занимаетъ причинная связь между фактами дѣйствительности.

§ 4. Послѣ Боэція въ теченіе всего средневѣковья ничего существеннаго не сдѣлано въ нашемъ вопросѣ. Мало того, его ученіе было забыто, за исключеніемъ арабскихъ философовъ *Авиценны* и *Альгацали* [3]). Вмѣсто гипотетическихъ сужденій логики, разсматривались разные виды „условныхъ“ предложеній грамматики; въ ихъ число включались: соединительныя, причинныя, обосновывающія (rationalia), условныя (въ узкомъ смыслѣ), раздѣлительныя, временныя, условныя мѣста. Такимъ образовъ былъ забытъ даже существен-

---

[1]) И это искусственное дѣленіе удержалось до новѣйшаго времени.

[2]) Его же, De dif. top. p. 860 и 861.

[3]) См. *Prantl*, Gesch. d. Logik im Abendl. II. 357. Anm. 215. „Conjunctione autem unae sunt (sc. enuntiationes), in quibus consequentia, quam notat conjunctio, facit unitatem, et hoc non est nisi in conditionali et disjunctiva, ... et secundum *Boethium* et *Avicennam* et *Algazelem* istae duae solae conjunctiones faciunt unam conjunctione enuntiationem, et non copulativa, quia in copulatis nulla est unitas nisi aggregationis, quae simpliciter est pluralitas et non unitas“. *Albertus* M. Peri herm. I. 2, 1. p. 242 A.

ный признакъ гипотетическихъ сужденій и умозаключеній: по глубинѣ все ученіе средневѣковья значительно уступаетъ ученію Боэція. Новыхъ оригинальныхъ попытокъ разъяснить вопросъ было мало; одна изъ таковыхъ принадлежитъ *Абеляру*, который разсматривалъ гипотетическое сужденіе, какъ выраженіе реальной причинной связи[1]).

§ 5. Въ новѣйшее время, правда, выдѣлены гипотетическія сужденія отъ сложныхъ предложеній грамматики и поставлены на ряду съ категорическими и раздѣлительными, какъ самостоятельная форма; однако еще и до сихъ поръ не выработалось строго провѣренное и цѣльное ученіе о нихъ. *Кантъ* впервые попытался строже разграничить гипотетическія сужденія отъ категорическихъ. Суть гипотетическаго сужденія составляетъ представленіе послѣдовательности (Consequenz), которая въ немъ играетъ ту же роль, что связка въ категорическомъ. Кантъ весьма рѣшительно возстаетъ противъ взгляда Вольфа, будто гипотетическое сужденіе представляетъ собою лишь различную внѣшнюю форму по сравненію съ категорическимъ. Наоборотъ, эти два вида существенно отличаются другъ отъ друга[2]).

То же воззрѣніе удержали и кантіанцы, видя въ гипотетич. сужденіи отношеніе „зависимости“ (Dependenz), тогда какъ въ категорическомъ будто имѣется отношеніе сопричастности (Inhaerenz)[3]); но при этомъ они или отожествляютъ логич. зависимость съ причинностью, или ограничиваютъ послѣдней.

Гербартъ возстаетъ противъ воззрѣнія Канта, утверждая, что различіе между категорическимъ и гипотетическимъ сужденіемъ только внѣшнее и не существенное; субъектъ и предикатъ категорическаго сужденія—то же, что протазисъ и аподозисъ гипотетич. сужденія: связь въ немъ та же, что и въ категорическомъ[4]).

Вѣрнѣе уловилъ суть гипотетическаго сужденія *Бэнэке*, видя въ немъ необходимую связь между протазисомъ и

---

[1]) *Prantl*, цитир. соч. II. 187, Anm 329.

[2]) Kant, 1) Kritik d. rein. Vern. herausg. v. Kehrbach, S. 91. Logik, herausg. v. Jaesche, § 17, §§ 23—25.

[3]) Krug, Logik § 57; Jacob, Grundr. d. allg. Logik, 3 Aufl. 1794, § 193.

[4]) Herbart, 1) Hauptpunkte der Logik. 2) Einleitung in d. Philos. §§ 53—55.

аподозисомъ, обязательную для мышленія; въ остальномъ онъ въ общемъ согласенъ съ Гербартомъ [1]).

Еще рѣшительнѣе Гербарта и Вольфа высказывается *Тренделенбургъ* за тожественность отношеній въ категорическомъ и гипотетическомъ сужденіяхъ: онъ пытается доказать, что и послѣднее, подобно категорическому, есть сужденіе относительно содержанія (не формы связи). Дѣло въ томъ, что субстанція по отношенію къ ея качествамъ дѣйствуетъ какъ причина; а качество есть дѣйствіе субстанціи, прикрѣпленное къ вещи. Такимъ образомъ и категорическое сужденіе можетъ выражать отношенія причинности. Наоборотъ, гипотетическое можетъ выражать отношенія между качествами. Такъ напримѣръ, если это—прямоугольный треугольникъ, то онъ обладаетъ свойствомъ пиѳагоровой теоремы. Связь подобныхъ сужденій въ концѣ концовъ заключается въ понятіи [2]).

§ 6. Съ этими воззрѣніями *Ибервегъ* не согласенъ, высказываясь за Кантово различіе категорич. отъ гипотитеческихъ сужденій [3]); однако на практикѣ у него не проведено это различіе. Въ самомъ началѣ того же § 121 онъ утверждаетъ, что „въ чисто-гипотетическихъ сужденіяхъ повторяются всѣ виды умозаключеній (Schlussweisen), какіе имѣются въ категорическихъ“; затѣмъ онъ приводитъ и примѣры гипотетическихъ умозаключеній, которые будто „вполнѣ соотвѣтствуютъ“ разнымъ фигурамъ категорич. силлогизмовъ.

Въ слѣдующемъ § 122 онъ устанавливаетъ обычные два вида условно-категорическаго силлогизма, которые „издавна большей частью называются просто „гипотетическими“, т. е. modus ponens и m. tollens; первый изъ нихъ соотвѣтствуетъ первой фигурѣ категорическаго силлогизма, а второй, т. е. modus tollens—второй фигурѣ. Правда, Иберегъ выдвигаетъ въ гипотетическихъ сужденіяхъ на первый планъ отношенія причинности; но въ эти онъ включаетъ и „соединеніе нѣсколькихъ субъективныхъ познаній“, которое „не покрывается однимъ отношеніемъ содержанія (ihre Bedeutung geht nicht in den blossen Ausdruck des Inhaltsver-

[1]) Beneke, System d. Logik, 1842, I, 161; II, 97—99.

[2]) Trendelenburg, Logische Untersuchungen, 3 Aufl II. S. 270.

[3]) Ueberweg, System d. Logik, 5. Aufl. 1882, § 121, S. 403.

hältnisses auf [1]). Во всякомъ случаѣ, у Ибервега не имѣется того яснаго и строгаго разграниченія между различными сужденіями, которое мы видѣли уже у Боэція; у него нѣтъ даже ясной формулировки, въ чемъ состоитъ суть гипотетическихъ сужденій и умозаключеній, и почему существуютъ только два традиціонныхъ вида этихъ умозаключеній.

§ 7. Еще меньше даетъ Джонъ Ст. *Милль*, который совсѣмъ не разсматриваетъ гипотетическихъ заключеній. А относительно гипотетическихъ сужденій онъ даетъ слѣдующія разъясненія. „Есть и такія предложенія, которыя составляютъ только одно положеніе, хотя и состоятъ изъ нѣсколькихъ подлежащихъ и сказуемыхъ, т. е. какъ бы изъ нѣсколькихъ предложеній... Таковы, напр., тѣ случаи, когда простыя предложенія соединены частицей „или“ (напр., *A* есть *B*, или *C* есть *D*), а также союзомъ „если“ (напр., если *A* есть *B*, то *C* есть *D*). Перваго рода предложенія называются раздѣлительными, второго рода—условными: оба вмѣстѣ первоначально назывались гипотетическими. Какъ это хорошо замѣтилъ архіепископъ Уэтли и другіе, раздѣлительная форма сводится на условную: всякое раздѣлительное предложеніе равняется двумъ или больше условнымъ. „Или *A* есть *B*, или *C* есть *D*“ значитъ: „если *A* не есть *B*, то *C* есть *D*; если С не есть *D*, то *A* есть *B*“. Въ гипотетическихъ предложеніяхъ утверждается не истинность того или другого изъ этихъ предложеній, но возможность вывода одного изъ другого... Гипотетическое предложеніе есть предложеніе относительно [другого] предложенія: его подлежащее само есть цѣлое утвержденіе“. По мнѣнію Милля, подлежащимъ служитъ аподозисъ „*C* есть *D*“, „а сказуемымъ будетъ общее относительное имя, приложимое къ предложеніямъ въ такой формѣ: „есть законный выводъ изъ предложенія: *A* есть *B*“. „Итакъ, заключаетъ Милль, между гипотетическимъ и всѣми другими предложеніями гораздо меньше разницы, чѣмъ можно было думать на основаніи ихъ формы“. Вотъ и все, что Милль передаетъ о гипотетическихъ сужденіяхъ въ своей Системѣ логики [2]).

Еще меньше вниманія, чѣмъ Милль, удѣлилъ этимъ суж-

[1]) Ueberweg, цитир. соч., § 68, стр. 202.

[2]) Милль, Система логики, перев. съ 10 изд. М. 1899, I кн., гл. IV § 3. стран. 61 и 62.

деніямъ проф. *М. Троицкій*, большой поклонникъ Милля и вообще англичанъ: онъ совсѣмъ не разсматриваетъ гипотетическихъ сужденій въ своемъ большомъ Учебникѣ логики, хотя и приводитъ примѣры условныхъ соритовъ [1]).

§ 8. Больше вниманія удѣлилъ нашему вопросу *А. Бэнъ*. Не соглашаясь съ мнѣніями Серъ-В. Гамильтона, Буля и Дэ-Моргана, которые выводъ условныхъ сужденій не различаютъ отъ непосредственныхъ выводовъ, Бэнъ гипотетическія умозаключенія считаетъ, согласно установившейся традиціи, особой формой силлогизма. Тѣмъ не менѣе въ своемъ примѣчаніи онъ говоритъ между прочимъ и слѣдующее: „Гипотетическая форма примѣняется прежде всего къ причинѣ и дѣйствію. Если дана причина, то дано и дѣйствіе, и если отсутствуетъ дѣйствіе, то отсутствуетъ и причина. Но та же форма примѣнима и тогда, когда вещь бываетъ признакомъ (sign) другой, или же когда она постоянно ассоціирована съ другой“ [2]). Этой прибавкой Бэнъ, очевидно, распространяетъ гипотетическій силлогизмъ на всѣ условныя предложенія обиходной рѣчи и допускаетъ отсутствіе необходимой внутренней связи между условіемъ и обусловливаемымъ.

Согласно съ этимъ взглядомъ Бэнъ къ обычной формѣ гипотетическаго силлогизма *modus ponens* приводитъ примѣръ, гдѣ не имѣется такой необходимой связи,—ни логической, ни причинной. Мало того, онъ не отличаетъ логической условности отъ реальной причинности [3]).

„Каждый, утверждающій одно, поясняетъ Бэнъ, не долженъ при утвержденіи другого высказывать новый фактъ, а тотъ же самый [sic!]. Не новая матерія введена въ изреченіе (assertion); оно представляетъ собою чистый случай за-

[1]) М. Троицкій, Учебникъ логики М. 1886, I кн. стр. 223 и 227.

[2]) *A. Bain*, Logic, London 1870, I part, pag. 117.

[3]) Вотъ его подлинныя разсужденія: „Если хорошая погода продлится, то мы отправимся въ деревню“. Это сужденіе, по словамъ Бэна, можетъ быть превращено въ равнозначущую форму (equivalent form). „Хорошая погода продолжается, и поэтому мы пойдемъ въ деревню“. Въ англійскомъ языкѣ не видно различіе видовъ въ глаголѣ: поэтому англичанинъ можетъ его и не замѣтить. „If the weather continues fine, we shalle go to the country“ is transformable into the equivalent form „The weather continues fine, and so we shall go to the country“ (A. Bain, Logic, London 1870, part I, pag. 117).

кона послѣдовательности". Ни на одномъ примѣрѣ, приведенномъ Бэномъ для разъясненія сказаннаго, не видно тожества обоихъ сужденій; не видно, какъ получается выводъ [1]).

Признаться, изъ всего этого поясненія Бэна читатель, незнакомый съ этимъ вопросомъ, не пойметъ даже того, что Бэнъ хотѣлъ сказать. Его мысль скорѣе видна изъ его схемы: „Если *A* есть *B*, то *C* есть *D*"; но и въ ней отсутствуетъ вторая (меньшая) посылка и выводъ. Вмѣсто этого Бэнъ прибавляетъ: „равнозначащимъ этому будетъ слѣдующее сужденіе: если принято, что *A* есть *B*, то изъ этого слѣдуетъ, что *C* есть *D*". Вотъ и все, что сказано Бэномъ объ этомъ силлогизмѣ [2]).

Относительно обычныхъ формъ гипотетическихъ силлогизмовъ взглядъ Буля невѣрный, будто гипотетическіе силлогизмы представляютъ собою непосредственные выводы. Съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться только относительно modus tollens, и то съ оговоркой. Заключеніе этого вида можно бы считать за своего рода превращеніе большой посылки, а именно: „Если дано *A*, то дано и *B*"; та же мысль въ отрицательной формѣ: „если же *B* не дано, то не дано и *A*". Но это не то же, что утверждается въ обычной формѣ по modus tollens: и въ немъ, какъ и въ modus ponens, дѣлается заключеніе отъ общей (большей) посылки къ частному случаю, при помощи меньшей посылки. Здѣсь, очевидно, имѣется на лицо дедукція, а не простое видоизмѣненіе (превращеніе) одного и того же сужденія.

§ 9. Неудачно объясненъ Бэномъ и другой видъ гипотетическаго силлогизма, т. е. *modus tollens*. Въ этомъ, по его

---

[1]) Поясняя прежній примѣръ, Бэнъ говоритъ: „Если покупатель предложитъ продавцу опредѣленную цѣну за товаръ, а продавецъ скажетъ: Вотъ, вамъ—товаръ: то покупатель лишь послѣдователенъ съ самимъ собой, если платитъ по назначенной имъ цѣнѣ (paying the price). Но это все дано въ предположенномъ условномъ выводѣ". Такъ заканчиваетъ Бэнъ свое объясненіе гипотетическаго силлогизма по modus ponens, A. Bain, Logic, the same ed. part. I. pag. 116—117.

[2]) Путаница Бэна, по всему вѣроятію, имѣетъ своимъ источникомъ Буля и Дэ-Моргана, которые не признаютъ гипотетическій силлогизмъ за особую форму, а за непосредственный выводъ. Бэнъ въ началѣ § 30 не соглашался съ ними, а въ слѣдующемъ § 31 все же принялъ ихъ взглядъ.

словамъ, изъ отрицанія послѣдующаго (consequent) заключается къ отрицанію предыдущаго (antecedent) „*C* не *D*; слѣдовательно *A* не *B*. Если погода хороша, то мы идемъ въ деревню; но мы не идемъ въ деревню, слѣдовательно погода не хороша“ [1]). Что этотъ примѣръ Бэна не содержитъ необходимой внутренней связи между условіемъ и обусловливаемымъ, не трудно понять. Поэтому-то выводъ не всегда будетъ вѣренъ. Дѣло въ томъ, что не только погода, но и что-нибудь другое могло намъ помѣшать отправиться въ деревню: погода могла быть и хорошей, и все же мы не могли пойти въ деревню.

Зато имѣется у Бэна вѣрное замѣчаніе, давно повторяемое логиками, а именно: „признаніе послѣдующаго еще не доказываетъ наличности предшествующаго (antecedent); „сужденіе „*C* есть *D*“ не доказываетъ, что *A* есть *B*“. И объясненіе тому Бэнъ даетъ вѣрное, а именно, что „на основаніи нашего опыта мы знаемъ, что въ природѣ часто встрѣчается множественность причинъ“. Это значитъ, что то же дѣйствіе въ разное время можетъ быть вызвано различными причинами. Поэтому мы не можемъ на основаніи происшедшаго дѣйствія заключать, какая именно причина его вызвала въ опредѣленномъ случаѣ. Бэнъ поясняетъ это на слѣдующемъ примѣрѣ. „Если онъ заразится, то онъ умретъ; но его смерть не доказываетъ, что онъ заразился, такъ какъ существуетъ много причинъ смерти, кромѣ упомянутой“.

Важнѣе слѣдующее замѣчаніе Бэна: „Если-бы условіе было дано, какъ единственное условіе послѣдующаго (consequent), то утвержденіемъ этого [вѣрнѣе—наличность] дается и наличность предшествующаго (antecedent). „Если израсходована сила, то такое же количество силы будетъ и порождено... Между всѣми возможными обстоятельствами производство силы предполагаетъ прежнюю израсходованную силу: поэтому утвержденіе послѣдующаго (т. е. порожденія силы) есть вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе предшествующаго (т. е. расхода силы). Однако подобныя условія (conditionals), по утвержденію Бэна, составляютъ исключеніе, а не правило, и авторы логикъ запрещаютъ утвержденіе предшествующаго

[1]) Въ цитир. соч., стран. 117.

на основаніи утвержденія послѣдующаго". [Конецъ образца] [1]). Почему эти случаи составляютъ исключеніе, Бэнъ не говоритъ. Какъ мы увидимъ, при наличности необходимой внутренней связи—логической или причинной, эти случаи не исключеніе. Впрочемъ, подобныя умозаключенія отъ дѣйствія къ причинѣ бываютъ вполнѣ правильны, кромѣ случая, указанаго Бэномъ, и при другихъ условіяхъ, которыя будутъ изложены въ слѣдующей главѣ [2]).

§ 10. *М. Владиславлевъ* въ своемъ большомъ курсѣ логики не даетъ точныхъ и вѣрныхъ опредѣленій ни категорическихъ, ни условныхъ, ни раздѣлительныхъ сужденій; онъ не воспроизводитъ даже того, что уже было установлено его предшественниками [3]). Условный силлогизмъ онъ опредѣляетъ такъ: „Когда первая посылка силлогизма есть сужденіе условное, то онъ принимаетъ названіе условнаго. Возьмемъ условное сужденіе и сдѣлаемъ его большею посылкою: если линіи параллельны, то онѣ не должны встрѣтиться, какъ бы далеко ни были продолжены. Вслѣдствіе условной посылки силлогизмъ развивается по особому пріему: но эти линіи параллельны; слѣдовательно онѣ никогда одна съ другою не встрѣтятся. Въ большей посылкѣ мы имѣемъ дѣло съ основаніемъ и слѣдствіемъ, причиною и дѣйствіемъ, или говоря общѣй, съ условіемъ и условливаемымъ. Намъ приходится поэтому, допуская одно, допустить и другое и отрицая одно, отрицать и другое" [4]). Въ этомъ разъясненіи, прежде всего, неудаченъ примѣръ: онъ представляетъ собою замаскированную тавтологію: „если двѣ линіи параллельны, то онѣ параллельны". Дѣло въ томъ, что понятіе „параллельности" всецѣло исчерпывается признакомъ аподозиса, т. е.,

---

[1]) Въ цитир. соч., стран. 118.

[2]) Впрочемъ, и приведенный примѣръ Бэна не удаченъ и не ясно формулированъ. На основаніи одной его посылки, вывода не можетъ быть; а сама его посылка предполагаетъ истинность закона о сохраненіи энергіи, который пока еще—только удобная гипотеза, но не подтверждаемая всѣми наблюденіями. Не даромъ для ея поддержанія придумано „разсѣяніе энергіи въ міровое пространство".

[3]) М. Владиславлевъ, Логика, обозр. инд. и дедукт. пріемовъ мышл. С.-Петербургъ, 1872, отд. II, гл. III, стран. 134. Его опредѣленія воспроизводитъ проф. Введенскій; поэтому я отлагаю ихъ критику до разсмотрѣнія новой логики.

[4]) Тамъ же, I отд., гл. IV, стран. 193.

что онѣ никогда не должны встрѣтиться. Далѣе, не ясно изложена суть силлогизма; она видна только изъ дальнѣйшихъ примѣровъ. Наконецъ, выводъ автора, не дѣлаетъ различія ни въ порядкѣ умозаключеній ни въ ихъ качествѣ. Это—не описка, а мнѣніе автора, которое онъ въ дальнѣйшемъ развиваетъ подробнѣе, къ сожалѣнію,—безъ всякихъ аргументовъ.

Владиславлевъ, кромѣ традиціонныхъ двухъ видовъ (modus ponens и m. tollens), признаетъ еще два вида условныхъ силлогизмовъ, которые отвергались еще стоиками, скептиками и Боэціемъ, а вслѣдъ за ними и всѣми новѣйшими логиками. А именно, Владиславлевъ признаетъ: 1) заключеніе отъ отрицанія основанія къ отрицанію „слѣдствія“, формулируя его слѣдующими словами: „Отрицая основаніе, мы отрицаемъ и слѣдствіе: напр., когда законы тверды, миръ и благоденствіе народа обезпечиваются прочнымъ образомъ; но при революціяхъ основные законы теряютъ всеобщее довѣріе къ себѣ; слѣдовательно, при революціяхъ миръ и благоденствіе народа всего менѣе обезпечиваются“. Вотъ и все, сказанное по этому случаю Владиславлевымъ.

2) М. Владиславлевъ формулируетъ другой случай слѣдующими словами: „Допуская слѣдствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ и его основаніе: напр., если-бы Алкивіадъ безусловно любилъ свое отечество, то онъ не сталъ бы оказывать услуги спартанцамъ; но онъ оказалъ большую услугу имъ во время Пелопонезской войны, посовѣтовавъ нанести ударъ аѳинянамъ экспедиціей въ Сицилію; слѣдовательно, въ немъ не было истинной любви къ своему отечеству“. Вотъ и все разъясненіе. Послѣ приведенія всѣхъ четырехъ случаевъ Владиславлевъ замѣчаетъ: „Обыкновенно въ Логикахъ допускается только два вида умозаключеній... Но мы не видимъ никакихъ причинъ, почему считать невозможными остальные два способа [1])... Въ заключеніе параграфа Владиславлевъ говоритъ: „Когда мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ, дѣйствительно или мнимо [?] выражающимъ связь основанія съ слѣдствіемъ, то безъ всякаго колебанія [sic!] можемъ заключать по всѣмъ четыремъ пріемамъ“. [Конецъ].

[1]) Тамъ же, стран. 194.

§ 11. Эта рѣшительность Владиславлева, по моему, можетъ быть объяснена только незнакомствомъ съ исторіей этого вопроса и недостаточнымъ пониманіемъ его. Остальные два вида умозаключеній, конечно, „возможны“; но они не всегда даютъ вѣрный выводъ, какъ это было уже показано Боэціемъ, а между новѣйшими—Бэномъ. Если-бы Владиславлевъ показалъ, въ какихъ случаяхъ или при какихъ условіяхъ два другихъ вида гипотетическихъ силлогизмовъ даютъ всегда вѣрный выводъ; то его новшество имѣло бы значеніе. Но къ сожалѣнію, проф. Владиславлевъ этого не сдѣлалъ. Сколько бы примѣровъ онъ ни приводилъ, подтверждающихъ его положенія,—все же они не могутъ дать общаго правила. Дѣло въ томъ, что достаточно одного примѣра Боэція, который этому противорѣчитъ, чтобы правило Владиславлева рушилось [1]).

Впрочемъ, приведенные выше примѣры Владиславлева не совсѣмъ удачны: 1) они относятся къ области фактическихъ истинъ, между которыми должна быть причинная связь, а не логическая, о которой говоритъ Владиславлевъ. 2) Въ послѣднемъ примѣрѣ относительно Алкивіада взято условіе, противорѣчащее дѣйствительности; а это вноситъ осложненіе, которое и до сихъ поръ еще не распутано спеціалистами. 3) Въ первомъ примѣрѣ не соблюденъ законъ тожества: въ протазисѣ большой посылки „когда законы тверды“ говорится о законахъ вообще; а въ меньшей посылкѣ—только объ „основныхъ законахъ“. То же нужно сказать и о примѣрѣ съ Алкивіадомъ: „безусловная любовь“ большой посылки не тожественна съ „истинной любовью“ вывода [2]).

§ 12. *М. Каринскій* въ своемъ спеціальномъ логическомъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ „Классификація выводовъ“ находитъ различіе въ двухъ видахъ гипотетическихъ силлогазмовъ, а именно: а) въ примѣненіи ихъ къ геометріи, б) „въ сферѣ реальныхъ отношеній“. Относительно перваго

[1]) Владиславлевъ удержалъ свой взглядъ и во 2 изданіи своей Логики,—послѣ возраженій на него Свѣтилина; однако и въ немъ онъ не доказалъ своей правоты. См. Введенскій, Унив. курсъ логики, стран. 201. Этотъ вопросъ будетъ разобранъ въ слѣдующей главѣ.

[2]) Какъ ни похвальны эти примѣры съ точки зрѣнія этической и воспитательной, такъ они неудачны съ точки зрѣнія логической.

вида онъ доказываетъ на одномъ примѣрѣ, а именно относительно построенія равносторонняго треугольника, что при исполненіи опредѣленныхъ условій всегда получится опредѣленный выводъ. Относительно послѣдняго вида, т. е. реальныхъ отношеній онъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что наличность условій еще не гарантируетъ ожидаемаго эффекта: дѣйствіе опредѣленной силы на опредѣленное тѣло можетъ не дать ожидаемаго эффекта, если оно будетъ осложнено другой силой или противодѣйствіемъ. Послѣ своего примѣра М. Каринскій заключаетъ: „условныя сужденія естествознанія, повидимому, не допускаютъ возможности переносить опредѣленія съ условій частныхъ на тѣ же условія, взятыя въ совокупности; но разсматривая въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь брали, они не допускаютъ и никакого рода другихъ заключеній“. [1]) „Самая безспорная формула заключенія—отъ общаго къ частному здѣсь оказывается столь же мало приложимой, какъ и всякая другая“ [2]). Черезъ двѣ страницы М. Каринскій поясняетъ: „Для состоятельности вывода изъ общаго условнаго сужденія о частномъ фактѣ мы требуемъ только, чтобы меньшая посылка брала условіе не въ томъ видѣ, какъ оно обыкновенно характеризуется въ условномъ сужденіи, а вмѣстѣ съ подразумѣвающеюся въ немъ мыслію объ отсутствіи обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить результатъ. Если есть *A*, говоримъ мы, должно существовать и *B*, но *A* въ данномъ случаѣ есть, и нѣтъ обстоятельствъ, способныхъ видоизмѣнить результатъ, слѣдовательно есть и *B*“ [3]). Это и есть общеизвѣстное умозаключеніе по modus ponens, только съ оговоркой относительно отсутствія противодѣйствій или „отрицательныхъ условій“, указанныхъ еще и Миллемъ относительно причинной связи.

[1]) „Изъ положенія что тѣло извѣстной массы, по приложеніи къ нему извѣстной силы, дѣйствующей въ опредѣленномъ направленіи, должно двигаться въ этомъ направленіи съ такою-то скоростью, [поясняетъ Каринскій] мы не можемъ вывести заключенія, что такъ именно будетъ двигаться тѣло *A*, которое имѣетъ подобную массу, и къ которому приложена такая именно сила“.

[2]) М. Каринскій, Классификація выводовъ, С.-Петербургъ 1880, стран. 163—164. Я не цитирую всего мѣста, такъ какъ изложеніе автора слишкомъ отвлеченно и расплывчато.

[3]) Въ цитир. соч. стран. 167.

Больше ничего существеннаго не даетъ Каринскій для разъясненія нашего вопроса. Первый видъ гипотетическихъ силлогизмовъ онъ не распространилъ на всѣ формальныя истины; а также не указалъ тѣхъ случаевъ, когда и въ таковыхъ умозоключеніе по modus ponens можетъ оказаться невѣрнымъ. Равнымъ образомъ онъ не разсматриваетъ другихъ видовъ гипотетическихъ умозаключеній.

§ 13. *Джевонсъ*, въ общемъ раздѣляющій взгляды Милля на причинность и условность, все же отвелъ больше мѣста гипотетическимъ умозаключеніямъ въ своемъ „Элементарномъ учебникѣ логики". И онъ согласно традиціи дѣлитъ всѣ предложенія на категорическія и условныя, а послѣднія подраздѣляетъ на гипотетическія и раздѣлительныя [1]). Опредѣленія этихъ видовъ Джевонсъ даетъ общепринятыя и поясняетъ ихъ вѣрно. Подъ гипотетическими аргументами (или силлогизмами) онъ разумѣетъ обычные два вида— modus ponens и modus tollens; но употребляетъ еще и другія обозначенія ихъ, согласно качеству меньшей посылки: первый онъ называетъ конструктивнымъ, а второй— деструктивнымъ гипотетическимъ силлогизмомъ. „Единственное правило" относительно второй посылки онъ формулируетъ такъ: „или предшествующее должно быть утверждаемо, или заключеніе [аподозисъ] отрицаемо". Больше онъ ничего не сообщаетъ: слѣдовательно передаетъ гораздо меньше, чѣмъ Бэнъ и Боэцій [2]). Въ своемъ обширномъ изслѣдованіи „Основы науки, трактатъ о логикѣ" онъ много вниманія удѣляетъ раздѣлительнымъ сужденіямъ и не разсматриваетъ гипотетическихъ [3]).

§ 14. Лучше всѣхъ разсмотрѣлъ нашъ вопросъ *Зигвартъ*. Въ своей Логикѣ онъ 1) отдѣляетъ условныя предложенія грамматики отъ гипотетическихъ сужденій логики. Въ послѣднихъ имѣется „необходимая связь между основаніемъ и слѣдствіемъ", „формула: „если дано (gilt) *A*, то дано и *B*" значитъ: *B* есть необходимое слѣдствіе члена *A*". „Допущеніе протазиса дѣлаетъ необходимымъ при-

[1]) Джевонсъ, Элем. учебникъ логики, переводъ съ 7-го изд. М. А. Антоновича, С.-Петербургъ 1881, стр. 66.

[2]) Тамъ же, XIX, стран. 173—175.

[3]) См. Джевонсъ, Основы науки, перев. 2-го изд. М. Антоновича, С.-Петербургъ 1881, гл. IV и V.

нятіе ападозиса. Это отношеніе необходимой послѣдовательности (Folge) есть предикатъ гипотетическаго сужденія". „Для утвержденія этой необходимой связи не имѣетъ никакого значенія, какова данность (Gültigkeit) протазиса, какія побочныя мысли я соединяю относительно его истинности, вѣроятности, невѣроятности, ложности... Этимъ объясняется то, что сужденія съ союзомъ „если", по видимому, бываютъ то выраженіемъ неувѣренности (Ungewissheit) то одной послѣдовательности [связи] между данными дѣйствительности" [1]).

2) Зигвартъ традиціонное ограниченіе выводовъ гипотетическихъ поясняетъ и на формальныхъ истинахъ, на логической зависимости, говоря: „Слѣдствіе можетъ быть на лицо и при отсутствіи основанія, если таковое не есть единственно возможное (ausschliessender)... Если данный треугольникъ равносторонній, то онъ и остроугольный; но это не утверждаетъ, что равносторонность есть условіе остроугольности, такъ что треугольникъ, который не былъ бы равностороннимъ не могъ бы быть остроугольнымъ". Относительно фактическихъ истинъ Зигвартъ поясняетъ, что одного условія недостаточно для произведенія дѣйствія, еслибы оно было даже необходимымъ условіемъ: оно все же—только часть полной причины; а въ гипотетическомъ сужденіи, по мнѣнію Зигварта, протазисъ не только долженъ высказывать одно изъ условій; но онъ одинъ долженъ дѣлать необходимымъ аподозисъ" [2]). Впрочемъ,

---

[1]) Sigwart, Logik 3 Aufl. 1904, I Bd. I Th. VII Ав. § 36, S. 292 и 293. На практикѣ и самъ Зигвартъ нерѣдко отступаетъ отъ этого требованія: и онъ разсматриваетъ въ иныхъ примѣрахъ не гипотетическія сужденія съ „необходимой зависимостью", а грамматическія условныя предложенія, въ которыхъ связь только условная и даже не постоянная. Напримѣръ „если кто совершилъ преднамѣренное убійство (Mord), то онъ подлежитъ смертной казни" (§ 51, стран. 446). Развѣ на этомъ примѣрѣ возможно примѣнить даже общепринятые выводы по modus ponens и tollens? Можно ли заключать, что если данный преступникъ-убійца не казненъ, что онъ не совершилъ убійства? Его могли оправдать присяжные, несмотря на доказанность его преступленія, или же могъ помиловать монархъ.

[2]) Тамъ же, примѣч. на стран. 293 и 294. Эта прибавка очень важна: до Зигварта ее никто не дѣлалъ. Но логика не можетъ ограничиться только тѣми случаями, въ которыхъ протазисъ выражаетъ полную причину или всѣ основанія (условія) аподозиса: 1)

въ концѣ главы и самъ Зигвартъ разсматриваетъ случаи, когда въ протазисѣ дана только часть причины; въ такихъ случаяхъ, по его же объявленіямъ, можно заключать только относительно возможности аподозиса (См. стран. 304 п. 15).

3) Зигвартъ вполнѣ основательно опровергаетъ мнѣніе кантіанцевъ, будто различіе между гипотетическими и категорическими сужденіями состоитъ въ томъ, что въ послѣднихъ имѣются отношенія ингеренціи [сопричастности], а въ первыхъ—отношенія причинности: и тѣ и другія отношенія, какъ вѣрно доказываетъ Зигвартъ на примѣрахъ, могутъ быть и въ тѣхъ и другихъ сужденіяхъ [1]).

4) Зигвартъ отличаетъ въ необходимой связи между протазисомъ и аподозисомъ два вида: а) если слѣдствіе вытекаетъ изъ понятій протазиса, т. е. въ формальныхъ истинахъ; но онъ предлагаетъ такія сужденія, [согласно съ Кантовой терминологіей] называть аналитическими; б) когда же необходимая связь аподозиса съ протазисомъ основана на фактахъ и законахъ реальной дѣйствительности [т. е. въ фактическихъ истинахъ], то подобныя сужденія онъ называетъ сиитетическими [2]). Это различіе весьма важно; къ сожалѣнію, Зигвартъ не провелъ его ни въ правилахъ гипотетическихъ силлоизмовъ, ни въ своихъ примѣрахъ; сверхъ того, онъ не свелъ къ этимъ двумъ груп-

---

такихъ примѣровъ было бы слишкомъ мало; 2) если бы мы раньше не узнавали части причины или одно изъ основаній: то мы никогда не могли бы дойти до познанія полной причины и всѣхъ основаній аподозиса.

[1]) Тамъ же, стран. 300. Но все же и онъ непослѣдователенъ относительно разграниченія этихъ сужденій: руководясь одной грамматической формой сужденій, онъ утверждаетъ: „всѣ безусловно общія категорическія сужденія совершенно равнозначущи съ гипотетическими“, напр. „всѣ тѣла протяженны“ равнозначуще гипотетическому сужденію „если что-нибудь есть тѣло, то оно протяженно“.

[2]) Тамъ же, стран. 298. Во второй части Зигвартъ это различіе распространяетъ на всѣ умозаключенія, называя правила, управляющія умозаключеніями, добытыми изъ наблюденій надъ фактами дѣйствительности, матеріальными; а правила умозаключеній, основанныхъ на содержаніи самихъ терминовъ сужденій—формальными. (См: II ч. § 51, стран. 447). Это обозначеніе гораздо лучше вышеприведеннаго и повтореннаго имъ двумя страницами раньше (§ 51, стран. 445).

памъ всѣхъ разновидностей гипотетическихъ сужденій, которыя онъ разбираетъ.

5) Зигвартъ разбираетъ и четыре различныхъ по качеству вида, установленные Боэціемъ. Формулы „если дано *A*, то *B* отсутствуетъ, а равно и формула „если отсутствуетъ *A*, то дано *B*“ указываютъ или на логическую несовмѣстимость *A* и *B*, или же на препятствія и противодѣйствія реальныхъ причинъ. Это отношеніе между *A* и *B* Зигвартъ считаетъ взаимнымъ: изъ первой формулы онъ выводитъ, что если дано *B* то отсутствуетъ *A*[1]).

§ 15. Относительно обратнаго заключенія во второмъ случаѣ Зигвартъ ничего не говоритъ; но не трудно убѣдиться, что и тутъ должно быть сдѣлано указанное выше ограниченіе, чтобы выводъ всегда и безусловно былъ вѣрнымъ.

Если же обѣ части гипотетическаго сужденія отрицательны, то Зигвартъ этотъ случай вполнѣ основательно считаетъ аналогичнымъ тому, когда обѣ части утвердительны, т. е. „при данности обѣихъ частей должна быть между ними необходимая связь“. Но эту связь Зигвартъ объясняетъ односторонне, а именно: „Отсутствіе *A*, [говоритъ онъ] только тогда бываетъ истиннымъ основаніемъ (untrüglicher Grund) отсутствія *B*, если *A* есть необходимое слѣдствіе члена *B*“. Тутъ же Зигвартъ приводитъ и примѣръ изъ фактическихъ истинъ, который онъ неудачно формулируетъ, говоря: „Если небо не ясно, то не образуется роса; это я могу сказать только въ томъ случаѣ, [поясняетъ Зигвартъ], если я увѣренъ въ томъ, что если роса образуется, то небо должно быть яснымъ“[2]). Въ этомъ примѣрѣ Зигвартъ не различаетъ логическаго слѣдствія отъ слѣдствія (вѣрнѣе, дѣйствія) реальнаго міра. Въ реальномъ мірѣ, несомнѣнно *A* есть условіе, а *B* слѣдствіе. Такъ какъ въ обусловливаемомъ аподозисѣ

[1]) Тамъ же, стран. 302 и 303. Но Зигвартъ не замѣтилъ, что этотъ обратный выводъ будетъ истиннымъ относительно реальной причинности только въ томъ случаѣ, если отсутствіе *B* исключительно зависитъ отъ данности *A*: иначе, можетъ случиться, что *B* дано, хотя и *A* дано. Дѣло въ томъ, что *A* представляетъ собою противодѣйствіе факту *B*, а причина факта B должна заключаться въ чемъ-нибудь другомъ: эта причина, при извѣстныхъ размѣрахъ дѣйствующей силы, могла бы и парализовать противодѣйствіе со стороны *A*, такъ что и при его данности, все же наступило бы B.

[2]) Тамъ же, стран. 303.

(съ отрицательными членами) удержанъ порядокъ реальнаго міра, то то же слѣдовало сдѣлать и въ протазисѣ (съ утвердительными членами), а именно: „если небо ясно, то роса можетъ образоваться". Такъ какъ ясность неба представляетъ только одно изъ необходимыхъ условій, а не полной причины: то безъ обозначенія таковой слѣдствіе не можетъ быть необходимымъ [1]).

Такъ же неудачно подобранъ и объясненъ Зигвартомъ и его другой примѣръ, взятый изъ области формальныхъ истинъ, а именно: „Если треугольникъ не равностороненъ, то онъ и не равноугольный; [по объясненію Зигварта] это можно сказать только тогда [sic!], если каждый равноугольный треугольникъ есть равносторонній". Въ данномъ примѣрѣ два качества треугольника—равносторонность и равноугольность неразрывно и взаимно связаны между собою логической, или формальной связью: поэтому съ одинаковымъ правомъ можно заключать и отъ равносторонности треугольника къ его равноугольности [2]).

§ 16. Во всѣхъ случаяхъ, подобныхъ приведенному Зигвартомъ, т. е. исключительной связи, всегда и безошибочно можно заключать и отъ отрицанія основанія къ отрицанію слѣдствія. Дѣло въ томъ, что въ элементарной геометріи разсматривается только сосуществованіе отношеній между линіями, углами, фигурами: въ ней не принимаются во вниманіе случайныя пространственныя положенія: направо и налѣво, сверху и снизу, спереди и сзади [3]). Поэтому, если равноугольность всегда и неизмѣнно сосуществуетъ съ равносторонностью треугольниковъ, то невозможно сказать, которое изъ этихъ качествъ должно считать логическимъ основаніемъ, а которое его—слѣдствіемъ: они отли-

[1]) Этотъ примѣръ Зигварта подтверждаетъ сказанное мною выше, что относительно фактическихъ истинъ логика не можетъ ограничиться только тѣми гипотетическими сужденіями, въ которыхъ выражена полная причина.

[2]) Послѣднее качество намъ раньше было извѣстно; это оправдывается исторіей геометріи: транспортиръ для измѣренія угловъ былъ открытъ довольно поздно, тогда какъ измѣреніе длины извѣстно даже первобытному дикарю. Слѣдовательно равносторонность треугольниковъ была раньше извѣстна, чѣмъ ихъ равноугольность.

[3]) Это дѣлается въ аналитической геометріи по отношенію къ опредѣленной системѣ координатъ.

чаются не по содержанію, а только по грамматической формѣ. Впрочемъ, относительно формальныхъ истинъ то же можно утверждать о всѣхъ случаяхъ, когда протазисъ содержитъ въ себѣ полное основаніе аподазиса, т. е. со всѣми условіями. (Подробнѣе это будетъ изложено ниже). Въ такихъ случаяхъ получится слѣдующая формула: Только если дано *A*, то дано и *B*, а если не дано *A*, то не можетъ быть дано и *B*". Въ этихъ случаяхъ можно всегда и безошибочно сдѣлать оба вывода и отъ слѣдствія къ основанію. Всего этого не усмотрѣлъ и Зигвартъ, хотя онъ глубже всѣхъ вникъ въ вопросъ о гипотетическихъ сужденіяхъ.

Что же касается подобныхъ выводовъ на основаніи одного гипотетическаго сужденія, то ихъ скорѣе слѣдуетъ причислить къ непосредственнымъ выводамъ, хотя въ сужденіяхъ фактическихъ необходимая связь причинности опирается на постулатъ закона причинности [1]).

Въ отдѣлѣ о гипотетическомъ силлогизмѣ Зигвартъ ничего существеннаго не прибавляетъ по сравненію со сказаннымъ выше. Отмѣтить можно слѣдующее: 1) Зигвартъ считаетъ „гипотетическое заключеніе самой общей формулой вывода сужденія изъ другихъ сужденій" [2]). Впрочемъ, съ этимъ мнѣніемъ не согласны другіе логики, напримѣръ Бергманъ, Вундтъ. 2) Кромѣ двухъ обычныхъ формъ „смѣшаннаго" гипотетическаго силлогизма по modus ponens и tollens, Зигвартъ приводитъ еще одну форму „чисто-гипотетическаго" силлогизма, которую коротко выражаетъ слѣдующими словами: „Слѣдствіе слѣдствія есть слѣдствіе основанія" [3]).

Онъ приводитъ и двѣ разновидности этого силлогизма, а именно—съ отрицательными членами сужденій [4]).

---

[1]) Этихъ непосредственныхъ выводовъ я не рѣшился помѣстить въ своемъ Учебникѣ логики, въ виду спорности этого вопроса и въ виду отсутствія ихъ въ другихъ учебникахъ и въ оффиціальной программѣ гимназій.

[2]) Тамъ же, I томъ, II ч. § 49, стран. 432.

[3]) Тамъ же, стран. 433 и 436.

[4]) Такъ какъ и Зигвартъ не выяснилъ вполнѣ значеніе этихъ отрицаній, а равно и самую „необходимую связь": то всѣ приведенныя имъ формы гипотетическихъ силлогизмовъ нуждаются въ ограниченіяхъ, которыя я подробнѣе изложу въ слѣдующей главѣ.

Его поясненія и полемика съ Брэдлеемъ относительно дѣй-

Таково лучшее ученіе о гипотетическихъ умозаключеніяхъ, изложенное по третьему изданію Логики Зигварта.

§ 17. Гораздо хуже изложенъ нашъ предметъ въ Логикѣ *Вундта*. Хотя она напечатана значительно позже перваго изданія Логики Зигварта; однако ея авторъ совершенно не усвоилъ себѣ даже того, что уже дано и разъяснено въ этой логикѣ. Такъ онъ отожествляетъ грамматическія предложенія съ логическими сужденіями; условныя „сужденія“ (на самомъ дѣлѣ предложенія) онъ понимаетъ даже несогласно съ грамматикой. Условное сужденіе [sic!] у него подраздѣляется на слѣдующіе чертыре вида: а) суждение обосновывания (Begründungsurtheil): „такъ какъ міровое пространство наполнено матеріальной средой, то свѣтъ можетъ передаваться отъ одной звѣзды къ другимъ“. „Сужденіе причинности (Causalitätsurtheil), [поясняетъ Вундтъ], поскольку, мы причину подчиняемъ основанію, можно разсматривать за спеціальную форму сужденія обосновыванія“. б) Суждение качества (Beschaffenheitsurtheil). „Каковъ хозяинъ, таковъ и слуга“; „вѣроятно, что большая часть химическихъ элементовъ сложны“. в) Суждение цѣли: „Для чего мы предназначены, неизвѣстно намъ“. г) Суждение средства: „Онъ не знаетъ, чѣмъ онъ долженъ снискать себѣ признательность“ [1]). Достаточно разсмотрѣть это дѣленіе и соотвѣтственные примѣры, чтобы убѣдиться, что въ данномъ мѣстѣ извращены всѣ понятія: критика излишня.

Въ отдѣлѣ объ условныхъ умозаключеніяхъ Вундтъ опять блеститъ новыми терминами и цѣлой дюжиной новыхъ знаковъ, которые излишни даже для грамматическихъ категорій. Стоитъ быть отмѣченнымъ, что и Вундтъ приводитъ мнѣніе, которое раньше его высказывалъ Владиславлевъ, относительно возможности заключенія отъ слѣдствія къ основанію. Вундтъ старается и обосновать это мнѣніе, ссылаясь на практику: „мы часто пользуемся этимъ видомъ вывода (Schlussart), [говоритъ Вундтъ], не только въ практической жизни, но и въ наукѣ... къ этому побуждаетъ насъ

ствительныхъ умственныхъ процессовъ, которые совершаются при гипотетическихъ умозаключеніяхъ, недостоточно убѣдительна. Впрочемъ, все это относится къ психологіи, и здѣсь можетъ быть опущено.

[1]) Wundt, Logik, Stuttgart 1880, I. Bd. I. Abschn. Cap. III. S. 182. Приводя послѣдній примѣръ, Вундтъ, конечно, не думалъ о себѣ.

наша потребность найти основанія къ даннымъ фактамъ". Однако и Вундтъ признаетъ, что „этимъ умозаключеніемъ обыкновенно (in der Regel) дается только проблематическій выводъ". „Только въ одномъ случаѣ этотъ выводъ имѣетъ аподиктическую достовѣрность, [поясняетъ Вундтъ], если соотвѣтственное условіе есть единственное, изъ котораго, если возможно, (möglicher Weise) можетъ возникнуть слѣдствіе" [1]). Другого случая по modus tollens, который приводится всѣми логиками, я не могъ отыскать въ логикѣ Вундта, несмотря на мои старанія; равнымъ образомъ я не нашелъ у него даже и упоминанія объ этомъ видѣ силлогизма или объясненія, почему онъ его пропустилъ. Зато Вундтъ излагаетъ, правда, подъ новымъ названіемъ „subsumirender Bedingungsschluss" чисто-гипотетическій силлогизмъ, который объясняетъ, по своему обыкновенію, расплывчато и туманно, не давая краткой формулы, а очень сложныя схемы со своими условными символическими знаками. Вмѣсто краткой древней формулы, передаваемой Зигвартомъ въ пяти словахъ, („слѣдствіе слѣдствія есть слѣдствіе основанія"), Вундтъ даетъ свою символическую схему, состоящую изъ 33 знаковъ [2]).

§ 18. Послѣ Зигварта и Вундта напечаталъ свою Логику Бенно *Эрдманъ* [3]). Несмотря на ея детальную разработку, Б. Эрдманъ не подвинулъ впередъ вопросъ о гипотетическихъ сужденіяхъ. И онъ основательно отвергаетъ взглядъ Хр. Вольфа, будто въ этихъ сужденіяхъ одинъ аподозисъ представляетъ предметъ нашего сужденія, а протазисъ только ограничиваетъ его объемъ, т. е. число фактовъ, на которые онъ распространяется. Но примыкая ко взгляду Боэція и Зигварта, онъ еще менѣе, чѣмъ они, оттѣнилъ различіе между логической условностью и реальной причинностью, которыя устанавливаются въ гипотетическихъ сужденіяхъ. Поэтому и

[1]) Тамъ же, IV, Abschnitt, II, Cap., III, S. 317. Слова Вундта „möglicher Weise" „kann" и притомъ „apodiktische Sicherheit" не вяжутся вмѣстѣ; но языкъ Вундта этимъ не стѣсняется: такова ужъ его логика.

[2]) Тамъ же, стран. 321. По истинѣ, до этого не доходили и худшіе изъ средневѣковыхъ схоластиковъ: они, во всякомъ случаѣ, мыслили ясно и послѣдовательно и не выдавали за знаніе то, чего они не понимали.

[3]) B. Erdmann, Logik. Halle a. S. 1892. I, Band.

онъ не нашелъ окончательнаго и строгаго критерія для разграниченія между гипотетическими и категорическими сужденіями. Послѣднія у него приняты въ смыслѣ грамматики, т. е. онъ считаетъ категорическими сужденіями, такія, которыя не имѣютъ придаточнаго предложенія съ условнымъ оттѣнкомъ, хотя бы ихъ можно выразить въ условной формѣ безъ измѣненія смысла. Такъ напр., сужденіе „всѣ равносторонніе треугольники—равноугольны“ у него—категорическое сужденіе; а сужденіе „если треугольники равносторонни, то они и равноугольны“ есть гипотетическое сужденіе [1]). Въ виду этого смѣшенія грамматическихъ условныхъ предложеній съ логической условностью Б. Эрдманъ даже утверждаетъ ошибочно, будто каждое изреченіе (Aussage) предполагаетъ логическую зависимость (Folgebeziehung) предиката отъ субъекта, и что поэтому каждое изреченіе [подразумѣвается—категорическое] за исключеніемъ сужденій воспріятія... можетъ быть переложено въ гипотетическое сочетаніе“ [2]). Изъ грамматическихъ условныхъ предложеній Б. Эрдманъ, согласно съ Боэціемъ, не признаетъ за гипотетическія сужденія только такія, въ которыхъ даются исключительно опредѣленія времени, хотя и въ таковыхъ по словамъ Эрдмана, „граница не строго опредѣленная“ („Scharf allerdings ist auch hier die Grenze nicht“ [3]). Что Эрдманъ не разграничиваетъ строго условныхъ предложеній грамматики отъ логической условности, доказывается и его собственнымъ заявленіемъ, что „гипотетическія сочетанія не оказываются непремѣнно выраженіемъ необходимой связи“ [4]).

§ 19. Когда отсутствуетъ эта необходимая связь (notwendige Folgebeziehung), Б. Эрдманъ не устанавливаетъ точно, хотя въ своихъ примѣрахъ наталкивается на подобные случаи и попутно дѣлаетъ вѣрныя замѣчанія, а именно:

„Со слѣдствіемъ не дано основаніе по необходимости, а только въ возможности (möglicherweise); также точно съ основаніемъ уничтожается слѣд-

---

[1]) Benno Erdmann, Logik, I Band, 64, 421 411—425. Ср. также: Проф. *П. Э. Лейкфельдъ*, О гипотетическихъ сужденіяхъ, зап. Харьк. универ. 1906, I томъ, и оттискъ стран. 17—24.

[2]) B. Erdmann Logik. цитир. м. стран. 425.

[3]) Тамъ же, стран. 411 и 423, 4 строка сн.

[4]) Тамъ же, стран. 411.

ствіе только въ возможности [т. е. иногда]. Подобный проблематическій характеръ [продолжаетъ Эрдманъ] пріобрѣтается отношеніемъ, если основаніе недостаточно [т. е. не полно], если изъ совокупности основаній предположено только одно или другое“ [1]). Чтобы вмѣстѣ съ основаніемъ было уничтожено и слѣдствіе, связь между обоими должна быть исключительной (ausschliesslich)“, т. е. когда подразумѣвается „только въ томъ случаѣ, если“... [2]) Это весьма цѣнное замѣчаніе Б. Эрдмана, сдѣланное попутно, къ сожалѣнію, осталось имъ не использованнымъ относительно всѣхъ традиціонныхъ видовъ гипотетическаго силлогизма. Мало того, это его вѣрное замѣчаніе находится въ противорѣчіи съ его утвержденіемъ, даннымъ имъ въ началѣ того же § 64, будто бы „отношеніе между достаточнымъ основаніемъ и слѣдствіемъ во всякомъ случаѣ аналитическое, слѣдствіе-де содержится въ достаточномъ основаніи, и мыслится въ немъ; поэтому-де оно вытекаетъ съ логической необходимостью (ist Denknotwendigkeit“ [3]). Въ приводимыхъ затѣмъ примѣрахъ Эрдманъ старается это доказать и объясняетъ „кажущіяся отступленія“ тѣмъ, что „нѣкоторыя изъ основаній остаются невысказанными, или даже внѣ нашего воспоминанія (unerinnert), а подчасъ и не воспроизведенными, такъ что ихъ нельзя считать даже безсознательно возбужденными“ [4]). „Аналитическій характеръ этой связи [сознается самъ Эрдманъ] исчезаетъ почти вполнѣ, если высказанный протазисъ (Obersatz) въ себѣ содержитъ правило или законъ [5]). Если бы это объясненіе Эрдмана даже было вѣрнымъ, то оно все-таки не относится ко всѣмъ случаямъ условныхъ сужденій. Такъ, въ фактическихъ истинахъ дѣйствіе отнюдь не вытекаетъ аналитически изъ причины. Причину мы узнаемъ на основаніи продолжительнаго опыта и то не всегда. Безъ опыта, мы никогда не дошли бы до причины. Если же мы заключаемъ отъ дѣйствія *B*, добытаго опытомъ, къ причинѣ *A*, то мы при этомъ всегда подразумѣваемъ большую посылку. „Только *A* всегда производитъ *B*“.

---

[1]) Тамъ же, стр. 411, и 423; 4 строка сн.
[2]) Тамъ же, стран. 242, 2 строка св.
[3]) Тамъ же, стр. 406.
[4]) Тамъ же, стран. 407.
[5]) Тамъ же, стран. 407.

[Объ этомъ подробнѣе будетъ изложено въ слѣдующей главѣ]. Б. Эрдманъ вѣрно, но совершенно немотивированно и безъ оговорокъ утверждаетъ слѣдующее: „Какъ причина съ дѣйствіемъ, такъ наоборотъ, и дѣйствіе можетъ быть соединено съ причинами въ гипотетическую зависимость (Konsequenz)“. Послѣ этого онъ приводитъ безъ всякаго объясненія три примѣра умозаключеній отъ дѣйствія къ причинѣ [1]).

Еще одно вѣрное замѣчаніе даетъ Б. Эрдманъ, а именно, что гипотетическія сужденія, въ которыхъ обѣ части отрицательныя, (если не дано A, то не дано и B) „только формально отрицательны, а по существу утвердительныя... но только въ томъ случаѣ, если связь между обѣими частями исключительная“, т. е. когда подразумѣвается: „только въ томъ случаѣ, если“...

Въ гипотетическихъ силлогизмахъ Б. Эрдманъ приводитъ только два традиціонныхъ вида: modus ponens и tollens); однако вопреки своему замѣчанію, что по существу отрицательныя гипотетическія сужденія сводятся къ утвердительнымъ, приводитъ по качеству большей посылки по четыре формы для каждаго вида. Еще нужно отмѣтить, что въ его схемахъ гипотетическихъ силлогизмовъ неправильно употреблены термины „истинный“ и „ложный“, вмѣсто „данности“ и „отсутствія“. Эрдманъ даетъ слѣдующія схемы: [2])

I Modus ponens

Если G есть, то есть F
G истинно
F истинно.

II Modus tollens

Если G есть, то есть F
F ложно
G ложно.

Тѣ же термины некстати употребляются Эрдманомъ и въ текстѣ.

§ 20. Эрдманомъ я заканчиваю свой общій историческій обзоръ ученія о гипотетическихъ сужденіяхъ и силлогизмахъ. Какъ читатель могъ убѣдиться, это ученіе далеко еще отъ того совершенства, которымъ отличается ученіе о категорическихъ силлогизмахъ, данное Аристотелемъ.

[1]) Тамъ же, стран. 408. У Вундта этотъ случай умозаключенія тоже приводится, но съ нѣкоторой мотивировкой.

[2]) Въ цитир. соч. § 74, стран. 484—486.

1) Еще не разграничены условныя предложенія грамматики отъ гипотетическихъ сужденій логики. Даже Зигвартъ, положившій тому начало, не провелъ до конца это разграниченіе.

2) Еще не установлена строгая разница между гипотетическими умозаключеніями и категорическими.

3) Не сдѣлано строгое разграниченіе между причинной и логической зависимостью: нѣкоторые авторы, какъ напр. Эрдманъ, ихъ прямо отожествляютъ.

4. Не провѣрены два традиціонныхъ вида гипотетическихъ силлогизмовъ—modus ponens и modus tollens: они передаются за безусловно истинные, тогда какъ подобные выводы не всегда истинны.

5) Не обоснованы и не доведены до конца попытки Владислава, Вундта и Эрдмана расширить гипотетич. умозаключенія двумя новыми видами: отъ данности дѣйствія къ данности причины и отъ отсутствія причины къ отсутствію дѣйствія.

6) Не установлена еще модальность гипотетическихъ выводовъ, т. е. когда они безусловно вѣрны, а когда они только возможны, т. е. только иногда не вѣрны.

7) Не выяснена роль отрицанія въ гипотетическихъ сужденіяхъ. Только у Эрдмана встрѣчается попытка къ тому; но она не проведена во всѣхъ случаяхъ и не даетъ удовлетворительнаго объясненія.

VIII. Гипотетическіе силлогизмы въ новой логикѣ. Заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ.

§ 1. Сознавая приведенные выше пробѣлы и недостатки въ ученіи о гипотетическихъ силлогизмахъ, я сдѣлалъ соотвѣтственныя дополненія и исправленія въ своемъ Учебникѣ логики. 1) Я отмѣчаю и поясняю на примѣрахъ различіе между условными предложеніями грамматики, и гипотетическими сужденіями логики: послѣдняя принимаетъ во вниманіе „необходимую внутреннюю связь“ между двумя фактами или понятіями; а грамматика—только внѣшнюю форму связи предложеній при помощи союзовъ, нарѣчій или же мѣстоименій [1]).

2) Различіе между категорическими и гипотетическими сужденіями мною дано въ слѣдующихъ опредѣленіяхъ: а) „во многихъ сужденіяхъ высказывается опредѣленный фактъ независимо отъ причины, порождающей его, или отъ [другого понятія, т. е.] логическаго основанія, обусловливающаго его. Такія сужденія называются категорическими, или безусловными“. б) „Когда же сужденіе высказывается, какъ [внутренно] зависящее отъ другого сужденія, отъ другого факта или объекта познанія, то такое сужденіе называется гипотетическимъ, или условнымъ“ [2]).

3) Въ моемъ учебникѣ и на примѣрахъ, и въ теоріи проведено различіе между причинной зависимостью фактовъ дѣйствительности и логической зависимостью понятій.

---

[1]) И. С. Проданъ. Учебникъ логики, 2 изд. 1910, § 18 стран. 45. „Такимъ образомъ многія предложенія, которыя съ виду могутъ быть причислены къ категорическимъ, по смыслу оказываются гипотетическими сужденіями, такъ какъ въ нихъ предикатъ обусловленъ ихъ субъектомъ. Ср. также § 32 стран. 87.

[2]) Тамъ же § 18 стран. 45.

Это различіе между прочимъ видно изъ слѣдующихъ поясненій: „Отъ логическаго основанія и слѣдствія нужно отличать (фактическую) причину и дѣйствіе (=результатъ = effectus). Послѣднія два соотносительныхъ понятія относятся къ фактамъ реальнаго міра; первыя два относятся къ мышленію. Основаніе и слѣдствіе существуютъ одновременно, но только въ мышленіи. Причина и дѣйствіе существуютъ въ реальномъ мірѣ, независимо отъ нашего познанія и мышленія, и могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ времени". Затѣмъ даются опредѣленія причины въ широкомъ смыслѣ и дѣйствія; условія и дѣйствующей причины [1]).

4) Въ моемъ учебникѣ указано ограниченіе традиціонныхъ гипотетическихъ силлогизмовъ по modus ponens и modus tollens, а именно: а) „Такое заключеніе допустимо только въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдствіе связано исключительно со своимъ основаніемъ (и не связано съ другими): тогда условное сужденіе можетъ быть выражено въ формѣ категорическаго [т. е. простого предложенія], съ присоединеніемъ ограничительнаго „только". б) Въ фактическихъ истинахъ условные силлогизмы даютъ вѣрное заключеніе „только тогда, когда въ протазисѣ большей посылки обозначена не только причина (causa efficiens), но и всѣ существенныя условія", [т. е. „полная причина" Милля]. Послѣ этого идутъ примѣры и подробныя ихъ разъясненія [2]).

5) Умозаключеніе отъ данности дѣйствія къ данности причины у меня передано слѣдующими словами: „Иногда возможно гипотетическое умозаключеніе отъ наличности дѣйствія къ наличности опредѣленной причины. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленное дѣйствіе вызывается только одной опредѣленной причиной [3]). Въ тѣхъ же случаяхъ будетъ правильнымъ выводъ отъ отсутствія причины къ отсутствію дѣйствія [4]).

---

[1]) Въ цитир. соч. § 32, стран. 89.

[2]) Тамъ же, стран. 89 и 90.

[3]) Тамъ же, стран. 91.

[4]) Этотъ случай не отмѣченъ особо въ моемъ учебникѣ, такъ какъ онъ представляетъ собою простую obversio перваго и по смыслу отъ него не отличается. „Только если дано *A*, дано и *B*" значитъ что „если не дано *A*, то не дано и *B*".

6) Модальность гипотетическихъ выводовъ вполнѣ явствуетъ изъ изложеннаго выше. При приведенныхъ выше ограниченіяхъ выводъ будетъ всегда достовѣренъ, т. е. выведенное сужденіе будетъ аподиктическимъ. Внѣ указанныхъ ограниченій возможенъ только проблематическій выводъ [1]).

7) Относительно „отрицательныхъ условій“ Милля я совсѣмъ умолчалъ въ своемъ элементарномъ учебникѣ: я совсѣмъ не привожу таковыхъ, такъ какъ они представляютъ собой только особую словесную форму, которой нѣтъ соотвѣтствія въ реальной дѣйствительности. Самъ Милль, какъ мы видѣли въ пятой главѣ, высказывалъ подобную мысль, но не сумѣлъ ею воспользоваться и выйти изъ затруднительнаго положенія. Для логики „отрицательныя условія“, конечно, имѣютъ свое значеніе въ смыслѣ „противодѣйствій“, которыя уничтожаютъ или задерживаютъ дѣйствіе. Такъ какъ эти случаи относятся къ сложнымъ, въ которыхъ не разобрался и самъ Милль, то я предпочелъ о нихъ умолчать, чѣмъ изложить ихъ кратко и бездоказательно.

§ 2. Приведенныя выше дополненія и поправки къ ученію о гипотетическихъ силлогизмахъ не обратили на себя никакого вниманія моего рецензента г. И. Лапшина: онъ ихъ или не замѣтилъ или считалъ вѣрными. Наоборотъ, проф. Введенскій, пользовавшійся моимъ учебникомъ, не принялъ моихъ поправокъ; онъ ихъ отвергаетъ, считая ихъ ошибочными. Въ своемъ университетскомъ курсѣ логики проф. Введенскій по пятому пункту полемизируетъ только съ покойнымъ проф. Владиславлевымъ, какъ мы увидимъ, неосновательно. Въ „Логикѣ для гимназій“ онъ также полемизируетъ, однако не называетъ именъ, но его полемика, очевидно, относится только ко мнѣ. Поэтому я разберу всѣ тѣ положенія, въ которыхъ проф. Введенскій по данному вопросу расходится съ моими познаніями.

Прежде всего я отмѣчу его очень сложную схему „чисто-условнаго силлогизма“, которая и невѣрна и совершенно

[1]) Относительно таковыхъ только проблематическихъ выводовъ я умолчалъ въ своемъ учебникѣ, чтобы предупредить поспѣшность умозаключеній и возможность ошибокъ со стороны учениковъ. При большихъ числахъ съ примѣненіемъ теоріи вѣроятности и послѣдніе выводы имѣютъ практическое значеніе.

излишня, не только въ элементарномъ учебникѣ, но и въ пространномъ университетскомъ курсѣ. Вотъ какъ она изложена въ новой логикѣ: „Если A есть B, то C есть D; а если M есть N, то никогда C не бываетъ D, слѣдовательно, если M есть N, то A не есть C“ [1]).

Конкретнаго примѣра проф. Введенскій не приводитъ ни въ одной изъ своихъ логикъ. Если бы онъ это сдѣлалъ, то онъ, вѣроятно, убѣдился бы въ ошибочности своей схемы. Попытаемся сдѣлать то, чего не сдѣлалъ авторъ новой логики. Возьмемъ конкретный примѣръ изъ области фактическихъ истинъ. „Если (на поверхности земли) температура воздуха (A)—ниже ноля (B): то рѣки (C) замерзаютъ (D); а если въ данной мѣстности (M) есть лѣто (N): то рѣки (C)—никогда не замерзаютъ (D). Слѣдовательно, если въ данной мѣстности (M) есть лѣто (N): то температура воздуха (A) не рѣки (C)“. Получается истина, сама собой понятная, которую проф. Введенскій не могъ имѣть въ виду. Очевидно, переписчикъ или наборщикъ въ послѣднемъ сужденіи по ошибкѣ поставилъ букву C вмѣсто B. Но авторъ новой логики не отмѣтилъ этой опечатки. [Подобная опечатка въ схемѣ элементарнаго учебника далеко не мелочь]. Впрочемъ, и при указанной поправкѣ не всегда получается вѣрное заключеніе. Если протазисъ A есть B не представляетъ необходимой связи съ аподозисомъ C есть D, то выводъ не всегда будетъ вѣрнымъ. Причина тому будетъ разъяснена ниже. Если же условіе „A есть B“ связано необходимой связью только съ дѣйствіемъ „C есть D“; то тотъ же выводъ получится гораздо проще,—изъ одной первой посылки по modus tollens, т. е. отъ отсутствія дѣйствія къ отсутствію причины, или отъ отсутствія слѣдствія къ отсутствію основанія (условія). Такимъ образомъ этотъ „чисто-условный силлогизмъ“ оказывается или совершенно излишнимъ съ ненужнымъ нагроможденіемъ новыхъ условныхъ сужденій, или же невѣрнымъ.

§ 3. Невѣрно формулированъ въ новой логикѣ и обычный старый видъ условнаго силлогизма. Проф. Введенскій излагаетъ его слѣдующими словами, которыя я выписываю безъ всякихъ пропусковъ. „§ 127. Въ условно категорическихъ силлогизмахъ можетъ быть только два правильныхъ вида: *modus ponens* („утверждающій“, переводитъ проф. Вве-

[1]) Новая лог. § 126, стран. 31.

денскій) и modus tollens (отрицающій). Въ первомъ изъ нихъ мы въ одной посылкѣ соглашаемся [sic!] съ даннымъ условнымъ сужденіемъ, а въ другой посылкѣ соглашаемся съ той частью условнаго сужденія [sic!], которая въ немъ составляетъ основаніе. А тогда наши посылки, разумѣется, будутъ обязывать насъ къ согласію съ слѣдствіемъ условной посылки. Напр.:

Если А не есть В, то С не есть D;
но А не есть В;
слѣд. и С не есть D".

Вотъ и все. Примѣръ опять отсутствуетъ. Эта формулировка возбуждаетъ цѣлый рядъ недоумѣній. Во-первыхъ, этотъ силлогизмъ названъ проф. Введенскимъ „утверждающимъ"; между тѣмъ въ его схемѣ обѣ посылки отрицательныя и заключеніе тоже отрицательное. По истинѣ, это—„lucus a non lucendo". Во-вторыхъ, представляетъ явную несообразность въ формулировкѣ проф. Введенскаго появленіе второй посылки, т. е. требованіе „соглашаться съ частью условнаго сужденія" [первой посылки], когда мы въ первой посылкѣ уже согласились съ цѣлымъ условнымъ сужденіемъ. Въ-третьихъ, не имѣетъ смысла заключеніе „С не есть D", повторяющее половину первой посылки, съ которой мы уже согласились еще до представленія намъ второй посылки.

Въ этомъ силлогизмѣ, какъ извѣстно, дѣло идетъ не о „соглашеніи", какъ то говоритъ проф. Введенскій, а о данности, или наличности условія (протазиса). Проф. Введенскій, повидимому, не хотѣлъ принять моего термина „данности", думая, что безъ него можно обойтись.

Въ-четвертыхъ, отрицательное условіе схемы не имѣетъ реальнаго значенія: оно употребляется въ обиходномъ языкѣ для обозначенія положительной причинной связи, для обозначенія conditio, sine qua non. Въ логической схемѣ таковое обозначеніе можетъ только сбить съ толку новичка: таковой не въ состояніи понять смысла приведенной схемы.

§ 4. Гораздо понятнѣе древняя схема:

1. пос.: Если есть А, то есть и В
2. пос.: Въ данномъ случаѣ есть А.
Заключ.: Въ данномъ случаѣ есть и В.

Эта обычная схема тоже не всегда даетъ вѣрное заклю-

ченіе. Оно вѣрно только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе (или слѣдствіе) связано по необходимости только съ о д н и м ъ протазисомъ (или условіемъ) А. Если же А не представляетъ собою полной и е д и н с т в е н н о й причины или достаточнаго основанія, то заключеніе можетъ быть и невѣрнымъ, т. е. не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Возьмемъ простой примѣръ изъ области фактическихъ истинъ относительно п р и ч и н н о й зависимости. 1 п о с.: „Если затопить въ печкѣ, то въ комнатѣ—тепло". 2. п о с.: „Сегодня топили въ печкѣ". З а к л ю ч.: „Сегодня тепло въ комнатѣ". Что это заключеніе не всегда будетъ вѣрнымъ, не трудно понять. Если на дворъ наступилъ необычный холодъ, или если комната была выстужена какимъ-нибудь другимъ способомъ; то обычная топка не даетъ обычной теплоты. Въ этомъ силлогизмѣ протазисъ первой посылки не представляетъ собою п о л н о й и е д и н с т в е н н о й причины теплоты въ комнатѣ: слѣдовательно заключеніе не всегда будетъ вѣрно. Относительно фактическихъ истинъ вѣрно замѣчаетъ М. Каринскій, что при гипотетическомъ силлогизмѣ нужно подразумѣвать и отсутствіе противодѣйствій [1]).

То же должно сказать и относительно логической з а в и с и м о с т и. Если протазисъ первой посылки не представляетъ собою п о л н а г о или е д и н с т в е н н а г о основанія для аподозиса (слѣдствія), то заключеніе тоже не всегда будетъ вѣрно.

Напр., 1-ая пос.: „Если плоскостью пересѣчь конусъ косо къ его основанію, то на мѣстѣ сѣченія получится эллипсисъ. [Тутъ перечислены не всѣ условія возникновенія эллипсиса: поэтому при этомъ условіи можетъ получиться и парабола и гипербола]. Слѣдовательно, изъ этой посылки не всегда можно получить вѣрный выводъ, при истинности 2-ой посылки, что „въ данномъ случаѣ конусъ пересѣченъ плоскостью косо къ его основанію".

§ 5. Еще большую несообразность представляетъ формула „modus tollens", которую я выписываю полностью какъ и первую. „Modus tollens", [говоритъ проф. Введенскій], состоитъ въ томъ, что, допустивъ [sic!] условное сужденіе въ видѣ одной посылки, въ другой мы отрицаемъ его слѣдствіе, т. е. допускаемъ [sic!] сужденіе, противоположное слѣд-

[1]) См. *Каринскій* Класс. выводовъ, стран. 167.

ствію первой посылки; а тогда обѣ эти посылки принуждаютъ отрицать основаніе первой изъ нихъ, т. е. заставляютъ согласиться съ сужденіемъ противорѣчащимъ этому основанію. Напр.:

Если *A* всегда есть *B*, то ни одно *C* не есть *D*; но хоть нѣкоторыя *C* суть *D* (или такъ: „но послѣднее, т. е. то, что ни одно *C* не есть *D*, невѣрно“); слѣдовательно, иногда *A* не есть *B* (т. е. невѣрно, что *A* всегда есть *B*)“. [Конецъ § 127. Примѣръ опять отсутствуетъ. Въ слѣдующихъ двухъ параграфахъ, заканчивающихъ VIII главу, идетъ одно только объясненіе возможныхъ ошибокъ противъ приведенныхъ выше правилъ].

Прочитавъ въ первый разъ эту схему, я никакъ не могъ ее понять; врядъ ли ее пойметъ кто-нибудь изъ спеціалистовъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Если „*A* всегда есть *B*“, то какъ вяжется съ этимъ противорѣчащее ему заключеніе, будто „иногда *A* не есть *B*“? Если протазисъ первой посылки („*A* всегда есть *B*“) имѣетъ своимъ постояннымъ слѣдствіемъ (или дѣйствіемъ) то, что „ни одно *C* не есть *D*“; то какъ можетъ быть истинной вторая посылка „нѣкоторые *C* суть *D*“, которая противорѣчитъ этому общеотрицательному слѣдствію?

Такая несообразность получается, если понимать схему проф. Введенскаго такъ, какъ она выражена. Но авторъ новой логики, конечно, не могъ имѣть въ виду этой несообразности. Поэтому я былъ принужденъ опять прибѣгнуть къ „догадкѣ“, а именно—что въ университетскомъ курсѣ проф. Введенскаго этотъ силлогизмъ, вѣроятно, объясненъ полнѣе. И дѣйствительно, я въ немъ нашелъ больше: кромѣ приведенной загадочной схемы, я нашелъ и конкретный примѣръ, и другую схему, изложенную болѣе понятно, а именно:

„Если *A* есть *B*, то *C* есть (или: не есть) *D*;
но *C* не есть (или; есть) *D*;
слѣдовательно, *A* не есть *B*“.

Непосредственно за этой схемой приводится слѣдующій единственный примѣръ:

„Если земля покоится въ міровомъ пространствѣ, то неподвижныя звѣзды должны быть видимы во всѣ времена года въ одномъ и томъ же направленіи; но неподвижныя

звѣзды не видимы во всѣ времена года въ одномъ и томъ же направленіи; слѣдовательно, земля не покоится въ міровомъ пространствѣ“ [1]). Эта схема близка къ обычнымъ схемамъ и ближе къ истинѣ, но все же не совсѣмъ вѣрна; а во многихъ случаяхъ она совсѣмъ невѣрна.

§ 6. Мы сперва разсмотримъ ее относительно тѣхъ случаевъ, когда она можетъ быть примѣнена. Но и относительно этихъ случаевъ она нуждается въ поправкѣ. 1) Вторая посылка должна быть формулирована такъ: „Въ данномъ случаѣ *C* не есть *D*“; а заключеніе такъ: „Въ данномъ случаѣ *A* не есть *B*“. Наконецъ, заключенное въ скобкахъ должно быть опущено. Дѣло въ томъ, что ненаступленіе дѣйствія первой посылки (*C* не есть *D*) можетъ зависѣть отъ безчисленнаго множества обстоятельствъ, которыя никто не въ состояніи изучить, и поэтому и не интересуется ими. Намъ важно узнать причину и существенныя условія возникновенія опредѣленнаго дѣйствія; а знаніе того, что не возникаетъ, насъ вообще не интересуетъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ожидаемое дѣйствіе не наступило. Что же касается второй посылки, то въ модусѣ tollens она не можетъ быть утвердительной: иначе, самое названіе его нелѣпо. Съ этими поправками схема имѣетъ примѣненіе и въ фактическихъ, и въ формальныхъ истинахъ, но не всегда, какъ это объяснено въ моемъ учебникѣ [2]). Послѣ исправленія указанныхъ ошибокъ эта схема получитъ слѣдующій видъ:

1. пос.: Если *A* есть *B*, то *C* есть *D*.
2. пос.: Въ данномъ случаѣ *C* не есть *D*.

Заключ.: Въ данномъ случаѣ *A* не есть *B*.

Впрочемъ, когда первая посылка не удовлетворяетъ указанному выше условію, то выводъ, сдѣланный и по этой исправленной схемѣ, не всегда получится вѣрный.

Примѣръ проф. Введенскаго построенъ по этой схемѣ; но онъ формулированъ имъ невѣрно и вообще не подходитъ къ этому случаю. 1) Первая посылка утверждаетъ нѣчто ложное. Вѣдь, всѣ астрономы отъ Птоломея до Коперника вѣрили въ неподвижность земли и тѣмъ не менѣе

---

[1]) Унив. курсъ, стран. 199

[2]) 2-ое изд. § 32, стран. 86—91.

знали, что „неподвижныя звѣзды“ въ разныя времена года занимаютъ *въ тотъ же часъ дня или ночи* (напр., въ полночь) различное положеніе на небесномъ сводѣ [1]). 2) Это ихъ различное положеніе можно объяснять не только движеніемъ земли вокругъ солнца, но и движеніемъ вокругъ земли всего небеснаго глобуса вмѣстѣ съ солнцемъ. 3) Правда, объясненіе Птоломея гораздо сложнѣе и менѣе понятно; но оно не заключаетъ въ себѣ ни логическаго противорѣчія, ни противорѣчія фактамъ наблюденія. 4) Заключеніе въ этомъ примѣрѣ, выведенное изъ ложной первой посылки, не можетъ считаться правильнымъ; правда, оно истинно, но по другимъ соображеніямъ и причинамъ [2]).

§ 7. Мы убѣдились, что всѣ три вида условныхъ силлогизмовъ, изложенные въ обѣихъ логикахъ проф. Введенскаго, даже въ ихъ исправленномъ видѣ, не всегда дадутъ вѣрное заключеніе. Выше была изложена и причина этого факта. Эта поправка впервые была сдѣлана въ моемъ учебникѣ логики; но проф. Введенскій не принялъ ее, хотя принялъ изъ него многое, что менѣе важно. Такъ какъ въ учебникѣ для гимназій нѣтъ мѣста полемикѣ и подробнымъ разъясненіямъ традиціонной ошибки, то въ настоящемъ изслѣдованіи я на ней остановлюсь нѣсколько дольше. Я приведу нѣсколько новыхъ примѣровъ, на которыхъ каждый можетъ убѣдиться, что и modus ponens и въ особенности modus tollens гипотетическихъ силлогизмовъ (въ традиціонной ихъ формулировкѣ) часто даютъ невѣрныя заключенія.

Возьмемъ сперва примѣръ на modus ponens, а именно общеизвѣстный фактъ изъ психологіи.

1-ая посылка: Если звуковыя волны, возбужденныя звучащимъ тѣломъ, дѣйствуютъ на органъ слуха, то получается слуховое воспріятіе.

---

[1]) Проф. Введенскій невѣрно передалъ этотъ фактъ: не знакомый съ этимъ фактомъ ничего не пойметъ изъ словъ университетскаго курса логики; сверхъ того, онъ пропустилъ ограниченіе „въ тотъ же часъ“.

[2]) Въ своемъ университетскомъ курсѣ проф. Введенскій приводитъ еще и третью схему условнаго силлогизма по „modus tollens“, которая мнѣ совершенно непонятна: поэтому я пощажу своихъ читателей и не стану ее распутывать, предоставляя это самому автору этого куріознаго новшества. (См. Унив. курсъ, стран. 200).

2-ая пос.: Въ данномъ случаѣ раздался звонокъ (на обычномъ разстояніи), и звуковыя волны дѣйствовали на слухъ

Заключ. Въ данномъ случаѣ отецъ услышалъ звонокъ.

Это заключеніе иногда можетъ не оправдаться на дѣлѣ: отецъ былъ въ то время погруженъ въ свою работу и не услышалъ его, хотя безъ этого обстоятельства онъ услышалъ бы его. Это заключеніе потому не всегда вѣрно, что въ протазисѣ не содержатся всѣ существенныя условія воспріятія [1]).

То же будетъ въ томъ же примѣрѣ при заключеніи по модусу tollens, если мы во 2-й посылкѣ приведеннаго примѣра отмѣтимъ отсутствіе дѣйствія и скажемъ: „отецъ не имѣлъ слухового воспріятія“ (не слышалъ звонка). Выводъ изъ этихъ посылокъ не всегда будетъ истиннымъ, будто „звонокъ не звучалъ“.

§ 8. То же относится и къ формальнымъ истинамъ, какъ мы это видѣли на примѣрѣ съ сѣченіемъ конуса. Если въ протазисѣ первой посылки не перечислены всѣ существенныя условія: то выводъ и по modus ponens не всегда будетъ вѣрнымъ. Такъ же и по modus tollens въ томъ же примѣрѣ не всегда будетъ вѣрно заключеніе, что „сѣченіе не произведено наклонной къ основанію плоскостью“, если отъ сѣченія не получился эллипсисъ. Какъ извѣстно, отъ такого же сѣченія можетъ получиться и парабола.

Если же въ протазисѣ 1-й посылки перечислены всѣ существенныя условія, т. е. дано полное основаніе, а въ фактическихъ истинахъ—полная причина): то заключеніе по modus tollens всегда будетъ вѣрно, но только относительно совокупности всего протазиса. Заключеніе къ отсутствію одного опредѣленнаго условія (или дѣйствующей причины) и въ этомъ случаѣ не дозволительно: отсутствовать могла или дѣйствующая причина, или одно, или нѣсколько изъ существенныхъ условій, или даже всѣ, вмѣстѣ съ дѣйствующей причиной, или безъ нея. Такъ напр., если глухой не слышитъ, то это происходитъ главнымъ образомъ потому, что у него поврежденъ органъ слуха; но нормальный органъ слуха есть только одно изъ существенныхъ условій звуковыхъ воспріятій, а не ихъ дѣйствующая при-

[1]) См. мое Практическое руководство по психогіи, гл. XXV, стр. 149—156.

чина. Если глухой не слышитъ, то отъ отсутствія у него слуховыхъ воспріятій, т. е., отсутствія дѣйствія, нельзя сдѣлать заключенія, что не существуютъ звучащія тѣла, колебанія воздуха, ушная раковина, слуховой каналъ, барабанная перепонка и прочее, что составляетъ условія и причину слухового воспріятія.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ относительно отца, не слышавшаго звонка, всѣ условія, кромѣ одного, и даже дѣйствующая причина (звучащее тѣло), были на лицо; а дѣйствіе, т. е. слуховое воспріятіе, не получилось. При нѣкоторомъ вниманіи можно понять и этотъ примѣръ, разобранный въ моемъ учебникѣ логики, который подтверждаетъ высказанное выше ограниченіе модуса tollens [1]). Если же протазисъ представляетъ достаточное основаніе или полную причину: то оба традиціонныхъ вида гипотетическихъ заключеній будутъ всегда вѣрны. Такъ напр. 1-я пос. Если треугольникъ равностороненъ, то онъ и равноуголенъ. 2-ая пос.: Данный треугольникъ не равноугольный. Заключ.: Данный треугольникъ не равносторонній. Но эти случаи традиціонной логики принадлежатъ къ рѣдкимъ. Чаще невозможенъ аподиктическій выводъ.

§ 9. Равнымъ образомъ авторъ новой логики не признаетъ и другой моей поправки. Она изложена въ моемъ учебникѣ логики слѣдующими словами: „Иногда возможно гипотетическое умозаключеніе отъ наличности дѣйствія къ наличности опредѣленной причины. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленное дѣйствіе вызывается только одной опредѣленной причиной. (Маркировки нѣтъ въ учебникѣ). Такъ напр., воспріятіе звука у нормальныхъ людей обыкновенно вызывается только звуковыми колебаніями воздуха. Ощущенія цвѣтовъ вызываются опредѣленными освѣщенными тѣлами. Ощущеніе горечи хинина вызывается только растворенымъ хининомъ, ощущеніе сладости сахара—только растворомъ сахара“.

Въ своемъ учебникѣ я выразился сдержанно относительно заключенія отъ дѣйствія къ причинѣ. Я сдѣлалъ это потому, что логика (въ особенности въ элементарномъ курсѣ) должна предостерегать отъ поспѣшныхъ заключеній и

[1]) Ср.: И. С. Проданъ. Учебникъ логики, 2 изд. § 32, стр. 90. Тамъ же мелкой печатью изложены и объяснены еще три примѣра.

отъ возможныхъ ошибокъ: она должна давать точныя и всегда вѣрныя правила.

На самомъ дѣлѣ, люди практики не пренебрегаютъ и заключеніями очень вѣроятными. Для практической жизни таковыя болѣе важны, чѣмъ воздержаніе отъ сужденій и умозаключеній. Это понимали даже древніе скептики-пирроцовны, и въ подобныхъ случаяхъ на практикѣ не воздерживались отъ опредѣленныхъ сужденій. Поэтому мы умозаключаемъ отъ дѣйствія къ причинѣ не только въ тѣхъ случаяхъ, которые я указалъ въ своемъ учебникѣ логики; но и въ тѣхъ, когда умозаключеніе только вѣроятно. Такъ напр., врачи во многихъ случаяхъ не могутъ съ полной увѣренностью заключать по симптомамъ болѣзни о причинѣ, вызвавшей ихъ; но они все же дѣлаютъ діагнозъ, который болѣе всего вѣроятенъ, и лѣчатъ больного согласно этому діагнозу, если это лѣченіе не опасно или безвредно. Если же лѣченіе не прекращаетъ симптомовъ, то врачи заключаютъ, что ихъ лѣченіе неправильно, и что причина болѣзни—другая. (Въ послѣднемъ случаѣ они заключаютъ по modus tollens гипотетическихъ силлогизмовъ).

Всѣ люди постоянно заключаютъ отъ дѣйствія къ причинѣ,—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда заключеніе только очень вѣроятно. Дѣло въ томъ, что въ практической жизни лучше разъ ошибиться и 999 разъ сдѣлать правильное умозаключеніе, чѣмъ воздержаться отъ всякаго заключенія и остаться бездѣятельнымъ или же дѣйствовать на удачу: въ послѣднемъ случаѣ ошибокъ окажется 500 на тысячу случаевъ.

§ 10. Приведенные мною примѣры и объясненія вполнѣ понятны и убѣдительны для гимназистовъ; но проф. Введенскаго они не убѣдили. Не даромъ сказалъ знаменитый нѣмецкій поэтъ: „Was der Verstand der Verständigen nicht sieht, das findet in seiner Einfalt ein kindlich Gemüt [1]). А знаменитый шотландскій философъ Т. Ридъ, изслѣдованія котораго неизвѣстны проф. Введенскому, еще раньше высказалъ слѣдующую мысль: „We most bekam as littles childern, if we will be philosophers“ [2]) Поэтому съ философами ино-

[1]) Чего не видитъ умъ умниковъ, то находитъ въ своей простотѣ дѣтская душа“.

[2]) „Мы должны уподобиться маленькимъ дѣтямъ, если мы хотимъ быть философами“. (Reid, Inquiry...).

гда нужно пространнѣе объясняться, чѣмъ съ маленькими дѣтьми, которыя еще не заражены плохой философіей. Итакъ я поясню подробнѣе проф. Введенскому то, чего онъ не уяснилъ себѣ ни на основаніи своего опыта, ни на основаніи существующей ученой литературы.

Навѣрно и проф. Введенскому, какъ и обыкновеннымъ смертнымъ, ежедневно приходится слышать звонокъ въ своей передней, лай домашней собачки, стукъ шаговъ въ сосѣдней комнатѣ и т. п. Однако и проф. Введенскій не останавливается на звуковыхъ ощущеніяхъ, а сейчасъ же заключаетъ, что звукъ звонка въ передней вызванъ пришедшимъ посѣтителемъ, а лай—домашней собачкой, стукъ же шаговъ —шагами человѣка, а не чѣмъ инымъ; мало того, проф. Введенскій заключаетъ, что этотъ стукъ вызванъ шагами именно такого-то изъ домашнихъ лицъ, а не другого. Далѣе, если проф. Введенскому подадутъ слишкомъ сладкій чай, то отвѣдавъ его, проф. Введенскій тотчасъ же заключаетъ, что сладость чая вызвана сахаромъ, котораго больше положили, чѣмъ слѣдовало. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и проф. Введенскій ежедневно безчисленное множество разъ умозаключаетъ отъ дѣйствія къ причинѣ, вызвавшей его. Проф. Введенскому я скажу больше, чѣмъ сказалъ гимназистамъ въ своемъ учебникѣ логики: Мы постоянно, а не „иногда“ умозаключаемъ отъ дѣйствія къ причинѣ: ежедневно, на каждомъ шагу, въ каждую минуту и секунду. Но мы къ этому до того привыкли, что не обращаемъ вниманія на это: эти умозаключенія почти безсознательны.

§ 11. Возьмемъ примѣръ другого рода, изъ необычной обстановки. Проф. Введенскому, конечно, приходилось бывать въ незнакомыхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ впервые видѣлъ незнакомые ему предметы: поля, луга, лѣса, горы, рѣку, постройки, дома... Однако проф. Введенскій и тутъ не останавливался на однихъ зрительныхъ воспріятіяхъ или на ощущеніяхъ цвѣтовъ и опредѣленныхъ очертаній (контуровъ). Эти цвѣтныя пятна и проф. Введенскій не принималъ за картины на полотнѣ или за пятна ставня: онъ ихъ считалъ новымъ пейзажемъ, т. е. совокупностью реальныхъ вещей, которыя обладаютъ плотностью, протяженіемъ и другими качествами физическихъ тѣлъ. Слѣдовательно и

въ данномъ случаѣ проф. Введенскій заключалъ отъ дѣйствія, т. е., освѣщенныхъ предметовъ, вѣрнѣе, отъ цвѣтныхъ пятенъ, къ причинѣ, вызвавшей ихъ, т. е. къ реальнымъ вещамъ, которыхъ раньше никогда не видѣлъ, т. е. онъ заключалъ *отъ дѣйствія къ причинѣ*, совершенно новой, хотя и схожей съ прежними извѣстными ему. То же самое бываетъ у всѣхъ людей, даже у младенцевъ.

§ 12. *Отъ дѣйствія къ причинѣ заключаютъ не только всѣ люди, но даже животныя.* Такъ напр., лягавая собака по слѣдамъ, оставленнымъ болотнымъ куликомъ, разыскиваетъ того кулика, котораго никогда не видѣла. Всѣ хищные звѣри по слѣдамъ разыскиваютъ свою добычу, которую раньше и не видѣли [1]).

Впрочемъ, новый скептикъ, въ родѣ автора новой логики, можетъ оспаривать умъ у животныхъ и у другихъ людей, такъ какъ этотъ умъ не принадлежитъ къ „прямо наблюдаемымъ причинамъ“;—древніе скептики не дѣлали этого [2]). Тогда новый скептикъ признаётъ существованіе только своего ума. Но въ такомъ случаѣ излишня всякая книжная наука, и въ особенности философія и логика. Для кого тогда написана логика проф. Введенскаго?

А что скажетъ новый скептикъ относительно изученія *душевныхъ явленій другихъ людей*, а не себя одного? Развѣ въ этихъ случаяхъ онъ не заключаетъ отъ дѣйствія къ причинѣ явленія? Развѣ проф. Введенскій видѣлъ когда-нибудь радость, любовь, гнѣвъ, умъ, глупость? Всѣ люди заключаютъ по проявленіямъ этихъ душевныхъ явленій и качествъ относительно ихъ причины, въ томъ числѣ и запоздалый скептикъ 20-го вѣка—проф. Введенскій. И я въ этомъ не составляю исключенія: по прочтеніи новой логики мнѣ пришлось сдѣлать нѣкоторыя заключенія относительно виновника этого произведенія, которыхъ я раньше не могъ и предполагать.

§ 13. Приведенныхъ примѣровъ слишкомъ достаточно для обыкновеннаго человѣка, чтобы убѣдиться въ томъ фактѣ, что мы *постоянно и вполнѣ основательно заключаемъ*

[1]) Очевидно, Творецъ вселенной не предвидѣлъ появленія новой логики и не справившись съ нею, устроилъ умъ человѣка и животныхъ совсѣмъ несогласно съ этой логикой!

[2]) Sextus Empiricus, Pyrrhon. hypotyp. lib I, cap. XIV, §§ 62—78.

отъ дѣйствія къ причинѣ. Но ихъ недостаточно для философіи проф. Введенскаго. Подобные примѣры приводилъ и покойный проф. Владиславлевъ въ первомъ изданіи своей большой логики, указавъ на „возможность“ умозаключенія отъ слѣдствія къ основанію или отъ дѣйствія къ причинѣ. Это сообщаетъ и проф. Введенскій, говоря слѣдующее: „Мнѣніе свое Владиславлевъ подтверждаетъ массою удачно подобранныхъ примѣровъ; но при этомъ онъ дѣлаетъ ту ошибку [sic!], что упускаетъ изъ виду несоотвѣтствіе строя предложеній со строемъ сужденій... [Далѣе продолжаетъ проф. Введенскій]. Вѣдь иногда основаніе условнаго сужденія можетъ и не совпасть съ основаніемъ условнаго предложенія, а [можетъ] выражаться въ предложеніи въ видѣ слѣдствія [Маркировка проф. Введенскаго]. Такъ, силлогизмъ: „Если (логическое удареніе на словѣ „если“) былъ морозъ, то рѣка замерзла; а рѣка замерзла, слѣдовательно, морозъ былъ“ будетъ правильнымъ (это примѣръ самого Владиславлева); но онъ не доказываетъ [утверждаетъ проф. Введенскій], чтобы Владиславлевъ былъ правъ [sic!]. Въ самомъ дѣлѣ, логика говоритъ о сужденіяхъ, а не о предложеніяхъ. Основаніемъ же сужденія служитъ здѣсь „рѣка замерзла“, а въ предложеніи основаніемъ служитъ „если былъ морозъ“ [1]). Такъ просто проф. Введенскій „опровергаетъ“ примѣры Владиславлева и здравый смыслъ всего человѣчества; при этомъ онъ замѣчаетъ, что „Владиславлевъ могъ очень удачно защищаться посредствомъ этого смѣшенія [sic!] предложеній съ сужденіями“. На самомъ дѣлѣ, у Владиславлева никакого „смѣшенія“ не имѣется. Владиславлевъ не сумѣлъ только доказать, когда и почему умозаключенія отъ дѣйствія къ причинѣ „возможны“, а когда они даже обязательны и безошибочны. Въ моемъ учебникѣ логики это сказано; но проф. Введенскій не согласенъ со мною: онъ и въ своей новой логикѣ для гимназій повторяетъ свою полемику, не называя именъ, и наконецъ заявляетъ: „Мнѣніе, будто бы бываютъ какія-то исключенія изъ правилъ условныхъ силлогизмовъ, [подразумѣвается — modus ponens et

[1]) Унив. курсъ, стран. 201.

tollens] основано на неумѣніи отличать сужденія отъ предложеній“ [1]).

§ 14. Возраженіе проф. Введенскаго, будто въ примѣрѣ Владиславлева: „если былъ морозъ, то рѣка замерзла“ имѣется предложеніе, а не сужденіе, совершенно произвольно и невѣрно. Почему авторъ новой логики такъ думаетъ, онъ нигдѣ не говоритъ. Между тѣмъ по его же опредѣленію въ § 5 новой логики „сужденіями логика издавна назвала такія мысли, въ которыхъ мы что либо утверждаемъ или отрицаемъ“. [Курсивъ проф. Введенскаго]. Другого опредѣленія проф. Введенскій не даетъ. Спрашивается, чѣмъ же вышеприведенный примѣръ не-сужденіе? Это и есть настоящее *условное* сужденіе, [по его же опредѣленію въ новой логикѣ, въ § 31] „какъ находящееся въ зависимости отъ какого-нибудь условія“. По мнѣнію проф. Введенскаго, соотвѣтственное „сужденіе“ должно имѣть такую форму: „если рѣка замерзла, то былъ морозъ“. Почему? Проф. Введенскій опять не говоритъ. Но догадаться намъ не трудно, почему: послѣднее „сужденіе“ показалось ему удобнымъ „для опроверженія“ всѣхъ примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ выше. Не споря объ этомъ, я уступлю капризному пріему почтеннаго профессора и остановлюсь на его „условномъ сужденіи“, (а не на примѣрѣ Владиславлева). Однако и въ немъ, очевидно, имѣется заключеніе отъ факта замерзанія рѣки

[1]) Новая логика, § 129 (конецъ). Такимъ образомъ оказывается, что ни я, ни покойный проф. Владиславлевъ не отличали сужденій отъ предложеній! То же относится и къ Вундту, и къ Б. Эрдману. (Ср. стр. 144—148). Проф. Введенскій замѣчаетъ, „что ни у Владиславлева, ни у Свѣтилина, какъ у большинства логиковъ, и какъ у всѣхъ [sic!] русскихъ логиковъ, даже нѣтъ главы или параграфа, посвященнаго описанію отступленій строя предложеній отъ строя сужденій, хотя Владиславлевъ и отмѣчаетъ мимоходомъ, что предложенія и сужденія не одно и то же“. Въ цитир. мѣстѣ, дѣйствительно, у Владиславлева не имѣется объ этомъ особой главы или параграфа; но изъ его историческаго экскурса и его объясненій можно усмотрѣть это различіе. Что же касается моего учебника, то въ немъ имѣются два параграфа (§§ 8 и 9, 1-го изд.), разсматривающихъ это отличіе особо; но о немъ говорится попутно и въ другихъ параграфахъ. Во всякомъ случаѣ, и въ универс., и въ гимназич. курсѣ проф. Введенскаго объ этомъ повторяется только то, что имѣется въ моемъ учебникѣ, но гораздо короче. (См. унив. курсъ, стр. 62—64). Самое различіе имъ не доказано на примѣрахъ относ. терминовъ сужденія.

къ данности мороза, т. е. къ причинѣ замерзанія. Въ реальной дѣйствительности причина, въ данномъ случаѣ морозъ, предшествовалъ дѣйствію, т. е. замерзанію рѣки; но въ мышленіи можетъ раньше появиться фактъ замерзанія. На основаніи одного воспріятія замерзшей рѣки, никто не могъ бы сдѣлать заключенія о причинѣ этого факта, т. е. о предшествовавшемъ морозѣ. Для этого заключенія необходимъ предшествовавшій опытъ, которымъ установленъ эмпирическій законъ, что морозомъ (при извѣстныхъ условіяхъ) производится замерзаніе. Этотъ фактъ причинной зависимости между морозомъ и замерзаніемъ въ умѣренныхъ и полярныхъ поясахъ до того извѣстенъ, что на него не обращаютъ вниманія; но на самомъ дѣлѣ, безъ предшествовавшаго опыта никто подобнаго заключенія не могъ бы сдѣлать. Кто же никогда не видѣлъ льда и не слышалъ даже о немъ, какъ напр., дикари тропическихъ странъ, тотъ даже не повѣритъ, чтобы рѣки могли замерзать, т. е. покрываться твердой корой—льдомъ. Подобный примѣръ передаетъ Джонъ Локкъ даже объ одномъ индусскомъ раджѣ [1]). Итакъ сужденіе проф. Введенскаго „если рѣка замерзла, то былъ морозъ“ можетъ возникнуть только у того, кто знакомъ съ эмпирическимъ закономъ относительно замерзанія. Если-бы таковой человѣкъ разсуждалъ не энтимемами, а полными умозаключеніями, то онъ долженъ разсуждать приблизительно такъ: „Рѣка замерзла; но рѣки замерзаютъ только отъ предшествовавшаго мороза: слѣдовательно и данному замерзанію предшествовалъ морозъ“. То же разсужденіе можетъ вылиться и въ форму гипотетическаго силлогизма: „Если бываетъ морозъ, то рѣки замерзаютъ; эта рѣка замерзла: слѣдовательно, былъ морозъ“. Съ энтимемой можно это заключеніе выразить формулой болѣе простой, чѣмъ формула проф. Введенскаго. А именно: „Рѣка замерзла: слѣдовательно былъ морозъ“.

§ 15. Слово „если“, употребленное проф. Введенскимъ въ его „гипотетическомъ сужденіи“, имѣетъ формально логическое значеніе, и вовсе не дѣлаетъ протазисъ фактическимъ условіемъ или причиной факта, высказаннаго въ аподозисѣ. Оно указываетъ только то, что въ протазисѣ находится одно изъ логическихъ основаній для заключе-

[1]) J. Locke, An Essay conc. hum. underst.

нія о наличности факта, высказаннаго въ аподозисѣ, а именно: „если рѣка замерзла, то я имѣю основаніе [но не полное] заключать, что это замерзаніе произведено морозомъ".

Какъ бы то ни было, и въ примѣрѣ гипотетическаго „суждения", приведенномъ проф. Введенскимъ, заключеніе дѣлается имъ отъ дѣйствія (замерзанія) къ причинѣ, т. е. къ морозу. Слѣдовательно и единственный его примѣръ какъ-разъ доказываетъ то, что проф. Введенскій желалъ опровергнуть, а именно, будто вообще нельзя заключать отъ дѣйствія къ причинѣ. Такимъ образомъ попытка проф. Введенскаго опровергнуть здравый смыслъ всего человѣчества, прирожденный каждому вмѣстѣ съ его душой, потерпѣла полное крушеніе: она и не могла иначе закончиться. Самъ проф. Введенскій безсознательно и противъ своей воли пришелъ къ тому, чего не позволяла ему его философія, но что сильнѣе плохой философіи —къ принципу здраваго смысла. Итакъ невѣрно и его утвержденіе будто существуютъ только двѣ формы гипотетическихъ силлогизмовъ.

§ 16. Ошибка проф. Введенскаго вызвана тѣмъ, что онъ 1) не отличаетъ фактовъ дѣйствительности и истинъ, ихъ высказывающихъ (такъ называемыхъ фактическихъ), отъ истинъ формальныхъ; 2) причинную связь—отъ связи логической. Дѣло въ томъ, что каждая фактическая истина, высказывающая причинную связь, въ нашемъ мышленіи можетъ превратиться въ логически условное сужденіе, какъ это сдѣлалъ проф. Введенскій въ примѣрѣ съ замерзаніемъ рѣки: реальная причина можетъ быть выражена и протазисомъ и аподозисомъ гипотетическаго сужденія; она можетъ быть выражена и въ простомъ предложеніи. Логика должна вникать въ смыслъ сужденій, а не можетъ руководиться одной только грамматической формой. Какъ я отмѣтилъ въ своемъ учебникѣ, гипотетическими сужденіями въ логикѣ нужно считать и такія, которыя не имѣютъ грамматической формы условныхъ предложеній. Таково напр., и слѣдующее предложеніе: „отъ мороза замерзаютъ рѣки". Вѣдь, оно по смыслу не отличается отъ вышеприведеннаго гипотетическаго сужденія Владиславлева [1]).

[1]) См. мой учебникъ лог. 2-е изд., §§ 18, 32.

И самъ проф. Введенскій, не соблюдая своего правила о гипотетическихъ сужденіяхъ, въ своей новой логикѣ довольно часто умозаключаетъ отъ дѣйствія къ причинѣ. Такъ, въ методахъ индукціи онъ исходитъ отъ дѣйствія (результата) и переходитъ къ причинѣ,—даже во всѣхъ своихъ схемахъ (§§ 175—180).

§ 17. Такъ же возможно заключеніе и отъ отсутствія причины или существеннаго условія къ отсутствію дѣйствія, [что тоже отмѣтилъ еще Владиславлевъ]; но и это заключеніе будетъ безошибочнымъ только тогда, когда данное дѣйствіе можетъ быть вызвано только одной опредѣленной причиной. Это бываетъ въ природѣ гораздо чаще, чѣмъ обратное: поэтому ошибки были бы сравнительно рѣдки, если-бы кто-нибудь даже всегда примѣнялъ это правило. Напр., если не наступитъ морозъ, то прудъ не замерзнетъ. Примѣры замерзанія безъ мороза въ природѣ не бываютъ.

§ 18. Всѣ умозаключенія относительно причинной зависимости основаны на всеобщей увѣренности, что въ природѣ существуетъ единообразіе; но и логическая связь предполагаетъ единообразіе, а именно въ мышленіи. Единообразіе мышленія предполагается каждымъ знаніемъ. Наша прирожденная вѣра въ единообразіе природы и мышленія ежедневно, ежечасно и ежеминутно находитъ себѣ подтвержденіе въ нашихъ дѣйствіяхъ, и въ нашихъ познаніяхъ. Эти эмпирическія доказательства относительно нашихъ знаній можно коротко формулировать гипотетическимъ силлогизмомъ.

1-ая посылка: *Удачныя* **предсказанія перемѣнъ и явленій** *природы* **возможны** *только* **при условіи, что существуетъ единообразіе въ природѣ и что мы знаемъ** *точно* **этотъ порядокъ единообразія.** (Не будь этого порядка въ смѣнѣ явленій: невозможно было бы ихъ постоянное повтореніе въ короткіе промежутки человѣческой жизни, невозможно было бы и знаніе таковыхъ повторяющихся однообразныхъ смѣнъ).

2-ая посылка: **Часто оправдываются предсказанія будущихъ перемѣнъ и явленій.** (Таковы напр., смѣна дня и ночи, фазъ луны, временъ года, появленіе кометъ и планетъ на небесномъ сводѣ, перемѣщенія небесныхъ свѣтилъ въ зависимости отъ вращеній земли; далѣе, въ механикѣ—всѣ дѣй-

ствія разныхъ машинъ и механизмовъ; въ медицинѣ—разныя дѣйствія въ зависимости отъ лекарствъ, операцій и манипуляцій; то же и въ химіи, и въ физіологіи, и въ другихъ естественныхъ наукахъ; отчасти это возможно и въ педагогикѣ и даже въ политикѣ).

Заключеніе: **Во всѣхъ случаяхъ удачнаго предсказанія явленій и перемѣнъ существовало и единообразіе, и точное знаніе его.**

Въ данномъ случаѣ мы правильно заключаемъ отъ факта оправдавшагося предсказаніемъ т. е. отъ дѣйствія (результата) къ его единственной причинѣ и необходимому условію, т. е. къ единообразію природы и точному знанію его. Но мы можемъ продолжить свои разсужденія.

1-ая посылка: Общее знаніе наукъ, провѣренное и признаваемое всѣми людьми, въ томъ числѣ и учеными спеціалистами, возможно только при существованіи единообразія въ природѣ и въ логическомъ мышленіи.

2-ая посылка: Такое знаніе (болѣе или менѣе полное) мы имѣемъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ областяхъ природы.

Заключеніе: Въ этихъ изученныхъ человѣчествомъ областяхъ существуетъ единообразіе природы.

Конечно, возможно, что со временемъ откроются нашему знанію еще и новыя области; но и это возможно только въ томъ случаѣ, если и въ этихъ новыхъ областяхъ будетъ существовать единообразіе. Иначе не зародится даже желаніе изучать эти новыя неизвѣстныя области. Итакъ то, во что вѣрятъ всѣ ученые и въ большинствѣ случаевъ даже обыкновенные люди, подтверждается и приведенными выше умозаключеніями, сдѣланными отъ дѣйствія къ причинѣ или къ необходимому условію.

IX. Планъ и методъ; терминологія и опредѣленія.

§ 1. Каждая наука, какъ нѣчто цѣлое, не ограничивается сообщеніемъ опредѣленныхъ провѣренныхъ знаній: она передаетъ эти знанія въ извѣстномъ порядкѣ, по меньшей мѣрѣ классифицируя ихъ. Эти классифицированныя знанія приводятся въ одно стройное цѣлое, въ одну систему. Послѣдняя задача не осуществима только въ тѣхъ наукахъ, которыя еще слишкомъ мало разработаны. Относительно элементарной логики нельзя утверждать этого. Таковая вышла довольно стройной наукой даже изъ рукъ ея творца—Аристотеля. Съ тѣхъ поръ она обрабатывалась въ теченіе 22 вѣковъ, и больше семи вѣковъ она была на Западѣ предметомъ школьнаго преподаванія и образованія. Поэтому и въ наше время вполнѣ основательно требованіе, предъявляемое къ курсу логики, чтобы онъ былъ изложенъ научно, и согласно съ требованіями самой логики относительно классификаціи и системы.

Въ элементарномъ учебникѣ, иногда отступаютъ отъ строго систематическаго изложенія, жертвуя этой внѣшней стройностью въ пользу важныхъ дидактическихъ соображеній; но въ такомъ случаѣ эти соображенія должны своей необходимостью оправдывать сдѣланныя отступленія. Такъ напр., въ своемъ практическомъ руководствѣ по психологіи, предназначенномъ для VII класса гимназій и для самообразованія, я сдѣлалъ подобную уступку въ пользу аналитическаго метода. Я имѣлъ въ виду гимназистовъ, приступающихъ къ изученію психологіи, пріучать къ самонаблюденію и къ анализированію конкретныхъ фактовъ психической жизни; а таковые, какъ извѣстно, представляютъ собою извѣстную

сложность разнородныхъ элементовъ психической дѣйствительности. Поэтому мнѣ уже при первыхъ урокахъ отдѣла о познаніи приходилось говорить и о чувствахъ, и о волевыхъ актахъ, приходилось дѣлать ссылки на послѣдующіе отдѣлы. Эти отступленія въ сторону неизбѣжны при аналитическомъ методѣ преподаванія психологіи, какъ науки о реальныхъ фактахъ психической дѣйствительности.

§ 2. Совсѣмъ иной предметъ и задача логики. Таковая устанавливаетъ общія нормы мышленія, соблюденіе которыхъ необходимо для достиженія истины. Слѣдовательно она не имѣетъ дѣла съ конкретными переживаніями, а съ общими типами, съ общими правилами, обязательными для всѣхъ людей и всѣхъ временъ. Правда, и логика старается иллюстрировать и оправдывать эти общія нормы на отдѣльныхъ примѣрахъ, представляющихъ собою понятія и сужденія; но и таковыя берутся внѣ ихъ связи съ переживаніемъ подобнаго мыслительнаго акта въ опредѣленный моментъ, въ опредѣленномъ сознаніи мыслящаго. Проф. Введенскій какъ мы видѣли въ I главѣ возстаетъ противъ психологизма въ логикѣ [1]); онъ маркируетъ крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ слѣдующее положеніе: „логика имѣетъ въ виду одну лишь правильность и неправильность соединенія вывода съ посылками, независимо отъ того, путемъ какихъ душевныхъ переживаній возникаютъ эти соединенія“ [2]). Поэтому логика проф. Введенскаго не должна заниматься психологическими анализами, а должна руководиться исключительно своими собственными задачами. Отъ подобной логики вполнѣ основательно можно требовать, чтобы она излагалась по требованіямъ самой логики,—научно и систематично. Однако проф. Введенскій въ своей „Логикѣ для гимназій“ попытался примѣнить подобный же аналитическій методъ, какой мною примѣненъ въ моемъ учебникѣ по психологіи.

Разумѣется, онъ его не могъ провести послѣдовательно: поэтому его учебникъ логики не даетъ ни строгой классификаціи матеріала, ни опредѣленной системы, которая оправдывалась бы дидактическими или научными соображеніями.

---

[1]) См.: I гл. стран. 6, 2-ое примѣчаніе, а также § 17 стран. 18 и оба примѣчанія.

[2]) Проф. А. И. Введенскій, Логика для гимн. § 6, стран. 7.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на его оглавленіе, чтобы въ этомъ убѣдиться. Вотъ оно въ его полной неприкосновенности [1]):

Оглавленіе.

Предисловіе V

Главы: Стр.

I. Задачи логики и ея отличія отъ психологіи . . . 1

[Тутъ же говорится, что такое мышленіе, что—сужденіе, знаніе, умозаключеніе, посылки, выводъ...].

II. Сужденія и предложенія 8

[Въ ней же излагается „о признакахъ“ въ семи параграфахъ §§ 11—17; затѣмъ—„о понятіи“ и „терминахъ“ §§ 18—21].

III. Видоизмѣненія понятій [2]) 18

[Въ ней говорится о содержаніи и объемѣ понятій, о разномъ дѣленіи понятій, объ ограниченіи и обобщеніи].

IV. Видоизмѣненія сужденій 22

[Въ ней говорится о дѣленіи сужденій по „отношенію“, количеству, качеству и модальности, о матеріи и формѣ...].

V. Основные методы провѣрки сужденій 29

[Тутъ даются опредѣленія: что такое „оправданіе и опроверженіе сужденій“, что такое методъ, пріемъ, опытъ, доказательство; знаніе раціональное и эмпирическое, а также дается филологическое объясненіе praesens'a. Тутъ же излагается, что такое противоположныя сужденія и доказательство reductio ad absurdum].

VI. Доказательства, несоединенныя съ установкой данныхъ опыта, или чисто-раціональныхъ наукъ . . . 42

[Тутъ говорится о дедуктивныхъ доказательствахъ прямыхъ и косвенныхъ, о дѣленіи понятія, о послѣднихъ или высшихъ основаніяхъ (аксіомахъ)... о паралогизмахъ и софизмахъ и объ ошибкахъ въ доказательствахъ,—послѣднее на пяти страницахъ].

VII. Умозаключенія: кажущіяся, непригодныя для доказательствъ и непосредственныя 60

[Подъ „кажущимися умозаключеніями“ проф. Введенскій разумѣетъ conversio, заключеніе отъ общаго къ частному съ той же матеріей, а также полную индукцію. Даль-

[1]) Лог. для гимн. стр. IV. Заключенное въ скобкахъ не содержится въ оглавленіи.

[2]) Что подъ этимъ заголовкомъ нужно понимать, нельзя догадаться, пока не прочтешь этой главы.

ше излагается неполная индукція, аналогія, inductio per enumerationem simplicem, дѣленіе умозаключеній на непосредственныя и опосредствованныя и наконецъ энтимема].

[Въ дальнѣйшемъ я передамъ оглавленіе такъ, какъ оно дано въ новой логикѣ, т. е. безъ моихъ поясненій содержанія].

VIII. Силлогизмы 75
IX. Логическіе законы мышленія 92
X. Раздѣленіе понятія и классификація 99
IX. Опредѣленія и правила научной терминологіи . . 106
XII. Доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта, но однородныя съ несоединенными. Гипотезы и ихъ значеніе. 112
XIII. Индуктивныя доказательства, или доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта, разнородныя съ несоединенными 122
XIV. Послѣднія посылки научнаго знанія. Индукція и дедукція 148
XV. Экспериментъ, наблюденіе и свидѣтельство . . . 160
XVI. Система, какъ форма изложенія науки 165
Дополненія для самообразованія 169
Примѣры для упражненій . . . . . 194—200

---

§ 3. Таково оглавленіе, таково и распредѣленіе матеріала въ новой логикѣ проф. Введенскаго. Признаться, оно весьма оригинально: подобнаго плана не отыщешь ни въ одной логикѣ за всѣ 22 вѣка существованія логики, какъ науки. Къ сожалѣнію, эта оригинальность проф. Введенскаго ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Такъ напр., если-бы кто-нибудь вздумалъ въ изложенномъ порядкѣ изучать логику по учебнику проф. Введенскаго, то онъ сперва долженъ былъ бы изучать дедуктивныя доказательства раціональныхъ наукъ—въ VI главѣ (въ которой между прочимъ проводятся скептическія воззрѣнія относительно аксіомъ геометріи), а затѣмъ только онъ будетъ изучать элементы этихъ доказательствъ, т. е. силлогизмы—въ VIII главѣ. Послѣ этого только онъ познакомится въ IX главѣ съ „логическими законами мышленія“, на которыхъ зиждятся и силлогизмы и доказательства.

Съ точки зрѣнія чисто-научной я укажу на слѣдующія ненормальности новой логики. Дѣленіе на главы въ ней не поддается никакимъ правиламъ логики о классификаціи [1]). Еще менѣе оправдывается дѣленіе по параграфамъ. Множество изъ нихъ совершенно не относится къ заголовку главы [2]).

Заголовки III и IV гл. совершенно сбиваютъ съ толку: въ нихъ авторъ употребилъ слово „видоизмѣненія“ вмѣсто „виды“; а это не одно и то же. Наконецъ, авторъ новой логики не даетъ ни перечня своихъ параграфовъ, ни алфавитнаго указателя предметовъ. Поэтому по его учебнику чрезвычайно трудно сдѣлать справку даже мнѣ, хотя я, кажется, достаточно ознакомился съ его учебникомъ.

§ 4. Свой планъ изложенія авторъ новой логики ставитъ себѣ въ заслугу и мотивируетъ его въ своемъ предисловіи слѣдующими словами: [3]) „... при обычномъ [sic!] планѣ лишь съ большимъ трудомъ (и далеко не всѣми) достигается пониманіе необходимости разныхъ частей логики для ея цѣлаго. Это пониманіе возникаетъ лишь по окончаніи изученія всей логики... [а при новомъ оно можетъ возникнуть раньше?] И съ той поры, какъ я сталъ все больше и больше перерабатывать планъ изложенія, тотчасъ же [sic!] въ аудиторіи началъ быстро расти интересъ къ лекціямъ логики... Кромѣ того, современная [только современная?] дидактика требуетъ начинать преподаваніе съ конкретнаго и лишь послѣ освоенія съ нимъ переходить къ абстракт-

---

[1]) Проф. Введенскій въ концѣ своей Логики для гимназій убѣдился только относительно своей „классификаціи доказательствъ“, что она—„какая-то искусственная“ [§ 197, стран. 157, 5 строка снизу]. Но въ этомъ была бы небольшая бѣда. Эта классификація и невѣрна. Какъ мы видѣли въ IV гл., къ „доказательствамъ несоединеннымъ съ установкой данныхъ опыта“ отнесены авторомъ новой логики и такія доказательства, въ которыхъ есть и эмпирическія данныя, напр., въ доказательствахъ геометріи, физики.

[2]) Таковы напр.: §§ 11 по 17, §§ 18—21 во II главѣ; затѣмъ,—§§ 68—71, 74 и 75, въ VI главѣ; далѣе—§ 94 въ VII главѣ.

Самые параграфы чрезвычайно различны по объему: одни состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ (6—10); другіе же изъ нѣсколькихъ страницъ, на которыхъ говорится о различныхъ предметахъ. Таковы, напр.: § 6 (въ 110 строкъ), § 75 (въ 5 страницъ около 200 строкъ), § 166 (въ 67 строкъ), §§ 171, 179 и 189 (по 82 строки), § 180 (въ 91 строку), § 196 (въ 70 строкъ).

[3]) Эту мотивировку я выписываю полностью.

ному. Но конкретные факты, съ какими мы имѣемъ дѣло въ знаніи, разсматриваемомъ съ логической точки зрѣнія, это —сужденія и ихъ провѣрка, въ частности доказательства [?]. Понятія—абстракція отъ сужденій: ихъ еще надо отыскать въ сужденіяхъ, какъ ихъ составные элементы. Умозаключенія появляются въ живой конкретной дѣйствительности только [?] въ видѣ доказательствъ или ихъ составныхъ частей, а не сами по себѣ [?]. Логическіе законы мышленія, съ которыхъ чаще всего начинаютъ логику (или, въ лучшемъ случаѣ, предпосылаютъ ихъ умозаключеніямъ), конкретно обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ видѣ указываемыхъ логикой правилъ мышленія; а сами по себѣ, помимо своихъ дѣйствій, существуютъ столь же мало, какъ и всякій другой законъ помимо явленій, въ которыхъ сказывается его дѣйствіе. Такъ не слѣдуетъ ли изъ всего этого [задаетъ вопросъ проф. Введенскій], что все изложеніе логики надо вести, постоянно имѣя въ виду вопросъ о провѣркѣ сужденій, что и начинать ее надо съ сужденій, а не съ понятій, къ разсмотрѣнію правилъ умозаключеній переходить лишь послѣ нѣкотораго ознакомленія съ доказательствами, логическіе же законы мышленія устанавливать [sic!] лишь послѣ того, какъ накопится достаточно матеріала, съ помощью котораго легко было бы подмѣтить [sic!] содержаніе каждаго изъ нихъ? Вотъ эти-то соображенія и легли въ основу выработанныхъ мною плана и всѣхъ пріемовъ изложенія“ [1]). Таковы соображенія проф. Введенскаго относительно его „плана“.

§ 5. Изъ приведенныхъ выше соображеній явствуетъ, что проф. Введенскій долго соображалъ и неоднократно переработывалъ свой планъ, отъ котораго „тотчасъ же началъ быстро расти интересъ къ лекціямъ логики“. Я не имѣю чести знать, какъ проф. Введенскій раньше напечатаннаго имъ университетскаго курса излагалъ логику. Можетъ быть, что онъ ее излагалъ хуже, (хотя это мало вѣроятно) и что, дѣйствительно, отъ улучшеннаго изложенія „возросъ интересъ къ его лекціямъ“. Но можетъ быть, что этотъ „возросшій интересъ“ почтенный профессоръ измѣрялъ количествомъ слушателей; а таковое послѣ „автономіи“ университетовъ по всей Россіи значительно увеличилось на

[1]) Предисл. VI и VII стран.

всѣхъ факультетахъ и на всѣхъ высшихъ курсахъ. Можетъ быть, проф. Введенскій дѣлаетъ ошибку „post hoc, ergo propter hoc“. Я знаю, что то же явленіе наблюдалось и у другихъ преподавателей логики, которые держались „стараго плана“.

Какъ бы то ни было, долгія соображенія проф. Введенскаго не дали зрѣлаго плода: они не выдерживаютъ и самой снисходительной критики; они невѣрны даже съ психологической точки зрѣнія, которую, какъ мы видѣли, въ теоріи такъ рѣшительно отвергаетъ авторъ новой логики; но на практикѣ онъ довольно часто придерживается ея.

1) Что касается „конкретности“ преподаванія, которую имѣлъ въ виду проф. Введенскій, то это требованіе предъявляется не только „современной дидактикой“, какъ то утверждаетъ почтенный профессоръ философіи: оно предъявлялось еще Амосомъ Коменскимъ, болѣе 300 лѣтъ тому назадъ. Только эта конкретность относится къ первоначальному обученію, а не къ осьмому (выпускному) классу гимназій, ученики котораго уже прошли алгебру, логариѳмы, тригонометрію. Впрочемъ, она желательна для каждой науки, не исключая и философіи. Вопросъ заключается только въ томъ, какъ ея достичь при преподаваніи логики. Проф. Введенскій думаетъ, „что все изложеніе логики надо вести, постоянно имѣя въ виду вопросъ о провѣркѣ сужденій“. Что это неосуществимо при изложеніи логики, было доказано раньше: и самъ авторъ новой логики, какъ мы видѣли, этой „провѣрки сужденій“ ни разу не далъ въ своемъ учебникѣ“ [1]).

2) Проф. Введенскій повторяетъ мысль проф. Т. Липпса, что „начинать надо ее [т. е. логику] съ сужденій, а не съ понятій“. Эта перестановка двухъ главъ не играетъ существенной роли: на самомъ дѣлѣ, всѣ логики уже при опредѣленіи ея предмета касаются мышленія и сужденій. Но проф. Введенскій упустилъ изъ виду, что это мнѣніе защищается Липпсомъ, рѣшительнымъ приверженцемъ психологизма въ логикѣ; а противъ такового возстаетъ проф. Введенскій. Впрочемъ, и съ этой точки зрѣнія мнѣніе Липпса нуждается въ ограниченіи. Даже въ томъ случаѣ, если разсматривать сужденіе, какъ конкретное переживаніе въ

[1]) Ср. наст. изслѣдованіе I гл., § 15, IV гл., § 4 и другія мѣста.

сознаніи опредѣленно мыслящаго человѣка, (а не какъ содержаніе объективной мысли, имѣющей значеніе для общечеловѣческаго знанія) предполагаемый психологическій пріоритетъ сужденія передъ понятіями, входящими въ *это* сужденіе, не можетъ быть истиннымъ. Тѣ понятія, которыя вошли въ данное сужденіе, несомнѣнно, были раньше уже сложившимися въ душѣ мыслящаго, а въ данный моментъ они соединились въ сужденіе, какъ сознательный актъ мышленія [1]).

3) Совершенно невѣрно мнѣніе почтеннаго профессора-философа, преподающаго и психологію, будто „умозаключенія появляются въ живой конкретной дѣйствительности только въ видѣ доказательствъ или ихъ составныхъ частей, а не сами по себѣ". Это невѣрно даже относительно ученѣйшихъ спеціалистовъ, которые по своей профессіи занимаются доказательствами. Какъ мы видѣли въ предыдущей VIII главѣ, и самъ проф. Введенскій не всегда занятъ доказательствами Кантовскаго критицизма: и онъ получаетъ воспріятія, о которыхъ умозаключаетъ, хотя въ эти моменты никому ничего не доказываетъ; въ эти моменты онъ даже не провѣряетъ своихъ умозаключеній и сужденій о реальной дѣйствительности [2]).

4) Невѣрно мнѣніе почтеннаго профессора, будто „логическіе законы мышленія... конкретно обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ видѣ указываемыхъ логикой правилъ мышленія, а сами по себѣ, помимо своихъ дѣйствій, не суще-

[1]) Въ психологіи, которая придерживается аналитическаго метода, нужно излагать сужденія раньше, чѣмъ понятія. Дѣло въ томъ, что даже узнаваніе знакомаго впечатлѣнія предполагаетъ элементарное сужденіе тожества, но таковое не можетъ считаться логическимъ понятіемъ. И воспріятія сопровождаются элементарными сужденіями, которымъ въ логикѣ соотвѣтствуютъ законы мышленія и постулаты индукціи. Изъ воспріятій и сужденій вырабатываются понятія. Но въ логикѣ неправильно разсмотрѣніе сужденій прежде понятій: это не оправдывается ни дидактическими соображеніями, ни самими задачами логики.

[2]) См. VIII главу наст. изслѣдованія §§ 10—11.

Проф. Введенскій, повидимому, мало занимался самонаблюденіями и вообще психологіей. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ онъ забылъ, что логика съ его точки зрѣнія не занимается „конкретной дѣйствительностью" въ смыслѣ психическихъ переживаній, а отвлеченными нормами мышленія.

ствуютъ". Эти законы мышленія существуютъ и „сами по себѣ"—въ курсахъ логики; но нѣчто имъ соотвѣтствующее какія-то силы, управляютъ „сами по себѣ" мышленіемъ каждаго нормальнаго человѣка. Обнаруживаются эти законы и въ элементарныхъ процессахъ суждения, и притомъ и у такихъ людей, которые никогда ничего и не слышали о логикѣ. (Проф. Введенскій поэтому ошибочно почти всѣ законы мышленія считаетъ естественными законами). Слѣдовательно даже съ его точки зрѣнія онъ ихъ долженъ былъ изложить сейчасъ же послѣ сужденій, т. е. въ V главѣ, а не послѣ силлогизмовъ, въ IX-й.

§ 6. Итакъ ни одно изъ приведенныхъ проф. Введенскимъ дидактическихъ соображеній не выдерживаетъ критики. Только его благое намѣреніе „начинать преподаваніе съ конкретнаго" заслуживаетъ вниманія. Но и въ этомъ случаѣ онъ избралъ негодныя средства. Дѣло въ томъ, что логика есть наука нормативная, излагающая общеобязательныя правила мышленія. А въ таковыхъ не можетъ быть иной наглядности, какъ ихъ иллюстрированіе наглядными примѣрами, на которыхъ обнаруживается данное правило. Примѣры должны быть типичными, по возможности простыми и удобопонятными. Этими качествами иногда отличаются заимствованные проф. Введенскимъ примѣры; но и въ этихъ случаяхъ проф. Введенскій, какъ мы видѣли, весьма часто сбивается и неправильно ихъ объясняетъ. А въ болѣе трудныхъ вопросахъ, въ которыхъ самъ авторъ новой логики не разобрался, онъ не приводитъ никакихъ примѣровъ, напр., въ гипотетическихъ силлогизмахъ и въ индуктивныхъ доказательствахъ [1]). Сверхъ того, наглядности можно достичь психологическими объясненіями основныхъ процессовъ познанія; но это не соотвѣтствуетъ антипсихологической точкѣ зрѣнія проф. Введенскаго. Объяснять же правила логики одними основными законами мышленія, какъ мы видѣли въ первыхъ главахъ, рѣдко осуществимо: этими законами не можетъ быть объясненъ даже категорическій силлогизмъ [2]). Впрочемъ, эти основные законы до того отвлеченны, что при неумѣломъ ихъ изложеніи (которое обна-

[1]) Нов. лог. §§ 126 и 127 (стран. 91), § 188, стран. 146, 147 (два раза) и 148.

[2]) См. настоящее изслѣдованіе гл. I, § 17 и II гл. §§ 20—22.

руживалось и у проф. Введенскаго) они должны показаться ученикамъ чѣмъ-то мудренымъ и непонятнымъ, а въ лучшемъ случаѣ—излишнимъ. Сами эти законы нуждаются въ психологическомъ объясненіи. Слѣдовательно, если-бы даже было осуществимо, ошибочное мнѣніе проф. Введенскаго, относительно объясненія всѣхъ правилъ логики основными законами мышленія, то и въ такомъ случаѣ объясненіе правилъ логики болѣе отвлеченными законами мышленія не дастъ наглядности. Наконецъ, самъ авторъ новой логики не исполняетъ своего благого намѣренія: помѣстивъ эти основные законы послѣ доказательствъ и умозаключеній, онъ не могъ ими объяснять правила, которыя были изложены раньше.

Такимъ образомъ планъ новой логики не только не содѣйствуетъ наглядности и понятности изложенія; но напротивъ, онъ вноситъ полный хаосъ во всѣ отдѣлы и не даетъ никакого понятія объ ихъ внутренней логической связи. Чтобы подобнымъ планомъ могъ быть увеличенъ интересъ къ логикѣ, какъ это предполагаетъ проф. Введенскій, съ этимъ я думаю, врядъ ли согласится какой-нибудь педагогъ. По моему мнѣнію, изложеніе логики, нарушающей и въ цѣломъ и въ ея частяхъ требованія этой же науки, можетъ только подорвать въ ученикахъ вѣру въ основательность и научность самой логики! Можетъ быть, скептицизмъ проф. Введенскаго именно это имѣлъ въ виду? Тогда онъ вполнѣ осуществилъ эту цѣль. Только подобная цѣль противорѣчитъ всѣмъ образовательнымъ и воспитательнымъ задачамъ школы.

§ 7. Теперь разсмотримъ, насколько планъ новой логики, т. е. распредѣленіе и выборка матеріала, а равно и дидактическіе пріемы проф. Введенскаго соотвѣтствуютъ дидактической цѣли, которая поставлена преподаванію логики въ гимназіяхъ. По увѣренію проф. Введенскаго, его „Логика для гимназіи“ „образуетъ собой новую работу, [подразумѣвается—по сравненію съ его университетскимъ курсомъ] строго приноровленную къ требованіямъ гимназической программы“ [1]). Должно замѣтить, что официальная

[1]) Нов. лог. Предисл. стран. V. На III страницѣ ея помѣщена и эта программа, которая представляетъ собою краткій перечень минимума, требуемаго официальной программой. По странному совпа-

„программа предоставляетъ преподавателю свободу расположенія учебнаго матеріала“ [1]). Въ этихъ видахъ отвѣтственность за правильность расположенія этого матеріала всецѣло падаетъ на преподавателя и избранный имъ учебникъ. Самая правильность этого расположенія зависитъ и отъ общихъ научныхъ и дидактическихъ соображеній, и отъ той цѣли которой должно служить преподаваніе логики. Относительно цѣли объяснительная записка къ министерской программѣ говоритъ, что преподаваніе логики должно имѣть въ виду „завершеніе научнаго образованія“ и „ознакомленіе съ наукой, какъ таковой“, съ ея „составомъ и средствами, путемъ которыхъ наука созидается, т. е. съ пріемами установки научной истины“ [2]). Эти требованія, какъ они ни отвлеченны, все же они діаметрально противоположны скептицизму проф. Введенскаго. Кто сомнѣвается въ очевидности и истинности первыхъ основъ всѣхъ наукъ, тотъ не долженъ писать учебника логики для гимназій. Проф. Введенскій нашелъ совмѣстимыми проводимые имъ въ учебникѣ скептическіе взгляды съ дидактическими требованіями официальной объяснительной записки.

Теперь обратимся къ частностямъ. Приведенными требованіями объяснительной записки, очевидно, выдвинуты на первый планъ научная индукція и методологія. Послѣдней проф. Введенскій не посвятилъ особаго отдѣла, ни даже особой главы въ своемъ учебникѣ: онъ о ней толкуетъ только тамъ и самъ, попутно. Что же касается научной индукціи, т. е. Миллевскихъ методовъ изслѣдованія причинной зависимости, то мы видѣли, что проф. Введенскій ихъ совсѣмъ исказилъ, не воспроизведши даже то цѣнное, что даетъ Милль. Какъ можетъ подобное изложеніе ознакомить гимназистовъ и лицъ, занимающихся самообразованіемъ, „со средствами, путемъ которыхъ наука созидается, т. е. съ пріемами установки научной истины“? Какой примѣръ этихъ „пріемовъ установки научной истины“

денію, и въ официальной программѣ „логическіе законы мышленія“ помѣщены послѣ силлогизмовъ, индукціи, аналогіи и „математическихъ выводовъ“.

[1]) Тамъ же, стр. III.

[2]) Эта отвлеченная формулировка цѣли преподаванія логики напоминаетъ способъ выраженія проф. Введенскаго. Во всякомъ случаѣ, она сдѣлана въ его духѣ.

далъ въ своей логикѣ самъ профессоръ философіи? Мы это видѣли въ продолженіи всего изслѣдованія.

Далѣе, если логика должна „ознакомить съ наукой, какъ таковой", то очевидно, она и по своей формѣ должна удовлетворять требованіямъ точной науки, и прежде всего требованіямъ, предъявляемымъ самой логикой: классификаціи и систематичности. Самый языкъ ея долженъ быть точнымъ, яснымъ; а формулы сверхъ того, должны быть краткими. Терминологія должна быть выдержана до конца и не должна расходиться съ установившейся научной терминологіей.

§ 8. Приведенныя требованія относительно учебника логики вполнѣ осуществимы: логика имѣетъ научную форму уже два тысячелѣтія; она имѣетъ свою терминологію, твердо установившуюся; въ ней мало спорныхъ вопросовъ: упомянутымъ требованіямъ удовлетворяли даже наши старые учебники, напечатанные полъ вѣка тому назадъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что хорошій учебникъ логики можно написать въ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ особенности лицу, не преподававшему въ гимназіяхъ и недостаточно освѣдомленному въ вопросахъ дидактики и самой логики. Таковое лицо можетъ и десятки лѣтъ читать лекціи по логикѣ студентамъ и курсисткамъ, мало интересующимся этимъ предметомъ, и все же не быть въ состояніи хорошо преподавать логику гимназистамъ.

Объясняется это слѣдующимъ:

1) Преподаватель гимназіи находится въ постоянномъ общеніи со своими учениками. Онъ то преподаетъ, то спрашиваетъ учениковъ пройденное.

2) Преподаватель гимназіи не читаетъ лекцій, а преподаетъ на память то, что онъ долженъ вполнѣ себѣ усвоить, слѣдовательно—и понять и уяснить.

3) Если преподаватель не разъяснилъ своимъ ученикамъ достаточно какой-нибудь вопросъ, то сами ученики попросятъ его лучше разъяснить то, чего они не поняли: а ученики должны интересоваться новымъ предметомъ, и въ особенности логикой.

4) При спрашиваніи преподаватель, въ случаѣ неточныхъ отвѣтовъ, долженъ постоянно поправлять учениковъ или же давать имъ наводящіе вопросы. А все это

невозможно при недостаточномъ пониманіи преподаваемаго.

5) Преподаватель долженъ продѣлать со своими учениками и практическія упражненія, чтобы правила логики не только выяснились, но и закрѣпились въ памяти учениковъ. Дѣло въ томъ, что преподавателю, находящемуся подъ постояннымъ контролемъ, не безразлично, сколько учениковъ у него успѣваетъ.

6) Преподаватель до нѣкоторой степени долженъ приспособиться къ уровню умственнаго развитія своихъ учениковъ, который мѣняется изъ года въ годъ: иначе, его преподаваніе для большинства можетъ оказаться безплоднымъ.

Безъ всего этого можетъ обойтись преподаватель высшаго учебнаго заведенія, читающій лекціи своимъ слушателямъ, которые уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ознакомились съ логикой. Въ этихъ видахъ для преподавателя гимназіи хорошій учебникъ имѣетъ огромное значеніе. Если же онъ на каждой страницѣ долженъ что-нибудь зачеркивать или исправлять въ учебникѣ, то это отниметъ и у него, и у его учениковъ слишкомъ много времени. Еще неудобнѣе начинать преподаваніе съ средины или съ конца учебника. Поэтому опытный педагогъ не рѣшится ввести учебникъ, даже безукоризненный въ научномъ отношеніи, если таковой идетъ въ разрѣзъ съ дидактическими и чисто воспитательными требованіями [1]).

§ 9. Не меньшую путаницу, чѣмъ новый планъ проф. Введенскаго, вноситъ его новая *терминологія*, которую и самъ авторъ не выдерживаетъ послѣдовательно во всей своей книгѣ: въ концѣ и онъ возвращается къ старымъ терминамъ. Въ особенности сбивчива его новая терминологія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ старымъ терминамъ придаетъ новое значеніе. Такъ напримѣръ, слово „природа“ авторъ употребляетъ въ смыслѣ „совокупности всѣхъ данныхъ опыта“, подразумѣвая въ томъ числѣ и „душевныя явленія

---

[1]) Весьма неудобно во многихъ отношеніяхъ полное игнорированіе введеннаго официально учебника и прохожденіе курса по запискамъ или по другому учебнику. Къ сожалѣнію, оно иногда практикуется по необходимости; но я не могу считать нормальнымъ подобное явленіе.

человѣка, и историческія явленія, и явленія языка и т. д.“ [1]). Слово же „явленіе“ означаетъ у него „не только измѣненіе, но и любое свойство вещей, образующихъ природу“ [2]). Слѣдовательно словомъ „явленіе“ у проф. Введенскаго можетъ быть обозначена: и протяженность, и непроницаемость, и умъ, и память, и воля, и постоянство, и вѣчность, и субстанціальность и т. п. Съ такимъ произвольнымъ употребленіемъ терминовъ трудно свыкнуться, въ особенности, когда они противорѣчатъ твердо установившемуся словоупотребленію и здравому смыслу. „Конечно, каждый авторъ въ правѣ опредѣлять значеніе термина иначе, чѣмъ это дѣлается остальными авторами; но вѣдь есть же и границы такому произволу“. Это—слова проф. Введенскаго, сказанныя имъ въ его рецензіи учебника проф. Челпанова, въ которомъ терминологія въ общемъ не расходится съ традиціей [3]).

Теперь бросимъ хоть бѣглый взглядъ на тѣ новые термины, которые проф. Введенскій ввелъ въ свою новую логику. Я выписываю въ алфавитномъ порядкѣ сорокъ его новыхъ терминовъ, на которые я обратилъ свое вниманіе. Самъ авторъ новой логики не сдѣлалъ даже краткаго перечня своихъ терминовъ; между тѣмъ это необходимо для пониманія его логики [4]).

1) *„безоцѣночное изученіе душевныхъ явленій“* вмѣсто „психологическое“	4 (3)
2) *„видоизмѣненія“* вмѣсто „виды“.	52 (25), 22 (18) 30 (22)
3) *„догадка“* вм. „предположеніе, гипотеза“ .	3 (2) и во всей книгѣ очень часто.
4) *„доказательство“* вм. „оправданіе сужденій съ помощью умозаключеній“	47 (31)
5) *„доказательства соединенныя съ установкой данныхъ опыта“* вмѣсто „индуктивныя доказательства	52 (35)

---

[1]) Нов. лог. § 160, стран. 113.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1908 годъ за іюнь, Отд. по нар. образ. стран. 233, 1-ая строка сверху.

[4]) Первое число обозначаетъ §, а заключенное въ скобкахъ—страницу новой логики.

6) „*доказательства несоединенныя съ установкой данныхъ опыта*“ вмѣсто „дедуктивныя“ или „раціональныя“ . . . . 52 (35) и вся гл. VI.
7) „*законосообразный*“ вмѣсто „закономѣрный“ 181 (140 и 141)
8) „*законосообразность*“ вмѣсто закономѣрность“ . . . . . 181 и (141).
9) „*истинныя умозаключенія*“ вмѣсто „расширяющія знаніе“ . . . . . 77 (60) и 86 (65)
10) „*кажущіяся общія сужденія*“ вмѣсто „общія сужденія со строго опредѣленнымъ объемомъ“ или „индиктивно-общія“ 50 (34)
11) „*косвенный методъ оправданія сужденій*“ вмѣсто reductio ad absurdum 55 (38)
12) „*логика провѣрки*“ вмѣсто „логика“. . . 3 (3)
13) „*матеріалъ сужденія*“ вмѣсто „матерія сужденія“ 36 (26)
14) „*методъ единственнаго измѣненія*“ вмѣсто „методъ сопутствующихъ измѣненій“ . 177 (133)
15) „*оправданіе сужденія*“ вмѣсто „провѣрка“ 45—47 (30—31)
16) „*опытъ*“ вмѣсто „наблюденіе и экспериментъ“ 46 (30)
17) „*ошибочныя доказательства*“ вмѣсто „паралогизмы и софизмы“ 74 (55)
18) „*подлинно-общія сужденія*“ вмѣсто „общія сужденія съ неограниченнымъ объемомъ“ или „адіористическія“ 50 (34)
19) „*положеніе*“ вмѣсто „тезисъ“ . . . . . 75 (55 и 58)
20) „*правила силлогизмовъ заранѣе видныя*“ вмѣсто „условія силлогизмовъ“ . . . 108—113 (79—82)
21) „*правила силлогизмовъ заранѣе не видныя*“ вмѣсто „правила фигуръ“ . . . . . 116 (85) и (174—182)
22) „*природа*“ вмѣсто „совокупность всей дѣйствительности“ 160 (113)
23) „*пріемъ*“ вмѣсто „методъ“. 45 (30)
24) „*противоположныя понятія*“ вмѣсто „противорѣчащія“ 54 (37)
25) „*простая установка данныхъ опыта*“ вмѣсто „наблюденіе“ 47 (31)
26) „*простые раздѣлительные силлогизмы*“ вмѣсто „дисъюнктивные силлогизмы“ . 123 (88)
27) „*простыя доказательства несоединенныя съ установкой данныхъ опыта*“ вмѣсто „раціональныя доказательства“. . . . 61 (46)
28) „*противопоставленіе сказуемому*“ вмѣсто „conversio per contrapositionem“ . . . 95 (72)
29) „*прямой методъ опроверженія сужденій*“ вмѣсто „заключеніе по противорѣчію“ 55 (38)

30) „*раздѣлительныя доказательства несоединенныя съ установкой данныхъ опыта*“ вмѣсто „обобщающія“ 61 (46)
31) „*скрытоепростоесуммированіе сужденій*“ вмѣсто „формальная индукція“ . . . 78 и 79
32) „*соединительно-раздѣлительныя сужденія*“ [не существующія въ логикѣ, а только въ грамматикѣ] . . . . . 31 (23) и 125 (89)
33) „*строеніе*“ вмѣсто „организація“ 192 (152)
34) „*умозаключенія кажущіяся*“ вмѣсто „не расширяющія значенія“ . . . . . гл. VII 76—80 (60—62)
35) „*умозаключенія непригодныя для доказательствъ*“ вмѣсто „неполная индукція“ и „аналогія“ 81 (62)
36) „*условіе*“ вмѣсто „дѣйствующая причина“ 171 (125, 4 сн.)
37) „*частичное умозаключеніе*“ вмѣсто „ad subordinatum“ 77 (60)
38) „*чисто-раздѣлительные силлогизмы*“ вмѣсто „раздѣлительные силлогизмы“ . . 123 (88 и 89)
49) „*чисто-раздѣлительныя сужденія*“ вмѣсто „раздѣлительныя сужденія“ 31 (23)
40) „*экспериментъ*“ въ смыслѣ „наблюденіе“ 200 (160)
41) „*явленіе*“ въ смыслѣ „явленіе“ и „свойства и силы вещей“ 160 (113)

§ 10. Если разсмотрѣть внимательно приведенный перечень, то только весьма немногіе изъ нихъ оказываются удачными и нужными. Таковыми можно признать термины: законосообразный, законосообразность [1]), противопоставленіе сказуемому и частичное умозаключеніе. Остальные представляются большей частью излишними, а иногда—весьма неуклюжими. Таковы, напр., состоящіе изъ шести и семи словъ, которыя въ обычной терминологіи обозначаются однимъ или двумя словами.

Проф. Введенскій во многихъ случаяхъ руководился похвальнымъ намѣреніемъ освободиться отъ „безполезной иностранщины“ [2]). Въ этомъ я ему вполнѣ сочувствую: но его стараніе примѣнено не кстати. Дѣло въ томъ, что въ наукѣ, существующей два тысячелѣтія слишкомъ, какова логика, такая попытка не только напрасна, но даже вредна: къ новымъ терминамъ трудно привыкнуть спеціалисту; а новичокъ, ознакомившись съ ними, не будетъ понимать

[1]) Эти термины я охотно принялъ въ настоящее изслѣдованіе; но въ элементарный учебникъ и ихъ я не рѣшусь ввести.

[2]) Нов. лог. стран. 111, примѣчаніе внизу.

или (что еще хуже) будетъ неправильно понимать всѣ остальныя сочиненія по данной наукѣ. Такъ напр., употребленіе русскихъ терминовъ „подлежащее“ и „сказуемое“ будетъ постоянно сбивать учениковъ въ логикѣ: эти термины ими невольно будутъ употребляться въ смыслѣ грамматики. Самъ проф. Введенскій отмѣтилъ тотъ фактъ, что ученики не мало затрудняются въ различеніи подлежащаго и сказуемаго сужденія отъ одноименныхъ частей предложенія, и что поэтому необходимо въ учебникѣ подчеркивать эту разницу[1]). Вѣроятно въ этихъ видахъ и самъ авторъ новой логики удержалъ для терминовъ сужденія традиціонные символы *S* и *P*. Поэтому уже одна послѣдовательность должна была бы подсказать автору новой логики обозначеніе символа *S* латинскимъ „subjectum“ (субъектъ), а символа *P*—латинскимъ „предикатъ“. По учебнику проф. Введенскаго выходитъ какъ разъ наоборотъ: *S* означаетъ не сказуемое, а *P* означаетъ не подлежащее[2]).

Особенное неудобство представляютъ для мысли длинные термины, состоящіе изъ нѣсколькихъ словъ. При частомъ ихъ повтореніи они въ концѣ концовъ вызываютъ отвращеніе. Впрочемъ, и самъ авторъ новой логики не выдерживаетъ этого повторенія и въ концѣ своего учебника возвращается къ старымъ терминамъ. Окончательную путаницу внесло его произвольное измѣненіе смысла старыхъ терминовъ, каковы напримѣръ „доказательства“, „природа“, „явленіе“. Ко всему этому нужно отмѣтить еще то неудобство, что авторъ не даетъ рядомъ со своими новыми терминами, когда они встрѣчаются впервые, ихъ перевода старыми терми-

---

[1]) См. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1908 года, іюнь цитиров. рецензію проф. Введенскаго на учебникъ логики проф. Челпакова, стран. 228.

[2]) Въ наукѣ ученые всѣхъ націй стремятся къ поддержанію одной общей терминологіи (латинской и греческой). Это—единственное средство дать возможность ученымъ, и тѣмъ болѣе неученымъ, пользоваться учеными трудами, написанными на разныхъ языкахъ. Что сдѣлалось бы съ ботаникой, зоологіей, анатоміей, физіологіей, фармакологіей и другими естественными науками съ милліономъ терминовъ, если бы каждый языкъ сталъ выдумывать свою собственную терминологію? Полное вавилонское столпотвореніе! Новшество терминологіи, во всякомъ случаѣ, неумѣстно въ учебникѣ, предназначенномъ для гимназій, даже и въ томъ случаѣ, еслибы новая терминологія имѣла неоспоримыя преимущества передъ старой.

нами. Спеціалисту приходится впослѣдствіи „догадываться“, „что сіе значитъ“; но въ виду неправильности опредѣленій и объясненій проф. Введенскаго это не легко дается даже опытному спеціалисту. Я такъ и не увѣренъ, что я во всѣхъ случаяхъ правильно перевелъ термины новой логики.

§ 11. Въ этихъ видахъ я осмѣливаюсь напомнить автору новой логики старыя и общеизвѣстныя требованія относительно научной терминологіи: 1) „научные термины назначены не для пустой забавы, а для того, чтобы слушатели и читатели, какъ можно точнѣе и какъ можно легче и быстрѣе, понимали все, что высказывается ими; поэтому употребленіе научныхъ терминовъ должно быть непроизвольнымъ“. 2) „Всякій терминъ постоянно надо употреблять въ одномъ и томъ же значеніи, такъ чтобы каждое понятіе обозначалось своимъ особымъ терминомъ“. 3) „Не слѣдуетъ создавать для его обозначенія еще новаго [термина]. Послѣдній непремѣнно будетъ внушать ложную мысль, будто бы онъ обозначаетъ понятіе, котораго еще не было раньше, и сдѣлаетъ научный языкъ сбивчивымъ“. 4) „Если данный терминъ имѣетъ твердо установившееся общепринятое значеніе, то обязательно слѣдуетъ употреблять его только въ этомъ значеніи“. Всѣ эти прекрасно изложенныя правила терминологіи я выписалъ изъ разбираемой новой логики самого проф. Введенскаго [1]).

Къ приведеннымъ вѣрнымъ замѣчаніямъ проф. Введенскаго я прибавлю еще заключительное замѣчаніе о терминологіи, сдѣланное покойнымъ проф. М. Владиславлевымъ въ его большой логикѣ: „... нѣтъ ничего вреднѣе для науки, когда ея дѣятели употребляютъ на собственный страхъ, по своему произволу, научные термины и вмѣсто содѣйствія ихъ установкѣ, только колеблютъ ихъ. Мы не отрицаемъ права у геніальности прокладывать новые нути въ наукѣ, производить въ ней перевороты какъ въ принципахъ, такъ и въ терминологіи. Но вѣдь сколько претензій производить перевороты происходитъ отъ тще-

[1]) (Стран. 111). Очевидно, эти правила извѣстны проф. Введенскому; только его практика и въ данномъ случаѣ расходится съ его же теоріей, т. е. съ требованіями его же логики. Творчество проф. Введенскаго, очевидно, слишкомъ велико и неудержимо, въ ущербъ его памяти. Жаль, что оно не нашло себѣ лучшаго примѣненія!

славія и желанія выставить свою мнимую самостоятельность!“[1]). Вѣрное замѣчаніе проф. Владиславлева должно отнести прежде всего къ Канту и его подражателямъ; а въ новѣйшее время—къ Вундту и его поклонникамъ.

§ 12. Но не только съ терминологіей обращается произвольно авторъ новой логики; онъ и тѣ *старые*, уже два тысячелѣтія установившіеся *термины*, удержанные имъ, *опредѣляетъ произвольно* и часто невѣрно. Съ весьма многими его невѣрными опредѣленіями мы уже познакомились въ настоящемъ изслѣдованіи[2]). Остается отмѣтить еще нѣсколько.

1) Проф. Введенскій въ своей новой логикѣ даетъ невѣрное опредѣленіе самаго логическаго „опредѣленія“, формулируя его слѣдующими словами, имъ же маркированными крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ: „§ 151. *Опредѣленіемъ*—definitio—понятія называется полное [sic!] указаніе признаковъ, образующихъ содержаніе этого понятія“. Что проф. Введенскій разумѣетъ подъ „полнымъ указаніемъ признаковъ“ видно изъ дальнѣйшихъ поясненій того же и слѣдующаго параграфовъ, а именно: „чтобы во всѣхъ [sic!] нихъ вмѣстѣ [подразумѣвается—„признакахъ опредѣляемаго понятія] мыслилось сполна все его содержаніе“. Если бы это требованіе (перечислить всѣ признаки опредѣляемаго понятія) было вѣрно, то тогда $^{9}/_{10}$ всѣхъ принятыхъ въ разныхъ наукахъ опредѣленій оказались бы невѣрными. Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ относительно сложныхъ по содержанію понятій и невозможно „полное перечисленіе всѣхъ признаковъ“. Такъ напр., кому неизвѣстно, что такое человѣкъ? Однако даже ученому было бы весьма затруднительно (и даже невозможно) перечислить всѣ существенные признаки человѣка[3]).

---

[1]) М. Владиславлевъ, Логика. Обозр. инд. и дедукт. Спб. 1872. отд. II, гл. II, стран. 104. (Маркировки мои).

[2]) Таковыми оказались опредѣленія: самой логики, (I. § 5 и 6), правильнаго мышленія (I. § 7), закона достаточнаго основанія (II §§ 13—16), нормативныхъ законовъ (III. § 2), закона противорѣчія (III §§ 4—6), закона исключеннаго третьяго (III. §§ 7 и 8), закона тожества (III. 9), опредѣленіе аксіомъ геометріи (IV. § 6 и 7), опредѣленіе причины (VI. §§ 2—6), опредѣленія всѣхъ четырехъ методовъ индукціи. (VI. §§ 11, 12, 17—22).

[3]) Это возраженіе взято изъ моего учебника логики, 2 изд. § 37, стран. 101.

Между тѣмъ проф. Введенскій требуетъ перечисленія всѣхъ вообще признаковъ, подъ которыми нужно подразумѣвать и несущественные признаки. Самъ проф. Введенскій, разумѣется, нигдѣ не даетъ такихъ „полныхъ перечисленій всѣхъ признаковъ опредѣляемаго понятія". Мало того, онъ для иллюстраціи даннаго имъ опредѣленія приводитъ лишь одинъ примѣръ, а именно: „квадратъ есть (или квадратомъ называется) прямоугольникъ, обладающій равными сторонами" [1]). Это опредѣленіе квадрата не только не представляетъ „полнаго указанія признаковъ", но даже не содержитъ и единственнаго признака квадрата—равенства двухъ смежныхъ сторонъ. Въ моемъ учебникѣ логики изъ пяти примѣровъ на опредѣленіе (по какому-то странному совпаденію) первый примѣръ какъ разъ даетъ опредѣленіе квадрата, а именно слѣдующими словами: „Квадратъ есть прямоугольникъ, въ которомъ двѣ прилегающія стороны равны". Далѣе въ моемъ учебникѣ поясняется: „Равенство всѣхъ четырехъ сторонъ квадрата вытекаетъ изъ понятія прямоугольника и параллелограмма, въ которомъ противоположныя стороны равны". Слѣдовательно опредѣленіе квадрата, какъ прямоугольника съ четырьмя равными сторонами представляетъ собою „abundans definitio", т. е. повтореніе признака, который подразумѣвается въ genus proximum—въ понятіи „прямоугольникъ" [2]).

Итакъ единственный примѣръ. проф. Введенскаго не соотвѣтствуетъ его же логическому правилу. Его опредѣленіе квадрата не представляетъ собою описки: оно повторяется проф. Введенскимъ и въ §§ 157, 156, 155; а въ предыдущемъ § 154 приводится формула съ плеоназмомъ, въ которой упоминаются „всѣ равныя стороны" квадрата [3]).

§ 13. Проф. Введенскій, по примѣру Зигварта, отвергаетъ безусловность логическаго правила *„definitio ne fiat per negationem"*, говоря: „Опредѣленіе не должно состоять изъ однихъ лишь отрицаній, т. е. быть чисто—отрицатель-

---

[1]) Нов. лог. § 151, стран. 106.

[2]) Такое опредѣленіе квадрата съ плеоназмомъ дано въ геометріи *Давидова* (изд. 27-ое М. 1907) § 43, стран. 43. Проф. Введенскій таковое считаетъ „ошибочнымъ" (Нов. лог. § 154, стран. 109). „Ошибочнымъ" его нельзя считать, но оно не совсѣмъ правильно.

[3]) Нов. Лог. стран. 109.

нымъ... отрицаніе можетъ войти въ опредѣленіе, но не иначе какъ на ряду съ указаніемъ положительныхъ признаковъ, т. е. входящихъ въ содержаніе понятія. Напр.; вполнѣ правильно опредѣленіе параллельныхъ линій, говорящее, что это —линіи, лежащія въ одной плоскости и нигдѣ не пересѣкающіяся, какъ бы далеко ихъ не продолжали". [Конецъ 3-го абзаца] [1]). Подобное опредѣленіе параллельныхъ линій, какъ „не пересѣкающихся", дѣйствительно, приводится въ геометріяхъ, между прочимъ и у Давидова [2]). Только оно дается точнѣе,—съ прибавленіемъ „при продолженіи въ ту и другую сторону". Сверхъ того слѣдуетъ сдѣлать поправку „прямыя" (линіи): кривыя не подойдутъ подъ данное опредѣленіе: безъ этихъ прибавокъ опредѣленіе проф. Введенскаго не вѣрно. Въ этомъ примѣрѣ, дѣйствительно, трудно избѣгнуть отрицанія въ опредѣленіи. Это объясняется, тѣмъ, что отличіе между параллельными и наклонными (т. е. не параллельными) состоитъ только въ наличности или отсутствіи одного признака, т. е. возможнаго ихъ пересѣченія. Но такихъ простыхъ понятій и въ геометріи очень мало. Относительно такихъ случаевъ Зигвартъ допускаетъ въ опредѣленіи отрицаніе одного признака, „когда различіе понятія отъ понятій соподчиненныхъ (cordinierten) состоитъ только въ отсутствіи одного признака" [3]). Но на мой взглядъ, въ приведенномъ изъ геометріи примѣрѣ опредѣленія параллельныхъ линій легко избѣгнуть отрицанія возможнаго пересѣченія. Дѣло въ томъ, что на самомъ дѣлѣ весьма рѣдко продолжаютъ наклонныя линіи до ихъ пересѣченія, чтобы убѣдиться, что онѣ не параллельныя; относительно параллельныхъ почти никогда не дѣлается подобная провѣрка. Вѣдь наши плоскости, на которыхъ мы чертимъ линіи, весьма ограничены размѣромъ, и это пересѣченіе не всегда осуществимо на дѣлѣ. Однако мы все же убѣждаемся, что такія-то линіи, хотя онѣ и не пересѣкаются, все же не параллельны. Для этого достаточно убѣдиться, что разстояніе между ними увеличивается въ одну сторону при ихъ продолженіи, а въ противоположную оно уменьшается. Разстояніе это измѣ-

[1]) Нов. лог. § 154, 3 стран. 108.

[2]) Давидовъ, Элем. геом. (27 изд. М. 1907) § 31, стран. 33.

[3]) Sigwart, Logik III. Anfl. Tübingen 1904, II. Th. § 44, S. 383.

ряется перпендикуляромъ, опущеннымъ изъ любой точки одной прямой на другую. Слѣдовательно параллельныя прямыя можно опредѣлить какъ такія, между которыми разстояніе вездѣ остается тѣмъ же[1]).

Проф. Введенскій, какъ мы видѣли, слишкомъ расширилъ допущеніе отрицанія въ опредѣленіяхъ по сравненію съ Зигвартомъ; а единственный его примѣръ, какъ мы видѣли, даже не принадлежитъ къ такимъ случаямъ, когда невозможно обойтись безъ отрицанія въ опредѣленіи.

Какъ мы еще увидимъ, проф. Введенскій слишкомъ злоупотребляетъ допущеніемъ Зигварта не только въ теоріи, но и на практикѣ,—въ своихъ опредѣленіяхъ. Такъ, *опредѣленіе силлогизма* проф. Введенскій даетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Тѣ годныя для доказательствъ опосредствованныя умозаключенія, въ составъ которыхъ не входятъ ни непосредственныя ни кажущіяся, называются силлогизмами". [Марк. проф. Введ.][2]). Это „опредѣленіе" проф. Введенскаго не соотвѣтствуетъ даже тому правилу, которое онъ самъ установилъ въ § 151 своей „Логики для гимназіи". Въ немъ авторъ упомянулъ только ближайшее родовое понятіе (genus proximum, а именно—„годныя для доказательствъ опосредствованныя умозаключенія"); это родовое понятіе авторъ раздѣлилъ на видовыя понятія, между которыми подлежащее опредѣленію составитъ одинъ изъ членовъ дѣленія. Слѣдовательно тутъ мы имѣемъ дѣленіе объема родового понятія на его виды, а не опредѣленіе содержанія: въ немъ не только не имѣется „полнаго указанія признаковъ опредѣляемаго", но не имѣется ни одного видового признака[3]).

§ 14. И относительно *противорѣчащихъ понятій* проф. Введенскій повторяетъ старое ошибочное ихъ опредѣленіе, которое исправлено въ моемъ учебникѣ логикѣ. Проф. Введ-

---

[1]) Въ такомъ случаѣ въ геометріи, разумѣется, свойства параллельныхъ и вытекающія изъ нихъ теоремы, можно разсматривать только послѣ ученія объ углахъ и перпендикулярахъ. Это обыкновенно такъ и дѣлается. См. *Давидовъ*, эл. геом. цитир. соч. гл. III. стран. 33—47.

[2]) Нов. лог. § 86, стран. 66.

[3]) Итакъ проф. Введенскій даетъ такія логическія правила для изученія гимназистамъ, которыя онъ самъ не въ состояніи исполнить!

денскій принялъ мое исправленіе только относительно тѣхъ понятій, которыя выражаются двумя словами; въ тѣхъ же случаяхъ, когда противорѣчащія понятія выражены только однимъ словомъ, проф. Введенскій по недоразумѣнію полагаетъ, что вѣрно старое опредѣленіе, повторяемое и въ изданіяхъ логики Струве[1]). Съ него онъ начинаетъ свои опредѣленія слѣдующими словами: „Противорѣчащими называются два такихъ понятія, у которыхъ содержаніемъ одного служитъ простое, не сопровождаемое указаніемъ какого-либо новаго положительнаго признака, отрицаніе содержанія другого, какъ напр.: бѣлый и не бѣлый, полезный и безполезный, вредность и безвредность и т. п. Содержаніемъ понятія „не бѣлый“ служитъ простое отрицаніе „бѣлаго“ безъ всякаго [?] указанія какого-либо новаго положительнаго признака“ [2]). Я начну свое возраженіе съ примѣра, объясненнаго самимъ авторомъ новой логики. Почтенный профессоръ полагаетъ, что содержаніе понятія „не бѣлый“ исчерпывается однимъ отрицаніемъ бѣлаго. Такъ въ правѣ былъ бы разсуждать грамматикъ, который разбираетъ одни слова и звуки, но не логикъ, который вникаетъ въ „λόγος“, т. е. въ смыслъ, въ содержаніе словъ. Повидимому, слова моего учебника не вполнѣ убѣдили проф. Введенскаго въ ошибочности приведеннаго выше стараго опредѣленія. Въ моемъ учебникѣ даны слѣдующія поясненія по этому вопросу: „въ понятіи отрицательномъ отрицаются не всѣ признаки: обыкновенно отрицаются только тѣ признаки, которыми это понятіе отличается отъ другихъ однородныхъ, (См. §§ 13, 16 и 24). Таковы, напр.; вѣжливость и невѣжливость; животное, имѣющее скелетъ и ж. не имѣющее такового; металлъ и не—металлъ (металлоидъ); грамотный и неграмотный (подразумѣвается—человѣкъ). Понятія и термины противорѣчащіе обыкновенно относятся къ разряду не только сравнимыхъ, но даже къ понятіямъ, сходнымъ и однороднымъ. Это ясно видно изъ возникновенія отрицательныхъ сужденій и понятій (См. §§ 16 и 24). Такъ, противорѣчащія по-

[1]) Струве, Элемент. логика, 11 изд. С.-П.-Б. 1904, § 14 пун. 5, стран. 31.

[2]) Нов. лог. § 94, стран. 71. (Маркировка сдѣлана проф. Введенскимъ крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ).

нятія „грамотный“ и „неграмотный“ (подразумѣвается—человѣкъ) имѣютъ очень много общихъ признаковъ, а отличаются только въ одномъ—въ грамотности“ [1]). Такъ какъ мои примѣры, по видимому, не были достаточно убѣдительными для проф. Введенскаго, то я разберу и поясню и его собственный примѣръ. Если я скажу: „этотъ лебедь не бѣлый“, то терминъ сужденія „не бѣлый“ не только означаетъ отсутствіе у лебедя бѣлаго цвѣта, но и—наличность какого-нибудь другого цвѣта, который я въ данный моментъ еще не могъ опредѣлить вполнѣ точно: я только замѣчаю, что мое ожиданіе бѣлаго цвѣта не оправдалось: я рѣшительно высказываю это сужденіемъ: „этотъ лебедь—не бѣлый“. „Не бѣлый“ отрицаетъ только признакъ „бѣлизны“, но отнюдь не отрицаетъ предполагаемаго признака „цвѣта“, или „окраски“. Сверхъ того „не бѣлый“ не отрицаетъ и всѣхъ тѣхъ признаковъ, которые присущи всѣмъ тѣламъ, окрашеннымъ въ какой-нибудь цвѣтъ или пропускающимъ свѣтъ (прозрачнымъ). Таковы напр.: протяженность, непроницаемость, скважность, упругость и другія свойства тѣлъ. Въ моемъ примѣрѣ относительно лебедя понятіе „не бѣлый“ не отрицаетъ, сверхъ всего, и всѣхъ признаковъ, составляющихъ понятіе лебедя.

Старое ошибочное опредѣленіе ограничивается проф. Введенскимъ подъ вліяніемъ словъ моего учебника слѣдующимъ новымъ опредѣленіемъ: „Противорѣчащими называются также и два такихъ понятія, у которыхъ одна часть содержанія оказывается общей для каждаго изъ нихъ, а другой частью у одного служитъ простое отрицаніе второй части другого. Напр.: „твердое тѣло“ и „нетвердое тѣло“. Признаки понятія тѣла оказываются общимъ для обоихъ понятій содержаніемъ, а другая часть содержанія понятія „нетвердаго тѣла“ составляетъ простое отрицаніе другой части содержанія понятія „твердое тѣло“ [2]). Этимъ вторымъ опредѣле-

---

[1]) *И. С. Проданъ*, Учебн. логики, 2-ое изд. § 9 стран. 29. Къ сожалѣнію, проф. Введенскій не принялъ во вниманіе мои ссылки на отрицательныя сужденія и, повидимому, не усвоилъ себѣ ни значенія ни возникновенія отрицанія, хотя объ этомъ довольно убѣдительно говорится и въ логикѣ Зигварта. Вотъ, почему проф. Введенскій не могъ окончательно разстаться со старымъ заблужденіемъ.

[2]) Нов. лог. § 94, стран. 71.

ніемъ передается объясненіе моего учебника. Но такъ какъ оно не тожественно съ первымъ опредѣленіемъ проф. Введенскаго, то очевидно, проф. Введенскій даетъ два различныхъ опредѣленія противорѣчащихъ сужденій, которыя не сведены имъ къ одной формулѣ. Впрочемъ, это и не осуществимо: отрицаніе всего содержанія и не всего очевидно—понятія противорѣчащія. Слѣдовательно послѣдняя формула проф. Введенскаго противорѣчитъ первой.

Въ моей формулѣ содержатся и тѣ понятія, которыя выражены однимъ словомъ: понятіе „не бѣлый“ тоже не отрицаетъ остальныхъ признаковъ лебедя, которые подразумѣваются въ приведенномъ выше сужденіи. Впрочемъ, даже внѣ сужденія одно понятіе „не бѣлый“, взятое отдѣльно, тоже указываетъ на положительный признакъ,—цвѣта.

§ 15. Въ университетскомъ курсѣ есть еще другое *поясненіе противорѣчія*, къ счастью, пропущенное, въ новой логикѣ для гимназій. Въ немъ проф. Введенскій говоритъ своимъ слушателямъ слѣдующее: „Въ томъ же самомъ [т. е. будто содержаніемъ одного противорѣчащаго понятія служитъ только отрицаніе содержанія другого] легко убѣдиться и относительно перваго понятія каждой пары... Вѣдь бѣлый есть не не-бѣлый [sic!][1]). Проф. Введенскій, очевидно, не сообразилъ, что „не—бѣлый“ можетъ означать и зеленый, и красный, и черный и другіе цвѣта; а отрицаніе одного изъ этихъ цвѣтовъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ не дастъ бѣлаго цвѣта. Не красный можетъ быть и зеленымъ и чернымъ и синимъ и т. д.

Въ университетскомъ курсѣ проф. Введенскій невѣрно опредѣляетъ противорѣчащія и *противоположныя понятія*, а именно: „Подъ понятіями противорѣчащими другъ другу, принято подразумѣвать, [sic!] такія два понятія, у которыхъ содержаніемъ одного служитъ только [sic!] отрицаніе содержанія другого“[2])... „Такихъ же два понятія, у которыхъ содержаніемъ одного служитъ еще что-нибудь [sic!] кромѣ одного лишь отрицанія содержанія другого, не называются въ логикѣ [sic!] противорѣчащими, какъ бы рѣзко они ни отличались другъ отъ друга“... „Въ противоположныхъ понятіяхъ содержаніе одного не исчерпыва-

[1]) Унив. курсъ, стран. 188.

[2]) Унив. курсъ, стр. 188, 16 стр. св.

ется однимъ лишь отрицаніемъ содержанія другого. Напр., въ слѣдующихъ парахъ соединены другъ съ другомъ противоположныя понятія: бѣлый и черный, сладкій и горькій, полезный и вредный, богатый и небогатый (въ смыслѣ слегка бѣдный)“ [1]). Это опредѣленіе вполнѣ подходитъ подъ тѣ примѣры противорѣчащихъ понятій, которые даны проф. Введенскимъ на той же страницѣ пятью строками выше, а именно: „не простое тѣло и простое тѣло“. Сверхъ того, сладкій и горькій не представляютъ собою противоположности, такъ какъ вареніе изъ горькихъ вишень и сладко, и горько одновременно. Такъ же неудаченъ примѣръ относительно понятія „небогатый“: на его мѣсто слѣдовало поставить понятіе „бѣдный“.

Въ новой логикѣ проф. Введенскій формулируетъ это опредѣленіе нѣсколько точнѣе, но все же невѣрно, а именно: „Въ противоположныхъ понятіяхъ тоже содержаніемъ одного понятія служитъ отрицаніе содержанія другого..., но здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простымъ отрицаніемъ, а съ такимъ которое сопровождается указаніемъ какого-либо [?] новаго положительнаго [sic!] признака взамѣнъ отрицаемаго. Напр., „богатый и бѣдный“, „полезный и вредный“, „бѣлый цвѣтъ и черный цвѣтъ“ и т. п. [2]).

Послѣдній примѣръ невѣрный. Черный цвѣтъ есть одинъ изъ цвѣтовъ, какъ и спектральные и смѣшанные цвѣта: тутъ имѣется диспаратность (различіе), а не противоположность. Съ точки зрѣнія физики черный цвѣтъ означаетъ полное отсутствіе отраженнаго свѣта, и въ этомъ смыслѣ онъ „противоположенъ“ и желтому, и красному, и зеленому. Логически противоположными понятіями относительно свѣта могутъ считаться понятія: „свѣтлый“ и „темный“.

Первый примѣръ („богатый и бѣдный“)—удачный, но и онъ не подходитъ подъ данное опредѣленіе. Согласимся, что понятіе „бѣдный“ отрицаетъ наличность [а не содержаніе] богатства; но я его могу „сопровождать указаніемъ какого либо (новаго) положительнаго признака“, т. е. по данному выше опредѣленію проф. Введенскаго, я могу взять

---

[1]) Тамъ же, внизу. Маркировки проф. Введенскаго.

[2]) Новая лог. § 94, стр. 71 и 72.

любой „новый положительный“ признакъ, напр. „проницательность“; тогда я получу слѣдующую пару понятій: „бѣдный и не бѣдный проницательностью“. То же—въ примѣрѣ „нищій“ и „не нищій духомъ“. Развѣ это будутъ понятія противоположныя? Очевидно, нѣтъ! Бѣдный можетъ быть очень проницательнымъ; а нищій—не нищимъ духомъ.

Итакъ и новая логика проф. Введенскаго не исправила старой ошибки, хотя это было не трудно сдѣлать, послѣ того, какъ проф. Введенскій познакомился съ моей поправкой этой ошибки. Согласно съ моими разъясненіями проф. Введенскій могъ дать слѣдующее опредѣленіе:

Два однородныхъ простыхъ качества, сильно отличающіяся другъ отъ друга по степени, называются *противоположными* (иначе, противными), если между ними предполагается въ мышленіи безразличная (или нолевая) степень [1]).

§ 16. Не согласно съ приведенными выше опредѣленіями и со всѣми логиками проф. Введенскій опредѣляетъ *противорѣчащія и противоположныя сужденія*. Послѣднія у него представляютъ родъ, а первыя его видъ. Вотъ, подлинныя слова проф. Введенскаго: „противоположными служатъ каждыя два сужденія, имѣющія одинаковый матеріалъ, но разное качество, [sic!] если только они не будутъ оба частными [sic!], такъ что они выйдутъ противоположными, если будутъ оба общими, или одно изъ нихъ общимъ, а другое частнымъ, или же, наконецъ, оба единичными“ [2]).

Далѣе проф. Введенскій говоритъ въ § 58, предназначенномъ для самообразованія: „Нѣкоторыя изъ противоположныхъ сужденій (именно—такія, которыя не принадлежатъ къ

---

[1]) Ср. мой учебникъ лог. 2-е изд. § 12, стр. 30. Эта нолевая степень противорѣчитъ обѣимъ противоположностямъ: умѣренный климатъ противорѣчитъ и жаркому и холодному. Поэтому отрицаніе одной изъ противоположностей обнимаетъ въ себѣ и другую противоположность, и нолевую степень. Такъ, напр., „не богатый“ можетъ быть и бѣднымъ и не бѣднымъ, котораго еще нельзя считать богачомъ. „Не жаркимъ“ климатомъ можно назвать и холодный, и умѣренный (т. е. не холодный и не жаркій).

[2]) *Нов. лог.* § 57, стран. 40. [Маркировка сдѣлана проф. Введенскимъ крупнымъ и жирнымъ шрифтовъ]. Эта дистинкція родового и видовыхъ понятій противорѣчія раньше, чѣмъ въ новой логикѣ,

единичнымъ) [sic!] получили въ логикѣ еще особыя названія вслѣдствіе разницы въ ихъ свойствахъ, именно: 1) Два общихъ противоположныхъ сужденія, какъ напр., „всѣ цвѣты пахучи“ и „вовсе нѣтъ пахучихъ цвѣтовъ“ принято называть противными—contraria judicia. 2) Два противоположныхъ сужденія, изъ которыхъ одно общее, а другое частное,... принято въ логикѣ называть противорѣчащими—contradictoria“ [1]).

На эти опредѣленія я долженъ замѣтить слѣдующее: 1) проф. Введенскій оба частныхъ сужденія *J* и *O* не считаетъ противоположными, хотя „они имѣютъ одинаковый матеріалъ, но разное качество: ибо оба они могутъ быть сразу истинными сужденіями“. Это замѣчаніе проф. Введенскаго имѣется въ моемъ учебникѣ [2]); и оно вѣрно, если слово „нѣкоторыя“ употреблено въ томъ смыслѣ, котораго придерживается мой учебникъ, т. е. въ ограничительномъ смыслѣ, равномъ „только нѣкоторые, а отнюдь не всѣ“ [3]). Но проф. Введенскій „условился употреблять“ это слово, несогласно съ моимъ учебникомъ, а въ смыслѣ традиціи, т. е. „хоть нѣкоторые“ [4]). При его словоупотребленіи неправильно заключеніе отъ истинности *J* къ истинности *O*, или наоборотъ; невѣрно и утвержденіе, что оба они истинны сразу. Этихъ ошибокъ не дѣлала традиціонная логика.

2) Совершенно неосновательно исключилъ проф. Введенскій единичныя сужденія и изъ числа противорѣчащихъ, и изъ числа противныхъ. Куда же ихъ отнести? Развѣ слѣдующія два единичныхъ сужденія не представляютъ собою противорѣчащихъ другъ другу сужденій? 1) Сократъ виновенъ въ безбожіи; 2) Сократъ невиновенъ въ безбожіи.

3) Не укладываются въ опредѣленіе „противоположныхъ сужденій“. проф. Введенскаго такія сужденія, въ которыхъ оспаривается объемъ субъекта, напр.: 1) всѣ люди грѣшны;

была дана въ моемъ учебникѣ только у меня родовое понятіе названо „противорѣчіемъ въ широкомъ значеніи“; а все различіе пояснено схемой и примѣрами. Ср. мой учебн. лог. 2 изд. § 24, стр. 63. Тамъ выяснено различіе между противоположностью и противорѣчіемъ.

[1]) [Всѣ маркировки—проф. Введенскаго], а) Нов. лог. стр. 41. б) Унив.—курсъ, стран. 132 и 133.

[2]) *И. С. Проданъ*, учебникъ лог. 2 изд. § 24, стран. 64.

[3]) Тамъ же, стран. 40.

[4]) Нов. лог. § 33, стран. 25, строка 11 и 12 снизу.

2) не всѣ люди грѣшны. Или 1) никто этого не знаетъ; 2) нѣкоторые не знаютъ этого. Въ послѣдней парѣ сужденій *E* и *O* качество одинаковое; въ первой парѣ—только по формѣ связки, между тѣмъ и въ такихъ сужденіяхъ имѣется на лицо „противоположность“, или „противорѣчіе“, но въ объемѣ субъекта[1]).

§ 17. Невѣрно проф. Введенскій опредѣляетъ въ новой логикѣ и *признаки*, а именно: „Признаками называется все то, въ чемъ предметы сходны или же различны между собой“[2]). Это опредѣленіе, вопреки обыкновенію проф. Введенскаго, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, достоинства краткости и ясности; но оно слишкомъ широко, такъ какъ включаетъ въ себя и субстанціи, и сущности, которыми тоже отличаются предметы.

Невѣрно и слѣдующее опредѣленіе проф. Введенскаго: „*Логическими законами мышленія* называются тѣ законы, которые объясняютъ намъ все [sic!], что въ мышленіи изучается логикой, при чемъ безразлично, объясняютъ ли они что бы то ни было, когда мы разсматриваемъ мышленіе съ психологической точки зрѣнія“[3]). Въ этомъ опредѣленіи совершенно излишня прибавка относительно того, чего не дѣлаютъ законы мышленія; но проф. Введенскому хотѣлось лишній разъ подчеркнуть, что онъ свою логику оберегаетъ отъ психологіи. Что же касается первой части, то опредѣленіе проф. Введенскаго совершенно невѣрно; такихъ законовъ мышленія, „которые объясняютъ намъ все, что въ мышленіи изучается логикой“, не существуетъ. Это было доказано раньше[4]). Впрочемъ, задача логическихъ законовъ мышленія вовсе не состоитъ въ объясненіяхъ. Такую задачу взялъ на себя только проф. Введенскій; однако, какъ мы видѣли, онъ ее не исполнилъ,—по той простой причинѣ, что она и не исполнима.

Наконецъ, проф. Введенскому угодно было исказить даже общеизвѣстное и всѣми принятое понятіе „*экспери-*

---

[1]) Ср. мой учебн. лог. 2 изд. § 24, стр. 65.

[2]) Нов. лог. § 11, стран. (Марк. проф. Введенскій.)

[3]) Нов. лог. § 130, стран. 93. (Маркировка сдѣлана проф. Введенскимъ крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ).

[4]) См. наст. изслѣдованіе I гл. и въ особенности § 17, стран. 18.

*мент*ъ". „Экспериментомъ или экспериментированіемъ, [говоритъ проф. Введенскій], называется такое наблюденіе [sic!], которое сопровождается пробой или испытаніемъ, производимымъ надъ тѣмъ, что наблюдается нами",... [1]) Изъ этого опредѣленія вытекаетъ, что и сотня зрителей, или наблюдателей, присутствующая при экспериментахъ, тоже „экспериментируетъ", такъ какъ будто самое „наблюденіе" составляетъ „эксперимент*ъ*".

Кромѣ приведенныхъ выше ошибочныхъ опредѣленій, въ новой логикѣ проф. Введенскаго есть не мало и другихъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы еще познакомимся въ заключительной главѣ.

Въ своемъ университетскомъ курсѣ проф. Введенскій посвящаетъ шесть полныхъ страницъ „методамъ исправлять ошибочныя опредѣленія". Кромѣ того, онъ три страницы посвящаетъ „условіямъ достиженія опредѣленіемъ своей цѣли" [2]). Однако все это не помогло ему провѣрить свои опредѣленія, несмотря на то, что „провѣрку" онъ ставитъ въ спеціальную задачу своей новой логики.

---

[1]) Нов. лог. § 200, стран. 160.

[2]) Унив. курсъ, стран. 171, 180.

X. Итоги. Заключеніе.

§ 1. Въ предыдущихъ главахъ я разобралъ около двадцати заблужденій традиціонной логики, которыя были исправлены въ моемъ учебникѣ. Послѣ его выпуска проф. Введенскій издалъ и свой университетскій курсъ, и свою „Логику для гимназіи". Послѣднюю онъ выпустилъ черезъ два года послѣ моего Учебника. Использовавъ его въ значительной мѣрѣ, онъ все же въ обѣихъ своихъ логикахъ воспроизвелъ большинство традиціонныхъ заблужденій. Но сверхъ того, онъ сдѣлалъ множество совершенно оригинальныхъ ошибокъ [1]). Разбирая важнѣйшіе вопросы логики, относительно которыхъ имѣются разногласія, я въ новой логикѣ проф. Введенскаго обнаружилъ не меньше 209 ошибокъ и противорѣчій, принадлежащихъ ему исключительно. Въ это число не включены мною неудачные новые термины, стилистическіе промахи, опечатки, непростительные пропуски, а равно и повторенія той же ошибки, которыя въ новой логикѣ иногда доходятъ до 15-и на промежуткѣ нѣсколькихъ параграфовъ. При этомъ подсчетѣ я *„отнюдь не стремился къ полнотѣ перечня* [ошибокъ], *а выбиралъ изъ нихъ лишь тѣ, которыя сильнѣе кидаются въ глаза*": сорокъ замѣченныхъ мною ошибокъ я оставилъ безъ разсмотрѣнія [2]).

---

[1]) По числу ошибокъ оба курса логики мало отличаются. Ошибки новой логики (для гимназій) содержатся и въ универс. курсѣ, но сверхъ того, въ немъ имѣются еще и другія—въ тѣхъ же отдѣлахъ. Таковыхъ ошибокъ универс. курса, исправленныхъ въ логикѣ для гимназій, я замѣтилъ около десяти. См. настоящее изслѣдованіе, гл. I. § 5 (двѣ ошибки) и § 12; II. гл. § 17 (двѣ ошибки); III гл. § 2 (три ошибки), § 3 (одна), § 4 (двѣ).

[2]) Слова подъ ковычками, отмѣченныя курсивомъ, безъ основанія сказаны проф. Введенскимъ въ его рецензіи на Учебникъ логики проф. Челпанова. (См. *„Журналъ Мин. Нар. Просв"*. за 1908 годъ

Итого 249 замѣченныхъ, изъ нихъ 209 разобранныхъ ошибокъ! Признаться, я самъ изумился, когда подвелъ итогъ! [1]) Для удобства провѣрки этого числа, я прилагаю указатель главъ и параграфовъ настоящаго изслѣдованія, въ которыхъ разбираются ошибки новой логики.

а) Оригинальныя ошибки новой логики [2]).

Гл. I: § 7—три ошибки; § 8; § 9—десять; § 10—четыре; § 14—семь; § 15; § 16—три; § 17—одиннадцать.

Гл. II: § 13—двѣ; § 14; § 15, § 16—двѣ; § 20—три: § 21; § 22.

Гл. III: § 5—шесть; § 7—четыре; § 8—три; §§ 9 по 11—четыре; § 13; § 14; § 15; § 17; § 19—пять: § 20,

Гл. IV. §§ 6, 7 и 11 (одна ошибка, повторяемая въ нов. лог. не меньше 15 разъ); § 8—три; §§ 9 и 10—одна; § 14: § 15—двѣ; §§ 12, 13 и 16 одна ошибка, повторяемая въ нов. лог. семь разъ.

Гл. VI: § 1; § 3; § 4; § 5; § 6; § 7; § 11; § 12; § 13—двѣ: § 14—двѣ; § 15—двѣ; § 16; § 17—четыре; § 18—три; § 19—двѣ; § 20—пять; § 22—три.

Гл. VIII: § 2—три; § 3—четыре; § 4; § 5—двѣ; § 6—девять; § 9; §§ 10—12 одна; §§ 14 и 15—три; § 16—четыре; § 17; § 18.

іюньская кн. отд. Критики, стран. 234). Я могу повторить эти слова съ полнымъ правомъ. Сорокъ ошибокъ, оставленныя мною безъ разсмотрѣнія, находятся въ слѣдующихъ параграфахъ „Логики для гимназій“ проф. Введенскаго: 16, 18, 19, 24, 31 (три ошибки), 35, 48, 50, 54, 57, 59, 77, 86 (двѣ ошибки), 90, 91, 94 (двѣ ошибки), 96, 97, 108, 109, 111, 113 дополн.), 148, 166, 168, 173, 174, 178, 179, 181, 184, 190 доп.), 192, 197, 198. Къ этому долженъ прибавить, что я совсѣмъ не читалъ „Примѣровъ для упражненій“; а изъ „Дополненій для самообразованія“, я прочиталъ всего два мѣста, отмѣченныя выше. Отдѣлъ о категорическихъ силлогизмахъ я прочиталъ лишь бѣгло, но и въ немъ все же замѣтилъ нѣсколько ошибокъ, хотя этотъ отдѣлъ вышелъ совершеннымъ въ научномъ отношеніи изъ рукъ отца логики, и не подвергался измѣненіямъ въ теченіе 23 вѣковъ! Вѣроятно, и въ нечитанномъ мною имѣются тоже ошибки.

[1]) Впрочемъ, я не увѣренъ, не пропустилъ ли я еще какія-нибудь при подсчетѣ, который я сдѣлалъ только при составленіи оглавленія, послѣ набора X главы.

[2]) Арабскія числа означаютъ параграфъ настоящаго изслѣдованія, въ которомъ обнаружена ошибка новой логики; числа прописью указываютъ число такихъ ошибокъ, если оно больше единицы. Главы обозначены римскими цифрами.

Гл. IX: §§ 2 и 3—девять; § 5—шесть: § 6—четыре, § 7—семь; § 9—три; § 10; § 12—три; § 13—четыре; § 14—три; § 15—пять; § 16—три; § 17—четыре.

Гл. X: § 4; § 7—три; § 8—три; § 9; § 10.

Итакъ 249 оригинальныхъ ошибокъ и противорѣчій въ элементарномъ учебникѣ логики, который долженъ научить гимназистовъ логическому мышленію! По истинѣ, подобнаго учебника логики еще не появлялось; я думаю, и не появится на всемъ земномъ шарѣ! [1])

§ 2. Мнѣ могутъ возразить: „эти ошибки считалъ к р и т и к ъ: а критикуемый проф. Введенскій можетъ ихъ не признать". Судя по тону его логики, я думаю, онъ не признаетъ ни одной [2]); но д о к а з а т ь, что приведенное число ошибокъ преувеличено, трудно,—не только автору новой логики, но и свѣдущему спеціалисту, который придерживается правилъ логики и здраваго смысла [3]).

Но я сдѣлаю уступку снисходительному читателю, который станетъ на сторону проф. Введенскаго. Допустимъ, что я не всегда уразумѣлъ сокровенную мысль критикуемаго, что я кое-гдѣ не понялъ его. Это возможно при туманности изложенія и сбивчивости терминологіи въ новой логикѣ. Допустимъ, что я обсчитался на 10%, или даже на 20% всего числа обнаруженныхъ мною ошибокъ и противорѣчій! Допустимъ, что сорокъ ошибокъ, которыхъ я не разбираю, читатель совсѣмъ отвергнетъ. Все же и 80%, т. е. 166 изъ

---

[1]) Подобное явленіе достойно вниманія и психологовъ. Ключъ къ его разгадкѣ будетъ данъ ниже.

[2]) При его богатомъ творчествѣ онъ черезъ годъ, навѣрное, уже не помнитъ ни своихъ терминовъ, ни своихъ „открытій", и теперь онъ ихъ можетъ толковать опять иначе. А изучать онъ не станетъ своего собственнаго учебника, и притомъ такъ добросовѣстно, какъ это сдѣлалъ я. Для этого у него нѣтъ ни свободнаго времени, ни достаточной филологической подготовки.

[3]) Кто изъ читателей внимательно слѣдилъ за моими цитатами, ссылками и сопоставленіями, тотъ могъ убѣдиться, что я почти всегда выписывалъ слова новой логики п о л н о с т ь ю; а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ я пропускалъ ненужное, я это указывалъ многоточіемъ. Мои сопоставленія сказаннаго въ новой логикѣ на разстояніи десятковъ страницъ, мои обнаруженія въ нихъ противорѣчій доказываютъ, что я хорошо помнилъ сказанное раньше, и что я вникалъ въ его с м ы с л ъ.

209 разобранныхъ ошибокъ, представляетъ слишкомъ внушительное число ошибокъ въ элементарномъ учебникѣ логики!

Помимо всѣхъ ошибокъ, я въ предыдущей главѣ доказалъ еще полную несостоятельность и плана, и метода, и терминологіи проф. Введенскаго. Въ настоящей главѣ я отмѣчу еще нѣсколько оригинальныхъ особенностей относительно формы изложенія въ новой логикѣ.

А

§ 3. Способъ выражаться у проф. Введенскаго идетъ въ разрѣзъ съ научными и дидактическими требованіями. А именно, проф. Введенскій, несмотря на наличность въ его учебникѣ такого огромнаго числа ошибокъ и несмотря на его скептицизмъ, старательно прививаемый ученикамъ,—говоритъ съ такою увѣренностью, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ошибается, съ какою ни настоящій скептикъ, ни истинный ученый не говоритъ, даже при сообщеніи несомнѣнно вѣрныхъ фактовъ. Въ учебникѣ, какъ извѣстно, должно передавать только несомнѣнныя истины; а если иногда сообщаются предположенія, догадки и гипотезы, то таковыя такъ и должны быть названы. А разъ это элементарное правило соблюдается, то не за чѣмъ преподавателю и составителю учебника увѣрять учениковъ въ томъ, что онъ говоритъ „истину“, что сказанное „несомнѣнно“ или „очевидно“ и т. под. Какъ извѣстно, постоянно клянутся и подкрѣпляютъ сказанное словомъ чести—или лгуны, желающіе увѣрить другихъ въ томъ, во что они сами не вѣрятъ, или—маленькія дѣти, не понимающія истиннаго значенія клятвы и честнаго слова. Обыкновенные люди, а въ особенности скептики, къ подобнымъ увѣреніямъ не прибѣгаютъ. Пирроновцы выражались крайне сдержанно. Въ учебникѣ подобныя завѣренія совсѣмъ неумѣстны. Между тѣмъ проф. Введенскій не только свои разсужденія, но и простыя сообщенія новыхъ фактовъ сопровождаетъ модальными частицами, обозначающими аподиктическую увѣренность. Самыя любимыя его частицы: „очевидно“, „конечно“, „разумѣется“ и „ясно“.

Эти любимыя словечка нерѣдко употребляются и въ самомъ началѣ параграфа,—до сообщенія того, что „очевидно“ и т. п. Для возможности провѣрки сказаннаго, я вы-

нисываю тѣ параграфы, въ которыхъ эти любимыя словечка автора новой логики мнѣ „кидались въ глаза“ [1]).

I. „*Очевидно*“ §§ *2*, 6 (6, 2 сн.), 6 (6, 5 сн)., 10 (10 сн.), 17 (4 сн.), *21*, *32*, 38 (4 сн.), 51 (4 св.), 51 (18 св.), 52 (8 сн.), *54*, 55 (38, 14 сн.), *56*, 57 (41, 10 св.), 57 (40, 19 сн.), 59 (42, 5 сн.), *61*, *64*, 67 (49, 5 св.), 83 (8 сн.), 102 (12 сн.), 102 (14 сн.), 120 (13 сн.), *142*, 149 (104, 5 св.), 151, *153*, 159 (13 св.), 172 (12 сн.), 173 (9 св.), 175 (130, 5 св.), 178 (15 св.), 186 (2 сн.).

Какъ это мирится со скептицизмомъ проф. Введенскаго, отрицающимъ очевидность?

II. „*Конечно*“: §§ 6 (7, 10 св.), 21 (сн.), 27 (7 сн.), *39*, 51 (35, 15 св.), 54 (38, 11 св.), *63*, *80*, 82 (10 св.), 96 (73, 10 св.), 130 (4 сн.), 149 (105, 1 св.). 150 (4 сн.), *155*, 168 (3 сн.), 169 (124, 4 св.), 170 (19 св.), 173, (128, 6 св.), 175 (130, 1 сн.), 177 (134 сн.), 177 (134, 19 сн.), 177 (133, 4 сн.), 178 (135, 5 сн.), 179 (137, 9 сн.), *185*, *188*, *190*, 190 (150, 4 сн.), 192 (13 сн.), 194 (154, 1 сн.), 198 (18 сн.), 205 (9 сн.), 207 (21 сн.), 209 (19 св.), 210 (14 сн.).

Слово „конечно“ указываетъ на необходимую связь —логическую или причинную. Но какой смыслъ оно можетъ имѣть у „скептика“, сомнѣвающагося въ этомъ?

III. „*Разумѣется*“: §§ 19 (17 сн.), 39 (2 св.), 43; 52; 152 (3 сн.), 153; 166 (119, 10 св.), 167 (120, 12 св.); 167 (121, 14 св.) гл. XIII (стран. 123, 2 св.); 172 (126, 3 сн.), 185 (143, 2 сн.), *187* (145, 1 сн.), 196 (157, 9 сн.), 204 (165, 10 св.); 204 (165, 19 св.); 206 (18 св.), 206 (24 св.), 206 (26 св.); *210*.

IV. „*Ясно*“: §§ 50 (7 сн.), 50 (15 сн.), *51*, 65, 66 (21 св.), *70*, 73 (54, 20 св.), *115*, 122 (20 св.), 141, 162 (9 сн.), 178 (10 сн.), 179 (137, 13 сн.). *180*, 196 (157, 9 св.), 197 (157, 2 сн.), 206 (8 св.), 209 (12 св.).

И послѣднія двѣ частицы употребляются въ „Логикѣ для гимназій“ проф. Введенскаго даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ ошибается, т. е. когда онъ самъ не „уяснилъ“ и не „уразумѣлъ“ излагаемаго имъ. Какъ же можетъ это быть „яснымъ“ ученикамъ гимназіи или лицамъ, занимающимся самообразованіемъ?

V. Кромѣ своихъ излюбленныхъ частицъ, проф. Введенскій безъ надобности употребляетъ и другія модальныя выраженія [2]):

---

[1]) Тѣ параграфы, въ которыхъ частица употреблена не въ самомъ ихъ началѣ, имѣютъ рядомъ въ скобкахъ указаніе строки соотвѣтственной страницы. Гдѣ параграфъ занимаетъ больше одной страницы, тамъ въ скобкахъ указана страница, а послѣ этого—строка. Буквы „св.“ означаютъ „сверху“, „сн.“—„снизу“.

[2]) а) „*несомнѣнно*“: §§ 83 (3 сн.), 159 (113, 9 св.), 165, 189 (149, 7 сн.) 198 (7 сн.);

б) „*легко понять*“: §§ 107, (79, 3 св.), 203 (163, 18 сн.), 208;

в) „*легко замѣтить*“: §§ 149 (7 сн.), 189 (148, 6 св.), 190 151, 15 св.), 192 (152, 8 сн.);

§ 4. Перечисленныя выраженія, свидѣтельствующія о полной увѣренности автора въ его сообщеніяхъ, предлагаемыхъ для изученія ученикамъ, могутъ на нихъ производить различное впечатлѣніе. Большинство учениковъ, состоящее изъ среднихъ по способностямъ и не особенно смѣтливыхъ, подумаетъ: „Однако, какой умница, должно-быть, этотъ профессоръ Введенскій! Ему все легко, все ясно, все очевидно и даже несомнѣнно [несмотря на его скептицизмъ, прибавляю я отъ себя]; а мы, бѣдные, ничего не понимаемъ!“ Таковые, пожалуй, могутъ подумать, „что въ изложеніи проф. Введенскаго логика получаетъ характеръ убѣдительной связости, послѣдовательности и принудительности“ [1]).

Иначе подумаютъ проницательные гимназисты. Замѣтивъ нѣкоторыя изъ противорѣчій и очевидныхъ ошибокъ въ логикѣ проф. Введенскаго, они по увлеченію юности сдѣлаютъ непозволительное обобщеніе: „Однако этотъ проф. Введенскій довольно часто ошибается, несмотря на свою увѣренность въ „очевидности“ и „ясности“ излагаемаго имъ. Должно-быть, и то, чего мы не понимаемъ, представляетъ собою ученую чепуху“. Но что еще хуже,—они, желая всхастнуть передъ своими товарищами, передадутъ имъ въ преувеличенномъ видѣ свои сомнѣнія и неосновательные выводы. Въ результатѣ у всѣхъ учениковъ получится полный скептицизмъ,—но не только относительно тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ самъ авторъ новой логики его проводитъ, но и относительно того, въ чемъ авторъ въ высшей степени увѣренъ, т. е. относительно знанія и пониманія имъ самой логики. Врядъ ли это желательно и для школы, и для учениковъ, и для самого автора новой логики. Вѣдь, въ ней есть и вѣрныя сообщенія, напр., прекрасное мѣсто относительно терминологіи, которое я выписалъ полностью. Есть и нѣсколько хорошихъ примѣровъ, есть и вѣрныя за-

---

г) *„не трудно убѣдиться“*: §§ 102, 178 (6 св.), 186 (144, 5 св.).

д) *„не трудно замѣтить“*: §§ 38, 110 (81, 6 св.), 185 (144, 5 св.).

[1]) Послѣднія слова подъ ковычками взяты изъ официальной рецензіи анонима на „Логику для гизназій“ проф. Введенскаго. См.: *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1910 г., майская кн. Отдѣлъ офиц. рецензій на сочиненія, удостоенныя преміи Имп. Петра Великаго. (Стран. 101—104).

мѣчанія. Мнѣ особенно понравилось одно—уже въ самомъ концѣ книги, а именно: „Логика столь важна для философіи, что, можно сказать, не стоитъ даже изучать философію безъ яснаго пониманія логики: безъ основательнаго знанія логики можно лишь научиться резонерствовать на философскія темы, но никакъ нельзя понять ихъ во всей ихъ глубинѣ“ [1]).

Б.

§ 5. Не удовлетворяетъ дидактическимъ требованіямъ новая логика и со стороны стиля. Какъ мы неоднократно могли убѣдиться изъ цитатъ, приведенныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи, стиль проф. Введенскаго отличается расплывчатостью, отвлеченностью и туманностью. Эти качества даже спеціалиста затрудняютъ въ пониманіи излагаемаго. Для подтвержденія сказаннаго достаточно вспомнить тѣ расплывчатыя формулы важныхъ логическихъ законовъ и правилъ, съ которыми мы уже познакомились. А вѣдь, эти формулы авторомъ маркированы крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ! Это значитъ, что ихъ гимназистъ долженъ заучить дословно. Въ остальномъ текстѣ дѣло обстоитъ еще менѣе удовлетворительно: почти на каждой страницѣ попадаются предложенія въ 8 до 14 печатныхъ строкъ (каждая строка въ 55 до 60 буквъ) [2]). Чтеніе такихъ предлеженій съ трудомъ понимается даже искушеннымъ спеціалистомъ. Я двухъ мѣстъ такъ-таки и не понялъ. Что же сказать о гимназистахъ и о лицахъ занимающихся самообразованіемъ?

---

[1]) *Нов. лог.* § 196, стран. 157. Я не согласенъ только съ первой половиной предложенія, будто не стоитъ даже изучать философію безъ яснаго пониманія логики. По моему, „стоитъ изучать“. Я знаю даже одного профессора философіи, который далеко не ясно понималъ логику, а все же преподавалъ не только философію, но даже и логику больше сорока разъ въ теченіе своей профессорской дѣятельности; при этомъ онъ сколотилъ себѣ кругленькій капиталецъ,—гораздо большій, чѣмъ знаменитый Кантъ. Для этого не нужно „понимать во всей глубинѣ“ философскія проблемы, не нужно „ясное пониманіе логики“.

[2]) См. *Новая логик.* стран. 167, 166, 165, 164 (предложеніе въ 13 строкъ). 161, 159, 156 и 157, 156 (предложеніе въ 13 строкъ), 155 (10 строкъ), 154 (11 строкъ), 153 (предложеніе въ 14 строкъ), 152 (10 строкъ), 150, 149, 148, 147, 145 (два предложенія по 10 строкъ), 144, 139 и 140 (предложеніе въ 13 строкъ), 139, 138 (два предложенія), 137 и 138 (предложеніе въ 10 строкъ), 136 (11 строкъ), 135 (13 строкъ) и т. д. и т. д.

Послѣдніе, вѣдь не имѣютъ даже учителя, который бы имъ растолковалъ то, что имъ не ясно!

Любопытно сопоставить съ этимъ напутственное слово автора новой логики, которое онъ даетъ своимъ будущимъ ученикамъ въ своемъ предисловіи. „А тѣмъ, кто въ видахъ самообразованія [начинаетъ проф. Введенскій съ красной строки] станетъ пользоваться всей этой книгой безъ помощи преподавателя, считаю нелишнимъ указать на слѣдующее: разумѣется, пройдя всю книгу, необходимо повторить ее и въ ея цѣломъ. [Къ сожалѣнію, „цѣлаго“ въ ней какъ разъ не имѣется]... не слѣдуетъ вѣрить, будто бы логика трудная наука [въ особенности въ изложеніи проф. Введенскаго]...; обратное же мнѣніе о ней возникаетъ по двумъ слѣдующимъ причинамъ: 1) Многіе любятъ подмѣнивать знаніе самого предмета, изучаемаго въ какой-либо наукѣ, пріобрѣтаемое путемъ собственнаго разсмотрѣнія этого предмета (....) знаніемъ однѣхъ лишь чужихъ мыслей о немъ, изложенныхъ въ разныхъ книгахъ... (авторъ имѣетъ въ виду наглядность, ссылаясь на исторію литературы и на психологію). 2) Логика наука точная [къ сожалѣнію, только не въ изложеніи проф. Введенскаго] и требуетъ, а) чтобы мы употребляли всѣ установленные ею термины только въ томъ смыслѣ, какой она [а не проф. Введенскій] условилась придавать имъ, [мы видѣли, какъ самъ авторъ этого напутствія соблюдаетъ это правило] и б) чтобы мы точно высказывались обо всемъ указываемомъ ею въ изучаемомъ ею предметѣ [и эту „точность“ мы тоже видѣли у самого автора: примѣръ его—очень назидательный]... Надо внимательно наблюдать за своими выраженіями... [чего именно не дѣлаетъ самъ авторъ]... надо постоянно давать себѣ отчетъ, почему мы употребляемъ такое, а не другое выраженіе“. [Конецъ предисловія. VIII стран.] [1]).

Это сопоставленіе чрезвычайно любопытно съ точки зрѣнія психологической! Объясненія излишни для того, кто внимательно прочиталъ настоящее изслѣдованіе.

Такъ какъ авторъ новой логики задавался столь высокимъ задачамъ, то разумѣется, его не занимали такія ме-

[1]) Мнѣ кажется, что врядъ ли можно научить другого тому, чего самъ не знаешь, и что врядъ ли можно въ обучаемомъ развить тѣ способности, которыми самъ не обладаешь.

лочи, какъ стилистическая отдѣлка и исправленіе опечатокъ и ошибокъ противъ правописанія. Таковыхъ, не отмѣченныхъ авторомъ ошибокъ, я попутно при чтеніи замѣтилъ больше семидесяти[1]). Разумѣется, я не задавался цѣлью ихъ отыскивать: это—слишкомъ скучное и безполезное занятіе по отношенію къ книгѣ, уже выпущенной въ обращеніе. Поэтому таковыхъ „опечатокъ", по всему вѣроятію, имѣется гораздо больше. Между тѣмъ въ учебникѣ для гимназій и этой стороной не слѣдуетъ пренебрегать.

В.

§ 6. Остается отмѣтить еще одну особенность новой логики проф. Введенскаго. Въ ней приводятся больше 20 примѣровъ, которые впервые были придуманы мною для моего учебника логики, вышедшаго годомъ раньше его университетскаго курса и двумя годами раньше новой логики проф. Введенскаго. Въ послѣдней, сверхъ этихъ примѣровъ, повторяются нѣкоторыя изъ моихъ опредѣленій, объясненій, замѣчаній и дистинкцій, которыхъ раньше не было ни въ одномъ учебникѣ или курсѣ логики: они впервые введены мною въ науку. Такъ какъ проф. Введенскій нигдѣ не называетъ моего имени, а иногда эти новшества излагаетъ такъ, что ихъ можно принять за его „новыя открытія": то я долженъ на нихъ остановиться нѣсколько дольше[2]). Въ своемъ предисловіи къ университетскому курсу проф. Введенскій прямо оповѣщаетъ публику, что „здѣсь

---

[1]) См. *Нов. лог.* страницы: VII (1 сн.), 2 (5 св.), 5 (16 св.), 8 (15 сн.) 9 (6 сн.) 44 (1 сн.) 44 (3 сн.), 47 (2 св.), 50 (3 сн.), 52 (2 сн.), 55 (19 сн.) 60 (10 св.), 60 (11 св.), 60 (21 сн.), 65 (5 св.), 68 (6 сн.), 78 (17 сн.), 83 (12 св.), 94 (5 св.), 95 (18 св.), 96 (12 св.), 96 (17 св.), 96 (18 св.), 115 (7 св.), 121 (15 сн.), 127 (6 св.), 127 (15 св.), 131 (7 и 8 св.), 132 (1 сн.), 133 (1 св.), 136 (13 св.), 140 (5 св.), 143 (12 св.), 145 (11 св.), 145 (13 св.), 147 (10 св.), 147 (11 св.), 149 (19 св.), 149 (6 сн.). 150 (6 св.), 151 (20 св.), 152 (9 св.). 153 (3 св.), 156 (2 св.). 157 (15 сн.), 159 (9 сн.), 160 (12 св.), 163 (17 сн.), 165 (14 св.), 165 (7 сн.), 165 (4 сн.) 165 (3 сн.), 166 (7 св.), 166 (13 св.), 166 (19 сн.), 166 (10 сн.), 167 (9 и 10 св.), 167 (16 сн.), 167, (2 сн.) 168 (5 св.), 168 (6 св.) 168 (16 св.), 186 (10 св.).

[2]) Способъ выраженія у проф. Вв-го ввелъ въ заблужденіе и приватъ-доцента Н. А. Васильева, который приписываетъ „проницательности проф. Вв-го" то, что онъ послѣ меня повторяетъ въ замаскированномъ видѣ относит. сужденій *I.* и *O.* См. *Н. А. Васильевъ*, О частныхъ сужденіяхъ, Казань, 1910, стр. 14, примѣчаніе.

много новаго по существу (въ каждой главѣ найдется что нибудь новое, по крайней мѣрѣ—невстрѣчающееся ни въ одномъ [!] изъ учебниковъ логики" [1]).

Въ виду этого мы и займемся этимъ „новымъ". Новшествами проф. Введенскаго можно, пожалуй, считать и его противорѣчія и ошибки. Но я разсмотрю только тѣ новшества, которыя передаютъ истину, или по крайней мѣрѣ заключаютъ въ себѣ крупицу истины. Таковыми оказываются тѣ „новшества", которыя послѣ появленія ихъ въ моемъ учебникѣ повторяются и въ новой логикѣ, и въ университетскомъ курсѣ проф. Введенскаго [2]). Нѣкоторыя изъ такихъ новшествъ уже разобраны въ настоящемъ изслѣдованіи. Къ нимъ относятся: 1) формула индуктивнаго метода различія [3]); 2) опредѣленіе противорѣчащихъ понятій [4]); 3)правило, что частныя сужденія I и O (при той же матеріи) не представляютъ собою противорѣчія, хотя и отличаются качествомъ связки [5]); 4) опредѣленіе квадрата [6]).

§ 7. Остальныя совпаденія читатель можетъ провѣрить, сличая мой Учебникъ логики съ новой логикой проф. Введенскаго. Хотя они расходятся—иногда даже очень сильно —по словесной формѣ; но совпадающую мысль все же можно уловить. Вслѣдствіе видоизмѣненій формы и вслѣдствіе новой терминологіи проф. Введенскаго, несогласной съ обычной, у него весьма часто получаются ошибки, которыхъ не имѣется въ моемъ учебникѣ.

5-ое „совпаденіе". Классификація ошибокъ въ доказательствахъ, по составнымъ его частямъ сдѣлана впервые въ моемъ учебникѣ (I. изд. §§ 56 и 57; 2-ое изд. §§ 46 и 47).

Проф. Введенскій повторяетъ ее, только переставивъ порядокъ классовъ и видовъ, причемъ—иногда неудачно (§ 75).

6-ое „совпаденіе". Замѣчаніе, что существующими на-

---

[1]) Проф. А. И. Введенскій, Логика, какъ часть теоріи познанія, Спб. 1909, Предисл. стран. Ш.

[2]) Въ совпадающихъ „новшествахъ" новой логики обыкновенно имѣется не нужная перестановка частей въ ущербъ послѣдовательности, а равно и измѣненная къ худшему словесная форма, по сравненію съ моимъ учебникомъ.

[3]) См. VI гл. § 18 наст. изслѣдованія.

[4]) См. IX. гл. §§ 14—16.

[5]) См. IX гл. § 15.

[6]) См. IX. гл. § 12, стран. 189.

званіями ошибокъ не исчерпывается все число возможныхъ ошибокъ, что даже формальныхъ ошибокъ можетъ быть столько, сколько въ логикѣ установлено правилъ. (1-ое изд. § 56; 2-ое изд. § 46).

Проф. Введенскій использовалъ эту мысль вполнѣ, толкуя объ ошибкахъ послѣ изложенія каждаго правила.

7-ое „совпаденіе“. Относительно ошибки „circulus vitiosus“ я замѣчаю: „Это [т. е. означенная ошибка] дѣлается, конечно, въ замаскированномъ видѣ: иначе, ошибка сейчасъ же была бы очевидна опоненту. Чаще она встрѣчается въ болѣе сложныхъ и отвлеченныхъ доказательствахъ“ (1 изд. § 56; 2-ое изд. § 46).

Проф. Введенскій, по своему обыкновенію, выражается рѣшительнѣе: „Ошибка эта встрѣчается только въ длинныхъ разсужденіяхъ; въ короткихъ же она почти невозможна [„только“ и „почти“!], ибо тамъ слишкомъ рѣзко кидалась бы въ глаза, и рѣдко кто не замѣтилъ бы ея. (§ 75, стран. 58).

8-ое „совпаденіе“. Вслѣдствіе введенія мною классификаціи ошибокъ, я ошибку „post hoc, ergo propter hoc“ отнесъ въ отдѣлъ матеріальной индукціи (2 изд. § 52). То же сдѣлалъ и проф. Введенскій (гл. XIV, § 188, стран. 147).

9-ое. Правильное опредѣленіе основанія дѣленія впервые дано въ моемъ учебникѣ слѣдующими словами: „То родовое понятіе, въ объемѣ котораго содержатся всѣ видовыя отличія [подразумѣвается—входящія въ каждый изъ членовъ дѣленія], называется основаніемъ раздѣленія“ (1-ое изд. § 51, стран. 118 и 119; 2-ое изд. § 40, стран. 169).

Проф. Введенскій ту же мысль передаетъ посредствомъ своей терминологіи: „Общее для всѣхъ членовъ дѣленія свойство [sic!], видоизмѣненіями [=видами] котораго они отличаются другъ отъ друга, называется основаніемъ или принципомъ дѣленія“ (§ 147)[1]).

[1]) Отъ этого видоизмѣненія моего опредѣленія у проф. Введенскаго опять получилась ошибка: основаніемъ дѣленія можетъ быть не только „свойство“ (т. е. одинъ признакъ), но и совокупность таковыхъ. Такъ напримѣръ, дѣленіе животныхъ на дышащихъ легкими, жабрами и трахеями имѣетъ основаніемъ дѣленія „органъ дыханія“; однако таковой представляетъ совокупность очень многихъ свойствъ—и присущихъ всѣмъ тѣламъ физики, и сверхъ того—анатомическихъ и физіологическихъ „свойствъ“.

10-ое. Опредѣленіе дихотоміи впервые дано въ моемъ учебникѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Такое раздѣленіе на два члена, имѣющіе противорѣчащій предикатъ, называется дихотоміей. Это раздѣленіе самое легкое и самое совершенное, такъ какъ...“ (1 изд. § 51; стран. 121; 2 изд. § 40, стран. 111).

Проф. Введенскій передаетъ его болѣе пространно, разъясняя противорѣчащія понятія: „Простѣйшій безошибочный [sic?] пріемъ дѣленія состоитъ въ раздѣленіи...“ (§ 145).

11-ое „совпаденіе“. Какъ образецъ дихотоміи у меня приведено въ наглядной схемѣ раздѣленіе четыреугольниковъ. (1-ое изд. § 51, стран. 122[1]).

Проф. Введенскій удержалъ примѣръ и схему моего перваго изданія и даже терминъ „ромбоидъ“, не извѣстный русскимъ учебникамъ геометріи. Въ остальномъ онъ слегка измѣнилъ термины (§ 146).

12-ое „совпаденіе“. Въ моемъ учебникѣ впервые отмѣчено, что „умозаключенія противоположности“ неправильно причисляются къ непосредственнымъ умозаключеніямъ, тогда какъ въ нихъ принимается во вниманіе, кромѣ основного сужденія, еще и другое (1-ое изд. § 32; 2-ое изд. § 24).

Этимъ замѣчаніемъ проф. Введенскій воспользовался, исключивъ названныя умозаключенія изъ числа непосредственныхъ. Мало того, онъ изъ благодарности это мое замѣчаніе не совсѣмъ основательно обращаетъ противъ меня же (§ 91). Онъ оспариваетъ, что простое обращеніе (conversio simplex) въ сужденіяхъ типа *A* съ тожественными по объему терминами есть непосредственное умозаключеніе[2]).

§ 8. *13-ое „совпаденіе“.* Объясненія и опредѣленія „классификаціи“, впервые данныя въ моемъ учебникѣ (1-ое изд. § 52; 2-ое изд. § 41), тоже повторяются въ новой логикѣ, а также и въ университетскомъ курсѣ проф. Введенскій (Нов. лог. § 150; университетскій курсъ, стран. 166)

---

[1]) Такъ какъ въ этой схемѣ попадаются два греческихъ термина „трапецоидъ“ и „ромбоидъ“, не извѣстные ученикамъ изъ русскихъ учебниковъ геометріи, то во второмъ изданіи я этотъ примѣръ замѣнилъ другимъ.

[2]) Этими случаями я дополняю обычное примѣненіе этого обращенія. См. мой учебникъ лог. (1-ое изд. § 31, стран. 62 и 63; 2-ое изд. § 23, стран. 50).

Но и тутъ проф. Введенскій не могъ обойтись безъ „видоизмѣненій“ въ словахъ и безъ попытки меня поправить [1]).

Изъ объясненія проф. Введенскаго видно, что онъ не признаетъ за классификацію такое правильное дѣленіе реальныхъ предметовъ, въ которомъ упоминается уже *не существующій* классъ. Онъ думалъ, повидимому, что мои „пятикопытыя“ относятся къ области вымысла, а таковому-де не мѣсто въ научной классификаціи. Между тѣмъ они упоминаются въ полныхъ курсахъ зоологіи, такъ какъ таковыя (напр. семейство Lophiodontia) существовали въ Европѣ въ эоценовой формаціи, а въ Америкѣ—въ міоценовой [2]). Такимъ образомъ и на этотъ разъ „видоизмѣненія“ и „поправки“ заимствованнаго привели проф. Введенскаго *къ ошибкѣ*, а не къ „открытію новой истины“.

[1]) А именно, въ моемъ учебникѣ есть примѣчаніе, напечатанное мелкой печатью, въ которомъ сказано: „Такъ какъ классификація имѣетъ дѣло съ реальными предметами, то она можетъ быть *логически* неполной: въ ней можетъ отсутствовать цѣлый классъ, который не встрѣчается въ дѣйствительности. Таковъ напр. *классъ пятикопытыхъ*, которыя не встрѣчаются между современными животными (1 изд. § 52, стран. 124). Проф. Введенскій не заимствовалъ этого примѣра, а приводитъ другой, въ которомъ не разобрался, а именно „дѣленіе млекопитающихъ на а) неимѣющихъ ни рукъ, ни ногъ, б) имѣющихъ только ноги, в) имѣщихъ только руки, г) имѣющихъ и руки и ноги. Послѣ этого примѣра проф. Введенскій замѣчаетъ, что приведенное имъ дѣленіе „не называется классификаціей; ибо хотя понятіе млекопитающаго и осуществляется въ опытѣ, но здѣсь оно раздѣлено на такія части, про одну изъ которыхъ (не имѣющія ни рукъ, ни ногъ) мы не только подозрѣваемъ, а даже *навѣрное знаемъ* [sic!], что она не осуществляется въ опытѣ“. Въ объясненіи проф. Введенскаго та часть дѣленія, про которую онъ „*навѣрное знаетъ*, что она не осуществляется въ опытѣ“ (т. е. „не имѣющія ни рукъ, ни ногъ“) на самомъ дѣлѣ уже очень давно „*осуществлена*“ Творцомъ вселенной безъ вѣдома проф. Введенскаго: она существуетъ и *теперь*. Къ таковымъ млекопитающимъ относятся: дельфины, однозубы, киты, кашелоты, морскія коровы и другія. Тѣмъ не менѣе его примѣръ не представляетъ собою классификаціи (строго логической): въ немъ авторъ, вопреки правилу, данному имъ же двумя параграфами раньше, не „руководствовался всего *только однимъ* основаніемъ дѣленія“.

[2]) См. Meyer, Konversation-Lexikon, VIII Band, L 1889, S. 764. Проф. Введенскому который, повидимому, не знакомъ съ зоологіей, слѣдовало бы избѣгать „поправокъ“ въ этой области: они не вяжутся ни съ его скептицизмомъ, ни съ его аподиктической увѣренностью въ передаваемыхъ имъ „поправкахъ“.

§ 9. *14-ое „совпаденіе“* Въ большую заслугу ставится офиціальнымъ рецензентомъ „Логики для гимназій“ проф. Введенскаго его разъясненія различія между „общими сужденіями и кажущимися общими“[1]). Это различіе авторомъ новой логики дается въ слѣдующихъ опредѣленіяхъ: 1) „Каждое подлинно-общее сужденіе относится или къ безконечно большому, или, по крайней мѣрѣ, къ неопредѣленно большому числу предметовъ“. А кажущіяся общія сужденія относятся всегда лишь къ строго опредѣленному, хотя бы и очень большому, числу предметовъ“ (§ 50)[2]).

Эту дистинкцію было бы умѣстно сдѣлать въ томъ параграфѣ, въ которомъ опредѣляется общее понятіе, т. е. въ § 23, III гл. Но проф. Введенскій не сдѣлалъ этой дистинкціи въ этомъ параграфѣ, хотя онъ сильно напрашивался на это: онъ состоитъ всего изъ 5½ строкъ, тогда какъ иные параграфы занимаютъ нѣсколько страницъ.

Теперь посмотримъ, что говорится въ моемъ учебникѣ объ этой дистинкціи общихъ понятій[3]).

Въ параграфѣ моего учебника съ заголовкомъ „Объемъ

[1]) См. цитир. рецензію въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 годъ, майская кн. „Мы находимъ [говоритъ анонимный офиц. рец.] превосходныя разъясненія различія между общими сужденіями и такими, которыя только кажутся таковыми“...

[2]) Эта дистинкція почему-то отнесена къ V главѣ (имѣющей слѣдующій заголовокъ. „Основные методы провѣрки сужденій“); но самое опредѣленіе просто „общихъ сужденій“ дается проф. Введенскимъ въ IV гл. въ § 33, а именно слѣдующими словами: „Если сказуемое относится ко всему объему подлежащаго, которымъ служитъ общее понятіе, то сужденіе называется общимъ“. Итакъ подраздѣленіе общихъ сужденій, данное 17-ю параграфами позже, основано на количествѣ подлежащаго (субъекта). Если таковое представляетъ собою понятіе, которое „относится или къ безконечно большому или, по крайней мѣрѣ, къ неопредѣленно большому числу предметовъ“, то сужденіе будетъ „подлинно общимъ“; въ противномъ случаѣ—„кажущимся общимъ“.

[3]) Она приводится мною впервые въ учебникѣ логики, но принадлежитъ проф. Лейкфельду; равнымъ образомъ и термины заимствованы у него изъ его ученаго изслѣдованія, напечатаннаго 21 годъ тому назадъ. (*П. Э. Лейкфельдъ*, цитиров. соч. „Логич. ученіе объ индукціи“ Спб. 1890). Содержаніе его слѣдуетъ считать уже общимъ достояніемъ науки и извѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, спеціалистамъ по логикѣ; но проф. Введенскій съ нимъ не былъ знакомъ или же давно забылъ о немъ: иначе, онъ не путался бы такъ въ изложеніи индуктивныхъ методовъ въ своей новой логикѣ.

и содержаніе понятія“ въ примѣчаніи послѣ разбора примѣра на объемъ понятія „металлъ“ напечатано: „Если объемъ понятій неопредѣленный, то такія понятія называются адіористическими. Имъ противополагаются понятія индиктивныя, объемъ которыхъ состоитъ изъ опредѣленнаго ограниченнаго числа. *Примѣры* объема первыхъ: апельсинъ, дерево, человѣкъ. *Примѣры* объема послѣднихъ: часть свѣта, часть рѣчи, грамматическій родъ, металлы, планеты нашей солнечной системы, извѣстныя въ данный моментъ“ [1]).

Итакъ и въ данномъ случаѣ „видоизмѣненія“ и „поправки“ въ совпаденіяхъ оказали плохую услугу проф. Введенскому.

§ 10. *Пятнадцатое совпаденіе по 20-ое.*

15) Повторяется въ новой логикѣ и моя поправка, что въ понятіи мыслятся *не всѣ признаки*, и что поэтому *въ опредѣленіи нѣтъ надобности перечислять ихъ всѣ* [2]).

Такъ напр., относительно квадрата пришлось бы сказать, что это плоская фигура, со всѣхъ сторонъ ограниченная, съ четырьмя прямыми линіями, что всѣ четыре стороны его равны, что всѣ четыре угла его прямые, что противоположныя стороны у него параллельны [3])... Наконецъ, пере-

---

[1]) 1-ое изд. § 17, стран. 27; 2-ое изд. § 10, стран. 24. Все это въ моемъ учебникѣ напечатано мелкой печатью, какъ не имѣющее важнаго значенія. Но проф. Введенскій этой дистинкціи придаетъ значеніе важнаго открытія, распространяясь о ней на цѣлой страницѣ. Для этого онъ даже прибѣгъ къ новому „открытію“, ошибочно утверждая, будто „логика должна обращать вниманіе не на всякія общія, а только на подлинно-общія сужденія“. На самомъ дѣлѣ, послѣднія, т. е. „подлинно-общія сужденія“ съ точки зрѣнія скептицизма проф. Введенскаго не могутъ считаться доказанными; первыя же почти всегда, доказаны полной индукціей.

[2]) 1-ое изд. § 48, стран. 111; 2-ое изд. § 39 стран. 101. „Это бываетъ неудобнымъ, когда въ содержаніе понятія входитъ множество признаковъ. Такъ напр., кому неизвѣстно, что такое человѣкъ? Однако даже ученому было бы весьма затруднительно перечислить всѣ существенные признаки человѣка. Но и въ понятіяхъ съ менѣе сложнымъ содержаніемъ представляло бы большое неудобство перечислять всѣ его признаки“.

[3]) Тамъ же и слѣд. стран. Все цитированное мѣсто напечатано мелкимъ шрифтомъ въ видѣ примѣчанія.

численіе всѣхъ существенныхъ признаковъ, часто бываетъ невозможнымъ [1]).

Проф. Введенскій передаетъ мою мысль слѣдующими словами: „§ 155. Но еще нѣтъ необходимости всегда [sic!] упоминать въ опредѣленіи отдѣльно о каждомъ изъ простыхъ признаковъ опредѣляемаго понятія... Напр., вмѣсто того, чтобы опредѣлять квадратъ, какъ прямолинейную четырехугольную, прямоугольную фигуру, имѣющую равныя стороны"...[2]) Проф. Введенскій своей поправкой „всегда" опять испортилъ дѣло. Изъ его словъ вытекаетъ, что „иногда есть необходимость...", а это невѣрно [3]).

Я не буду дальше утомлять читателей выпиской и сличеніемъ всѣхъ „совпаденій" въ новой логикѣ съ моими оригинальными нововведеніями; а ограничусь ссылками на соотвѣтственныя мѣста новой логики и моего учебника.

16) *Термины сужденія измѣняются* въ зависимости *отъ логическаго ударенія* въ соотвѣтственномъ предложеніи [1-ое изд. § 23; 2-ое изд. § 15]. Въ новой логикѣ проф. Введенскаго § 10.

17) Разные *способы выраженія связки*, помимо „есть" и „суть", [1-ое изд. § 23; 2-ое изд. § 15, стран. 38]. Въ новой логикѣ § 9.

18) Различіе между противорѣчащими и *противными понятіями* (1-ое изданія § 20; 2-ое издан. § 12). Въ Новой логикѣ § 94.

19) Опредѣленіе и *задача логики* [1 и 2-ое изд. § 1]. (Нов. лог. § 1). Подробнѣе это „совпаденіе" будетъ разсмотрѣно особо.

20) Опредѣленіе и примѣръ на *„аналогію"*. (1 изд. § 65; 2-ое изд. § 65]. У проф. Введенскаго она отнесена въ новой логикѣ къ VIII гл. (§ 84).

Кромѣ этихъ „совпаденій" имѣется еще около 20-и—въ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Ср. Нов. лог. § 16.

[3]) Впрочемъ, и это замѣчаніе съ „поправкой" противорѣчитъ сказанному имъ же четырьмя параграфами раньше. Въ § 151 проф. Вв-ій говоритъ: „опредѣленіемъ—definitio—понятія называется полное указаніе признаковъ, образующихъ содержаніе этого понятія"... „чтобы во всѣхъ нихъ вмѣстѣ [подразумѣвается—признакахъ опредѣляемаго понятія] мыслились сполна все его содержаніе" (Нов. лог. § 151. Сравнить наст. изсл. IX гл. § 12, стран. 188).

примѣрахъ новой логики, которые м н о ю придуманы, а именно: § 5 (утконосы); §§ 9, 11, 16, 86, 106, 109, 113 (киты) [1]); § 16 (Аристотель); § 17 (квадратъ); §§ 26, 34, 135 (прямоугольникъ); § 31 (углы); § 75 (сильно-дѣйствующее лѣкарство: въ Новой логикѣ взятъ мышьякъ вм. опія); § 151 (квадратъ); §§ 88 и 93 (металлы); § 179 (добываніе теплоты), §§ 182 и 186 (законъ Архимеда); § 183 (хининъ); § 186 (маятникъ) и другіе.

§ 11. Въ виду столькихъ „совпаденій" между моими нововведеніями и повтореніями ихъ въ университетскомъ курсѣ и въ новой логикѣ проф. Введенскаго, не можетъ быть сомнѣнія что они объясняются *заимствованіемъ*. Поэтому я рѣшаюсь подѣлиться съ читателями моей догадкой и относительно 19-го „совпаденія, которое *сильно замаскировано*. Я предполагаю, что даже 1-й параграфъ новой логики, породившій въ ней столько противорѣчій, есть п л о д ъ н е у д а ч н а г о з а и м с т в о в а н і я изъ моего учебника и маскировки его. Хотя у проф. Введенскаго получился другой смыслъ, однако это произошло отъ недоразумѣнія. Чтобы читатель могъ провѣрить мою догадку, я воспроизвожу рядомъ оба текста [2]).

Ф о р м у л и р о в к а м о е г о У ч е б н и к а:	Т е к с т ъ н о в о й л о г и к и п р о ф. В в е д е н с к а г о:
Логика есть наука, излагающая *правила мышленія*, 1) соблюденіе которыхъ *необходимо для достиженія истины*... 2) *задача ея* состоитъ въ томъ, чтобы *установить, тѣ правила* мышленія... 3) *соблюденіе которыхъ* 4) *необходимо для достиженія истины*...	*Логика есть наука о правильномъ мышленіи*. 1) Правильнымъ называется мышленіе *пригодное для расширенія знанія*. 2) *задача логики—отыскать правила*. 3) *при исполненіи которыхъ*. 4) *мышленіе становится годнымъ для расширенія знанія*.

Примѣчаніе: Первое и четвертое соотвѣтствія замаскированы: проф. Введенскій, повидимому, полагалъ, что „достиженіе истины" и „расширеніе знанія" тожественны по смыслу. Какъ мы видѣли въ I-ой главѣ, §§ 6—10, это оказалось

[1]) Этотъ примѣръ очень понравился автору новой логики: видно, онъ впервые узналъ изъ моего учебника, что „киты не рыбы".

[2]) Соотвѣтственныя совпаденія помѣчены одинаковыми цифрами.

невѣрнымъ. Слова „необходимо“ и „пригодное“ отличаются по модальности. Можетъ быть, скептицизмъ проф. Введенскаго удержалъ его отъ „необходимости достиженія истины“. Во второмъ соотвѣтствіи слова „установить“ и „отыскать“ проф. Введенскій, несомнѣнно, считалъ синонимами: въ § 2 онъ самъ повторяетъ мое выраженіе „логика, стремясь установить правила“ [1])...

Исчерпывать всѣ заимствованія проф. Введенскаго я не берусь, такъ какъ онъ ихъ иногда довольно искусно скрываетъ: а для ихъ раскрытія и доказательства ихъ наличности понадобилась бы очень кропотливая филологическая работа, которая не окупилась бы, въ виду очевидности заимствованій и на основаніи приведенныхъ фактовъ. Такимъ образомъ значительная часть того „новаго по существу“, о которомъ проф. Введенскій сообщаетъ въ предисловіи къ своему университетскому курсу логики [2]), заимствована изъ моего учебника. Другая же часть, принадлежитъ творчеству самого автора новой логики. Къ сожалѣнію, эта другая часть, какъ мы видѣли, оказалась сплошнымъ недоразумѣніемъ, рядомъ гордіевыхъ узловъ, сплетенныхъ изъ противорѣчій, часто прикрытыхъ многоэтажной неуклюжей терминологіей.

§ 12. Я предвижу возможность возраженій относительно заимствованія со стороны проф. Введенскаго. Онъ можетъ сказать: „всѣ логики совпадаютъ въ излагаемомъ ими матеріалѣ; по крайней мѣрѣ, онѣ должны совпадать въ томъ, что истинно“. Это возраженіе совершенно основательно относительно тѣхъ истинъ, которыя уже сдѣлались общимъ достояніемъ науки. Но мы видѣли у проф. Введенскаго множество частичныхъ „совпаденій“, въ которыхъ у него оказались ошибки. Какъ же объяснитъ это авторъ новой логики? Эти ошибки могутъ быть объяснены; 1) желаніемъ автора замаскировать эти „совпаденія“, а 2) недоразумѣніемъ относительно терминологіи и произвольныхъ перифразъ „совпадающаго“. Если бы эти совпаденія были плодомъ творчества самого автора новой логики, то они въ общемъ гармонировали бы со всѣмъ матеріаломъ, сообщаемымъ проф. Введенскимъ. Но подобнаго согласія мы не замѣтили. Наоборотъ,

[1]) См. I гл. § 13 настоящаго изслѣдованія.

[2]) Проф. *А. И. Введенскій*, Логика какъ часть теоріи „познанія“. СПБ. 1909, стран. III.

эти „совпаденія“ внесли множество противорѣчій. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ заимствованія, и притомъ неумѣлаго!

Проф. Введенскій, который, какъ мы видѣли, не стѣсняется общепринятой терминологіей, можетъ въ свое „оправданіе“ сказать, что онъ считаетъ заимствованіемъ только буквальную передачу чужихъ мыслей. Но въ такомъ случаѣ онъ обязанъ дать новый терминъ для заимствованія чужой мысли, передаваемой не буквально. Впрочемъ, отъ новаго термина суть дѣла не измѣнится.

Защитникъ проф. Введенскаго можетъ сдѣлать еще одно возраженіе: „Совпаденія не доказываютъ заимствованія. Такъ какъ истина объ извѣстномъ фактѣ только одна, то до нея могутъ додуматься разныя лица, и независимо другъ отъ друга. Въ исторіи наукъ уже бывали подобные примѣры“. Да, отвѣчу я защитнику. Подобные примѣры совпаденій бывали, да только весьма рѣдко; притомъ они касались важныхъ открытій новой истины. Между тѣмъ „совпаденія“ проф. Введенскаго касаются какъ разъ мелочей и второстепенныхъ вопросовъ логики. А самаго главнаго усовершенствованія моего учебника логики проф. Введенскій не принялъ, а именно: относительно гипотетическихъ силлогизмовъ и понятія о дѣйствующей причинѣ. Противъ нихъ проф. Введенскій даже полемизируетъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ неосновательно. Правда, проф. Введенскій во всей своей логикѣ не называетъ моего имени; однако его полемика можетъ относиться только ко мнѣ, такъ какъ моихъ поправокъ относительно гипотетическихъ силлогизмовъ нигдѣ еще не имѣется, какъ мы видѣли изъ историческаго очерка VII главы. Итакъ полемика проф. Введенскаго, направленная противъ этихъ новшествъ моего учебника логики, несомнѣнно, доказываетъ знакомство съ нимъ.

Далѣе, если бы этихъ „совпаденій“ было нѣсколько, то я, быть можетъ, и не замѣтилъ бы ихъ. Однако ихъ оказалось слишкомъ много, болѣе сорока. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ теоріей вѣроятности, тотъ пойметъ, что даже одно случайное совпаденіе новшества въ двухъ книгахъ мало вѣроятно. А допущеніе сорока таковыхъ „совпаде-

ній“ невозможно, если принять во вниманіе, что проф. Введенскій былъ з н а к о м ъ съ моимъ учебникомъ.

§ 13. Сверхъ всего, нужно принять въ соображеніе, что новая логика была написана послѣ напечатанія университетскаго курса проф. Введенскаго, т. е. на промежуткѣ между 1 апрѣля и 1 октября 1909 года [1]). При многосложности разныхъ обязанностей и занятій проф. Введенскаго нужно изумляться, что онъ такъ скоро могъ написать учебникъ, т. е. „книгу“, которая, какъ онъ заявляетъ „составлена отнюдь не путемъ простого сокращенія его университетскаго курса, о б н а р о д о в а н н а г о [sic!] въ 1909 г. подъ заглавіемъ „Логика, какъ часть теоріи познанія“, но образуетъ собой новую работу, строго [?] приноровленную къ требованіямъ гимназической программы“ [2]). Могло ли тутъ быть время для „новыхъ открытій“ и усовершенствованій логики? Между тѣмъ и въ новой логикѣ появились нѣкоторыя новшества, совпадающія съ моими, которыхъ не было въ университетскомъ курсѣ проф. Введенскаго [3]).

Итакъ не можетъ быть сомнѣнія, что *проф. Введенскій позаимствовалъ у меня отмѣченныя выше свѣдѣнія и примѣры*, числомъ больше сорока.

Спрашивается теперь, почему проф. Введенскій маскировалъ ихъ до неузнаваемости, доходя до ошибокъ и противорѣчій? Почему онъ старался скрыть свои заимствованія? Вѣдь, заимствованія въ учебникахъ—дѣло обычное, до извѣстной степени даже необходимое. Всѣ мы учимся у своихъ предшественниковъ, и многое з а и м с т в у е м ъ у нихъ, И каждый добросовѣстный составитель учебника, по необходимости, заимствуетъ и свѣдѣнія и дидактическіе пріемы у другихъ авторовъ. И я при составленіи своего учебника многое заимствовалъ; но я не стѣснялся въ этомъ сознаться въ своемъ предисловіи къ 1-му изданію: я упомянулъ имена

---

[1]) Къ 1 ноября она въ переписанномъ видѣ уже была представлена въ Ученый Комитетъ для соисканія большой преміи Импер. Петра Великаго.

[2]) Проф. А. И. В в е д е н с к і й. Логика для гимн.“... СПБ. 1910, предисл. стран. V.

[3]) См. настоящее изслѣдованіе X гл. § 1; примѣч. 1-ое стран. 200.

тѣхъ авторовъ, которые мнѣ оказали услуги, хотя у меня не придется и пяти заимствованій на одного автора [1]).

Проф. Введенскій, навѣрно, прочиталъ и мое короткое предисловіе и, конечно, знакомъ съ фактомъ заимствованій, а равно и съ добрымъ обычаемъ изъ благодарности упоминать использованныхъ авторовъ хоть въ предисловіи. Но несмотря на это проф. Введенскій нигдѣ моего имени не упоминаетъ. Почему? Мнѣ совѣстно дать отвѣтъ на этотъ щекотливый вопросъ. Но я думаю, что сами читатели давно уже догадались, почему.

§ 14. Заканчивая свое изслѣдованіе и критическій разборъ новой логики, я долженъ извиниться передъ читателями, что я мѣстами, быть можетъ, злоупотреблялъ ихъ вниманіемъ, слишкомъ подробно разбирая ошибки новой логики. Мнѣ могутъ поставить въ вину и то, что я проф. Введенскаго не по заслугамъ ввелъ въ почтеннѣйшую компанію Аристотеля, Боэція, Бэкона, Милля, Зигварта. Въ свое оправданіе я могу сказать слѣдующее. Не выйди новая логика въ „наше время“, подобная обстоятельная критика была бы излишней. Но въ наше время господства софистики (въ худшемъ значеніи этого слова), когда требованія истины и этики нагло попираются ногами,—и въ „ученую“ критику вошли въ обыкновеніе крайне несимпатичные пріемы. Теперь у насъ и въ журналахъ нерѣдко пишутся критики такими лицами, которыя не имѣютъ достаточной научной подготовки и даже не интересуются наукой, какъ таковой, т. е. ради достиженія и распространенія истины. Наши „критики“ нерѣдко пользуются добрымъ именемъ науки, чтобы проводить въ печати свою политическую или партійную тенденцію, или даже личные интересы, которые очень далеки отъ истинной науки. При этомъ нерѣдко пускаются въ ходъ такіе пріемы, которые недостойны не только представителей науки, но даже и обыкновенныхъ порядочныхъ людей [2]). Въ этихъ видахъ

[1]) Въ предисловіи ко 2-му изданію я поблагодарилъ и преподавателя Вологодской духовной семинаріи И. П. Романова за сдѣланныя имъ цѣнныя указанія.

[2]) Мнѣ самому пришлось имѣть дѣло съ подобными критиками, и только подъ угрозой суда я въ одномъ случаѣ добился (черезъ два года) напечатанія моего отвѣта въ томъ же журналѣ; однако и это сдѣлано не соотвѣтственно закону (139 статьѣ цензурнаго устава), на томъ же мѣстѣ, на которомъ была напечатана критика моей книги.

мнѣ было бы весьма оскорбительно, если бы и меня причислили къ разряду подобныхъ критиковъ. Поэтому я предпочелъ придерживаться добрыхъ старыхъ традицій ученой критики: я подтверждаю каждое свое положеніе не только ссылками на критикуемое сочиненіе, но и подлинными словами критикуемаго автора, безъ тенденціозныхъ урѣзокъ и искаженія смысла. А неправоту критикуемаго я доказываю соображеніями и данными науки. Иногда же къ нимъ прибавляю довольно обстоятельныя разъясненія, гдѣ это оказалось нужнымъ. Вслѣдствіе этого у меня, вмѣсто критической статьи, получилась цѣлая книга [1]).

Изъ всего изложеннаго читатель могъ убѣдиться, что я добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ. При этомъ я отчасти имѣлъ въ виду и проф. Введенскаго, и его „усерднѣйшую просьбу"—„указать въ печати... все, что (въ его Логикѣ) покажется ошибочнымъ какъ въ научномъ, такъ и въ дидактическомъ отношеніи" [2]). Но въ гораздо большей степени я имѣлъ въ виду преподавателей логики и молодое поколѣніе, которое можетъ сбиться съ толку „философіей" проф. Введенскаго относительно своихъ лучшихъ стремленій, т. е., благородныхъ научныхъ интересовъ.

Еще считаю нужнымъ извиниться передъ читателями, что кое-гдѣ и у меня проскальзывало мое личное мнѣніе объ ошибкахъ критикуемаго автора. Этой дурной привычкой я невольно заразился у самого автора, критикуемаго мною,—у проф. Введенскаго. Но въ этомъ, я несравненно меньше виноватъ, чѣмъ онъ въ своихъ офиціальныхъ

---

[1]) Эту обстоятельность обоснованія моихъ доводовъ, а равно—и разъясненій я тѣмъ болѣе считалъ для себя обязательной, что иначе, меня могли бы заподозрить въ пристрастіи. Могли бы подумать, что я изъ меркантильныхъ расчетовъ старался подорвать кредитъ моего конкурента. Читатели могли убѣдиться изъ всего изслѣдованія, что мнѣ нечего опасаться конкуренціи новой логики. Ея недостатки слишкомъ „кидаются въ глаза", чтобы ихъ не могли замѣтить преподаватели гимназій, знакомые съ моимъ учебникомъ.

[2]) Проф. А. И. Введенскій, „Логика, какъ часть теоріи познанія. Спб. 1909. Стран. III. Указать ему все, даже несомнѣнно ошибочное, я не могъ: иначе, пришлось бы мнѣ написать еще одну книгу, которой никто не прочиталъ бы, даже самъ авторъ этой „усерднѣйшей просьбы".

критикахъ, а равно и въ критическихъ экскурсахъ своего университетскаго курса логики по отношенію къ критикуемымъ имъ коллегамъ по университету. См. напр., *унив. курсъ* стран. 318—321.

Тутъ проф. Введенскій употребляетъ эпитеты „туго ученый", „книжный червь" и насмѣшливыя восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: „такой величайшій геній" и „такіе родятся даже не каждое тысячелѣтіе". Все это пускается въ ходъ по адресу коллеги по университету въ курсѣ, обязательномъ для слушателей университета и для курсистокъ, ищущихъ свѣта истины и согрѣвающей силы правды! И за что достается все это его коллегѣ? За то, что онъ не раздѣляетъ философіи Канта, въ которую свято вѣритъ проф. Введенскій. Но этой философіи не раздѣляли и величайшіе философы 19-го вѣка! Въ философіи, т. е. въ метафизикѣ, еще не скоро будетъ достигнуто единство. Въ элементарной же логикѣ оно д а в н о уже существуетъ; однако проф. Введенскій умудрился сдѣлать 249 отступленій въ сторону, которыхъ н и к т о не одобритъ, какъ ихъ не одобряю и я. Все же я не употребляю его выраженій. Тѣмъ не менѣе проф. Введенскій не пощадитъ и меня. Я увѣренъ, что онъ по прочтеніи моего изслѣдованія—если у него хватитъ на это мужества—не поблагодаритъ меня за то, что я такъ д о б р о с о в ѣ с т н о, хотя и не въ полномъ размѣрѣ, и с п о л н и л ъ его „усерднѣйшую просьбу". Онъ разразится своими обычными пріемами полемики, которые ничего общаго не имѣютъ ни съ логикой, ни съ логичностью. Онъ разразится ими, несмотря даже на настоящее мое предсказаніе. „Naturam expellas furca, tamen usque recurret" (Ovid). Но я не боюсь его гнѣва: благо, насъ отдѣляютъ больше тысячи верстъ! Еще менѣе боюсь я его логичности мышленія: читатели видѣли, какова она.

Оглавленіе*).

Стран.

Предисловіе III

I. Опредѣленіе и задача логики . . . . . 1—18

А. Историческій обзоръ разныхъ направленій . . . . . 1—4

§ 1. Формальная логика (1). § 2. Матеріальная индукція и методологія (2). § 3. Гносеологическая логика (2 и 3). § 4. Метафизическая логика (3—4).

Б. „Новая логика“ . . . . . 4—13

§ 5. Опредѣленіе логики въ универс. курсѣ проф. Введенскаго (4—5). § 6. Его же опредѣленіе логики въ учебникѣ для гимн. (5—6). § 7. Его опредѣленіе „правильнаго мышленія“ (6—8). § 8. Критика этого опредѣленія (9—10). § 9. Противорѣчія (10—11). § 10. Другое толкованіе правильнаго мышленія въ новой логикѣ (11—12). § 11. Исправленное опредѣленіе логики (12—13).

В. Задачи логики и ихъ критика . . . . 13—18

§ 12. Задачи логики въ универс. курсѣ (13). § 13. Задачи логики въ гимназич. учебникѣ проф. Вв—го (14—15). § 14. Противорѣчія относ. задачъ логики въ этомъ учебникѣ (15—16). § 15. „Логика провѣрки“ (16—17). § 16. „Пятая и шестая задачи“ въ этой логикѣ (17). § 17. „Объясненіе правилъ логики“ у проф. Вв—го (18).

II. Логическіе законы мышленія.

(Ихъ значеніе и число. Законъ достаточнаго основанія). . . . . . **19—40**

А. Историческій очеркъ. . . . . 19—27

§ 1. Опредѣленіе и примѣненіе законовъ (или аксіомъ) мышленія (19). § 2. Аксіомы мышленія у Аристотеля

*) Числа въ скобкахъ означаютъ страницу соотвѣтственнаго параграфа.

(20). § 3. Значеніе закона тожества (20—21). § 4. Нарушенія этого закона (22). § 5. Устойчивость познанія и тожество сущностей въ реальномъ мірѣ (23). § 6. Разныя названія и различное число законовъ мышленія (24). § 7. Аксіомы, или основныя начала у Бэна и М. Троицкаго (25). § 8. Отступленіе у Милля (26). § 9. Итоги. Различіе въ терминологіи (27).

Б. Законъ достаточнаго основанія . . . . 27—40

§ 10. Достаточное основаніе у Декарта, Лейбница, Канта, Шопенгауэра (27—29). § 11. Достаточное основаніе у Вундта (29). § 12. Различіе между реальной причиной и логическимъ основаніемъ у Лейбница и Канта (29—31). § 13. Дост. основаніе у проф. Вв—го (31—32). §§ 14—16. Критика его формулы (32—34). §§ 17—19. Прирожденность и апріорность (34—37). §§ 20—22. Доказательства закона дост. основанія у проф. Вв—го и ихъ критика (37—40).

III. Формулировка основныхъ законовъ мышленія. Критика разныхъ формулъ . . . . . 41—61

§ 1. Два взгляда на *происхожденіе основныхъ законовъ* мышленія (41). § 2. Нормативные законы у проф. Вв—го и его противорѣчія (42). § 3. Его взглядъ на естеств. законы и его противорѣчія (43). § 4. Его ошибочный взглядъ на *законъ противорѣчія* (44). § 5. Критика этого взгляда (45). § 6. Исправленная формула закона противорѣчія (46). § 7. *Законъ исключеннаго третьяго* въ обѣихъ логикахъ проф. Вв—го и критика его формулъ (47). § 8. Ограниченіе этого закона (48). § 9. *Законъ тожества* въ формулировкѣ проф. Вв—го и критика его формулы (48—50). § 10—11. Критика взгляда, предполагающаго два метафизич. начала въ человѣч. мышленіи (51—52). §§ 12—13. Отношеніе логики къ психологіи (52—53). § 14. *Мѣсто въ учебникѣ*, отводимое основнымъ законамъ мышленія (53—54). § 15. Критика „ошибочныхъ формулъ", данная проф. Введенскимъ (55). § 16. Формулировка закона противорѣчія у Аристотеля, Милля, М. Троицкаго, Зигварта (56). § 17. Непослѣдовательность проф. Вв—го (57). §§ 18—21. Неправильная его критика чужихъ формулъ. Его поклепъ на профессора Минто (58—61).

IV. Первыя предпосылки наукъ.

(Истины очевидныя, аксіомы геометріи, законъ причинности) . . . . . 62—79

А. Общія замѣчанія . . . . . 62—65

§ 1. Возникновеніе скепсиса въ философіи (62). §§ 2—3. Возобновленіе скепсиса: скепсисъ пирроновцевъ по свидѣ-

тельству Секста Эмпирика (62—64). § 4. Скепсисъ въ гимназич. учебникѣ логики проф. Вв—го (64). § 5. „Расширеніе знанія“ въ новой логикѣ безъ критерія истины (65).

Б. Скепсисъ въ гимназич. учебникѣ проф. Вв—го относ. аксіомъ геометріи . . 66—72

§§ 6—7. Проф. Вв—ій требуетъ доказательствъ для аксіомъ геометріи (66—67). § 8. Возраженія на его скепсисъ (67—69). § 9. Одиннадцатая аксіома Эвклида о парал. линіяхъ и неправильное пониманіе проф. Вв—мъ геометріи Лобачевскаго (69—70). § 10. Опроверженіе ложныхъ выводовъ въ нов. логикѣ (70—71). § 11. Опроверженіе (мнѣнія, будто аксіомы нужно доказывать (71—72).

В. Скепсисъ въ гимназич. учебникѣ проф. Вв—го относ. закона причинности . 72—79

§ 12. „Недоказанность принциповъ естествознанія“ (72—73). § 13. Возраженіе на скепсисъ проф. Вв—го (73—74). § 14. Его скепсисъ относ. закона причинности (74—75). §§ 15—17. Возраженія профессору Вв—му (76—78). § 18. Оправданіе вѣры въ законъ причинности (78—79).

V. Неправильное пониманіе въ логикѣ Милля причинной связи . . . . . **80—96**

§ 1. Причинность и позитивизмъ Милля (80). § 2. Понятіе причины въ системѣ логики Милля (80—81). § 3. Заблужденія Милля (82—83). §§ 4—7. Мои возраженія Миллю на его примѣры и объясненія (83—86). § 8. Возраженія Миллю со стороны его журнальнаго критика (87). §§ 9—10. Мои возраженія на его выводы (87—90). §§ 11—12. Различія между условіями и дѣйствующей причиной (90—92). §§ 13—15. Мои примѣры (92—94). § 16. Опредѣленія дѣйствующей причины и условія (94—95). § 17. Возраженія Миллю со стороны проф. Л. Лопатина (95—96). § 18. Скептицизмъ Канта относ. причинности (96).

VI. Матеріальная индукція. Миллевскіе методы . **97—122**

А. Неправильное пониманіе причины въ новой логикѣ . . . . . 97—105

§ 1. Миллевскія заблужденія въ новой логикѣ (97). §§ 2—3. Понятіе „причина“ въ нов. лог. (98—100). § 4. Смѣшеніе двухъ значеній „причины“ (100). § 5. Неправильное объясненіе въ нов. логикѣ возникновенія этихъ двухъ значеній (101—102). §§ 6—7. Противорѣчія проф. Вв—го въ объясненіи причины (102—105).

Б. Искаженіе Миллевскихъ методовъ въ обѣихъ логикахъ проф. Вв—го . . . 105—122

§§ 8—9. Неправильная формулировка и объясненіе у Милля индукт. метода сходства (105—107). § 10. Способъ провѣрки метода сходства; непослѣдовательность Милля (107—109). §§ 11—12. Искаженія Миллевскаго понятія причины въ новой логикѣ (109—111). § 13. Неудачные примѣры проф. Вв—го (111). §§ 14—15. „Незамѣтныя явленія" проф. Вв—го (111—114). § 16. Мнимыя „догадки" въ новой логикѣ (114). §§ 17—22. Индуктивные методы въ новой логикѣ (115—122).

VII. Логическая условность. Историческій очеркъ ученія о гипотетическихъ сужденіяхъ и силлогизмахъ . . . . . 123—149

§ 1. Взгляды Аристотеля и его учениковъ, стоиковъ и скептиковъ (123—124). §§ 2—3. Ученіе *Боэція* (125—127). § 4. Авиценна, Альгацали, Абеляръ (127—128). § 5. Кантъ, Гербартъ, Тренделенбургъ (128—129). § 6. Ибервегъ (129—130). § 7. Джонъ Ст. Милль и М. Троицкій (130—131). §§ 8—9. *А. Бэнъ* (131—134). §§ 10—11. М. Владиславлевъ (134—136). § 12. М. Каринскій (131—138). § 13. Джевонсъ (138). §§ 14—16. *Зигвартъ* (138—143). § 17. Вундтъ (144—145). §§ 18—19. *Б. Эрдманнъ* (145—148). § 20. Итоги (148—149).

VIII. Гипотетическіе силлогизмы въ новой логикѣ. Заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ. 150—169

А. Гипотетическіе силлогизмы . . . . . 150—160

§ 1. Усовершенствованія этого ученія въ учебникѣ логики И. С. Продана (150—152). § 2. Чисто-условный силлогизмъ въ новой логикѣ (152—153.) § 3. Modus ponens въ новой логикѣ проф. Вв—го (153—154). § 4. Необходимое ограниченіе этого модуса (154—155). §§ 5—6. Модусъ tollens въ обѣихъ логикахъ проф. Вв—го (155—158). §§ 7—8. Разъясненіе ошибокъ въ обѣихъ традиціонныхъ формулахъ (158—160).

Б. Заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ. 160—169

§ 9. Вѣроятность подобныхъ заключеній (160—161). §§ 10—12. Примѣры аподиктически вѣрныхъ заключеній (161—163). § 13. Полемика проф. Вв—го съ проф. Владиславлевымъ (164). §§ 14—16. Заблужденія и противорѣчія проф. Вв—го (165—168). § 17. Умозаключеніе отъ отсутствія причины или существеннаго условія къ отсутствію дѣйствія (168). § 18. Доказательство единообразія въ природѣ.

IX. Планъ и методъ; терминологія и опредѣленія. 170—199

А. Планъ и методъ . . . . . 170—182

§ 1. Отъ логики можно требовать, чтобы она была изложена логично (170). § 2. Противорѣчіе между антипсихологизмомъ проф. Вв—го и его планомъ, заимствованнымъ изъ психологіи (171). Оглавленіе новой логики (172—173). § 3. Критическое возраженіе противъ плана новой логики (173—174). § 4. Мотивировка этого плана въ новой логикѣ (174—175). §§ 5—7. Опроверженіе этой мотивировки (175—181). § 8. Дидактическія требованія, предъявляемыя къ преподавателю логики въ гимназіи (181—182).

Б. Терминологія и опредѣленія . . . . . 182—199

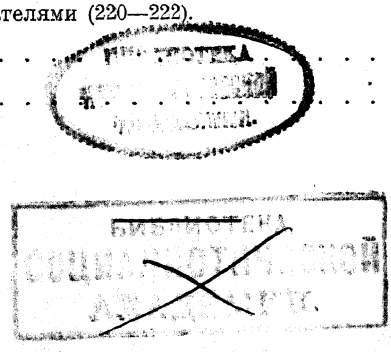
§ 9. Новая терминологія проф. Вв—го; перечень его 40 новыхъ терминовъ (182—185). § 10. Критика этой терминологіи (185—186). § 11. Требованія относ. научной терминологіи (187). §§ 12—15. Неправильныя опредѣленія проф. Вв—го (188—194). § 15. Опредѣленіе противоположныхъ понятій въ универс. курсѣ (194—196). § 16. Противорѣчащія и противоположныя сужденія (196—198). § 17. Невѣрныя опредѣленія „признаковъ“, „логич. законовъ мышленія“ и „эксперимента“ (198—199).

X. Итоги. Заключеніе . . . . . 200—222

§ 1. Подсчетъ оригинальныхъ ошибокъ новой логики (200—202). § 2. Возможное возраженіе (202—203). § 3. Аподиктическая увѣренность автора новой логики (203—204). § 4. Вѣроятныя впечатлѣнія ея на учениковъ (205—206). § 5. Стиль и напутствіе автора новой логики; опечатки (206—208). §§ 6—10. Сорокъ слишкомъ „совпаденій“ новой логики съ учебникомъ И. С. Продана (208—216). § 11. Замаскированное „совпаденіе“ § 1-го новой логики (216—217). § 12. Возможныя возраженія относ. заимствованій проф. Вв—го (217—218). § 13. Всѣ „открытія“ и новшества—плодъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Почему проф. Вв. старался замаскировать свои заимствованія? (219—220). § 14. Извиненія передъ читателями (220—222).

Оглавленіе . . . . . **223—227**

Опечатки **228**



ОПЕЧАТКИ.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	2 сн.	Драблъ	Дрбалъ
4	15 сн.	имъ въ	имъ
5	11 св.	§ 9 Проф.	Проф.
14	16 св.	знанія	знанія,
15	17 св.	кой	кой“
20	5 св.	сущаго,	сущаго“,
23	9 св.	породилъ	породило
25	11 сн.	unctionis	junctionis
30	9 сн.	о ихъ	объ ихъ
32	3 св.	протоворѣчія	противорѣчія“
32	12 св.	Введенскимъ	Введенскимъ,
34	3 и 4 св.	, не сознавая	безъ сознанія
34	18 сн.	холодъ онъ считаетъ	онъ считаетъ холодъ
44	15 св.	онь	онъ
50	3 св.	§ 9. Проф.	Проф.
52	15 сн.	Откуда	Если это такъ, то спрашивается, откуда
54	11 сн.	преподаватель	преподаватели
77	1 сн.	Лейцфельдъ	Лейкфельдъ
82	1 св.	тзаь	зать
101	11 св.	всегда	всегда:
115	10 св.	логикѣ	логикѣ § 175
116	16 св.	такъ	въ § 176 такъ
123	11 сн.	древностн.	древности.
125	11 сн.	есть два вида:	два вида:
193	10 св.	точно:	точно;
196	6 св.	духомъ	духомъ.
197	9 сн.	учебникѣ	учебникѣ;
200	7 св.	мѣрѣ.	мѣрѣ,
201	19 сн.	(смотрѣнія	смотрѣнія
208	2 сн.	I.	I